

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальное издание избранных материалов

«СССР, вы похоронили социализм!»

— так должен был бы звучать по-русски этот лозунг, вывешенный чехами в августе 1968 г. в Праге, когда попытка чешских реформ была подавлена советскими танками. Позволим себе не согласиться с авторами лозунга: тогда в Чехословакии социализм был не похоронен, а восстановлен. Но не пришло ли время его действительно похоронить в самом СССР? Не вынуждено ли сегодня советское руководство начать реформы, аналогичные чешским?

В номере:

- О параллелях между реформами Дубчека и Горбачева
- Самиздатская запись выступления 1-го секретаря МГК Ельцина
- XXXVIII Посевская конференция
- К 100-летию русского философа Г. П. Федотова
- Интервью с гроссмейстером Корчным

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев“ видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев“, литературный ежеквартальный журнал „Грани“; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев“ типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда“. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

„СТРАНА И МИР“, ежемесячный общественно-политический журнал, выходящий в Мюнхене. Либерально-демократическое направление.

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес Фонда: M. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds, D-6000 Frankfurt/M-18, Postfach 18 0451.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Настоящий выпуск содержит
избранные статьи за три месяца:
октябрь — ноябрь — декабрь 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНЕ. Математик за колючей проволокой (2). — К. М. Освобождение Ю. Орлова (4). — Николай Погиба. Искать новые пути борьбы (6). — Я. Марков. Гибель подлодки (8)

ЧЕРНОБЫЛЬ. Л. Сергеева. Придворный штамп и поиск правды (10). — А. Милищ. Эстонские рабочие в Чернобыле (12). — Швеция после Чернобыля (13)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. С. Хованский. Итоги шестилетней борьбы (14). — Афганская хроника (19). — В. Рыбаков. Трагедия героизма (20). — Заявление комитета спасения советских пленн (22). — Вывод шести полков

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Г. Юрьев. Социализм по-китайски (23). — В. Мишин. Рейкьявик: встреча Горбачев-Рейган. — Сообщения (28)

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОППОЗИЦИЯ. В. Поремский. „Привет чешским реформаторам!“. — Грязный колодец. Выступление Б. Нелцина (45). — А. Югов. Откуда берется грязь? (50). — Р. Вобов. Поражение перебросчиков (57)

ЭКОНОМИКА. А. А. О предпосылках коренных реформ (60). — А. Югов. „Двуединая формула“ Горбачева (62)

XXXVIII КОНФЕРЕНЦИЯ „ПОСЕВА“. Перспективы перемен в Советском Союзе (69)

ЖУРНАЛУ „ГРАНИ“ — 40 ЛЕТ. Интервью с Е. Р. Романовым (73)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Я. Трушнович. Венгерской революции — 30 лет (78)

„ПОСЕВ“ — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„Посев“ участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость одоровательных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „Посев“ выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

Во все немецкие и большинство других крупных книжных магазинов принимают заказы на наши книги

ИДЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ. Роман Редлих. Корень русской культуры. К 100-летию Г. П. Федотова (81). — Роман Редлих. Единство во множестве (84)

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. Н. Жданов. „Посев“ на книжной ярмарке (86)

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ. В. Корчной рассказывает (88)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Н. Росс. „Вестник РХД“ №№ 145 и 146 (91). — Ю. Кублановский. Актуальность Бердяева (94)

Математик за колючей проволокой

Редакция получила новый материал о судьбе В. Сендерова. Мы публикуем только письмо, в котором описывается, как В. Сендеров преследуется в заключении за продолжение своей научной работы в области математики. Упоминание в приложениях к письму работы Сендерова могут интересовать лишь ученых-математиков. Поэтому редакция направит их ученым, надеясь, что коллеги В. Сендерова встанут на его защиту.

В. А. Сендеров был арестован 17 июня 1982 года по ст. 70, ч. 1 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и приговорен к 7 годам заключения плюс 5 лет ссылки.

Валерий Анатольевич Сендеров — талантливый математик, занимающийся функциональным анализом (индефинитные метрики). Он — автор 14-ти опубликованных (до ареста) работ. Много внимания уделял математической подготовке школьников; автор ряда задач, включая олимпиадные; был внештатным сотрудником журнала „Квант“; готовил команду московской математической школы № 2 к участию в Международных математических олимпиадах.

Известен на Западе в качестве одного из авторов материалов о дискриминации евреев при поступлении на мехмат МГУ и другие вузы.

После ареста и по сию пору В. А. Сендеров не оставляет свои математические занятия, несмотря на жестокое противодействие. Еще находясь в предварительном заключении в следственном изоляторе КГБ СССР „Лефортово“ (VI-1982—IV-1983), Валерий Сендеров написал ряд математических работ объемом около 150-ти страниц. Эти материалы не вышли из стен КГБ СССР, несмотря на неоднок-

кратные обещания следователя Попова В. П. передать их матери В. А. Сендерова. Нам известен только краткий автореферат В. А. Сендерова на одну из этих работ (приложение 2, № 1; приложение 3).

В начале лета 1983 года В. А. Сендеров прибыл в пермский лагерь для полит.з/к № 35 (618810, Пермская обл., Чусовский р-н, п/о Всесвятское, учр. ВС-389/35). Администрация этого учреждения поставила своей целью не давать В. А. Сендерову возможности заниматься наукой. Математические рукописи его регулярно изымали (первое время) и затем рвали на кусочки на его глазах. Кроме того, у него были изъяты Библия и нательный крест. Это побудило В. А. Сендерова объявить голодовку перед и на время прохождения в Варшаве Международного Математического конгресса.

В пермском лагере № 35 В. А. Сендеровым были написаны 3 математические работы, одна из них — рукопись на 100 с лишним страниц. Местонахождение этих работ, и даже то, сохранились они или были уничтожены, неизвестно. В. А. Сендеров сопротивлялся репрессиям администрации, что приводило к дальнейшим дисциплинарным наказаниям и новым репрессиям. С осени 1983 г. до лета 1985 г. (в течение 2-х лет!) — от него не было получено ни одного письма, не было свиданий (до настоящего времени). Его регулярно наказывали заключением в ШИЗО (штрафной изолятор), где за время своего пребывания в учр. ВС-389/35 он провел, в общей сложности, более 100 (!) суток, и ПКТ (помещение камерного типа — внутри-лагерная тюрьма). Наконец, весной 1985 г. „за регулярное нарушение режима“ он был приговорен к 3-летнему тюремному заключению.

С марта 1985 года по настоящее время В. А. Сендера содержат в исполнительной тюрьме г. Чистополя (422950, Татарская АССР, г. Чистополь, учр. УЗ-148/ст. 4).

В. А. Сендеров продолжает заниматься

математикой и в Чистополе. К сожалению, просачиваются лишь отрывочные сведения о результатах его работы. В частности, известно, что В. А. Сендеровым решена проблема, поставленная в книге его учителя М. А. Наймарка „Нормированные кольца” — М., 1956, гл. 5, § 25, стр. 284. Известно, что *всякое дуальное кольцо является аннуляторным кольцом*. До сих пор было неизвестно, верно ли обратное утверждение. В. А. Сендеровым доказано, что обратное, вообще говоря, неверно. Построен простой контрпример.

За время заключения В. А. Сендерова произошло еще одно событие (или, точнее, процесс), представляющее интерес для математической мировой общественности. Впрочем, то, о чем будет рассказано ниже, настолько типично для судьбы творческого наследия лиц, подвергающихся репрессиям в СССР, что это, на наш взгляд, будет интересно не только математикам.

Что происходит с произведениями человека, оказавшегося „политическим преступником”? Большой частью они просто исчезают (не публикуются десятилетиями, опубликованные — изымаются). Примеров бесконечно много. Такая судьба постигла и большинство работ В. А. Сендерова, написанных в заключении (см. выше).

Но возможен и другой вариант. Работы выходят в свет, но под другой фамилией или под одной из двух фамилий, если они были написаны в соавторстве. Такая судьба постигла, например, ряд детских стихов Д. Хармса, написанных в соавторстве с С. Маршакom.

Такая же история произошла с математическими работами В. Сендерова, написанными в соавторстве с Виктором Хацкевичем.

В. А. Хацкевич — воронежский математик, кандидат физ.-мат. наук. 11 июня 1982 года (за пять дней до ареста) Валерий Сендеров отнес в редакцию журнала „Функциональный анализ” свою статью (написанную совместно с В. Хацкевичем) — „Обобщенная метрика на операторном шаре” — см. приложение 2, № 3.

Статья опубликована в журнале в 1983 году (см. ссылку) под одной фамилией — В. А. Хацкевич. На статье стоит верная дата: 11.6.82 г.

Очень сложные события развернулись в связи со второй совместной работой В. Сендерова и В. Хацкевича — „О критериях непрерывности...” (приложение 2, № 2; приложение 4). Эта статья была выкинута до опу-

бликования из некоего сборника после ареста В. Сендерова. Более трех лет она лежала в столе В. Хацкевича. Затем Хацкевич ее слегка перекомпоновал и отослал в ВИНИТИ для депонирования только под своей фамилией. Этот момент совпал с просьбами Валерия Сендерова, содержащимися в его письмах из Чистополя, вернуть его матери рукописи статьи. В. А. Сендеров публикация статьи, или хотя бы ее рукописи, действительно необходима. В ней содержатся определения, постановки задач и начальные результаты, находящиеся в основе его работы (приложение 2, № 1) — и дальнейших работ. В. Хацкевич в настоящее время данной проблематикой не занимается. Поскольку статья „О критериях непрерывности...” писалась в соавторстве, отметим здесь вклад каждого из соавторов. Разработка методов, подходов к задачам, начиная с основных определений, целиком принадлежит В. А. Сендерову. В. А. Хацкевич доказал в несколько более общей формулировке, чем В. А. Сендеров, одно из предположений; ему также принадлежит удачная перекомпоновка работы.

Судьба талантливого математика В. А. Сендерова является, к сожалению, типичной. После его ареста по политическим мотивам его лишают возможности заниматься наукой; его работы, написанные в невероятно тяжелых условиях, оседают в архивах КГБ или уничтожаются; его работы, написанные еще до ареста, присваиваются иными лицами.

Ни один математик, ни один человек, занимающийся творческой работой, не может оставаться равнодушным к происходящим с чисто математическими (!) работами Валерия Сендерова событиям.

Особо хочется обратить внимание профессора Лорана Шварца, а также профессора Ф. Бонсала (Bonsall F. F.) на все изложенное выше. Эти известные математики внесли большой вклад в проблематику, развиваемую В. Сендеровым. Проф. Лоран Шварц опубликовал на Западе и работы В. Сендерова в защиту евреев, поступающих на мехмат МГУ.

Настоящая информация имеет своей целью ознакомить всех заинтересованных лиц, особенно математиков, с положением и математическими результатами В. А. Сендерова. Отметим, что состояние его здоровья также внушает серьезные опасения (значительная дистрофия, опухание ног, боли в сердце).

Недавно стало известно, что в декабре 1985 года Валерий Сендеров обратился к администрации Чистопольской тюрьмы с просьбой об отсылке написанных в тюрьме математических работ — своей матери. Просьба, к удивлению Сендера, не встретила формального отказа со стороны администрации тюрьмы, и работы Валерия были отосланы... в г. Казань, на „математическую экспертизу“, на предмет нахождения (или ненахождения) в них „математической шифровки“, чем казанские математики и занимаются до сего времени, уже более четырех месяцев.

Думаем, что — по разным причинам — очень полезны были бы для Валерия Сендера посылки и бандероли с Запада с математической литературой по интересующим его вопросам.

В приложении 1 содержится список 14-ти опубликованных работ В. А. Сендера. В приложении 2 содержатся названия и данные об известных нам неопубликованных работах В. А. Сендера, в том числе написанных в соавторстве с В. А. Хачкевичем. Приложение 3 содержит автореферат В. А. Сендера на его работу (приложение 2, № 1), написанную в Лефортово. В приложении 4 содержатся основные определения и результаты, полученные в работе „О критериях непрерывности...“ — (приложение 2, № 2).

Читателей, заинтересованных в возвращении остальных работ В. А. Сендера, написанных им в заключении, просим обращаться непосредственно к:

1) ПОПОВУ Владимиру Павловичу, следователю УКГБ по Москве и Московской области, — г. Москва, ул. Малая Лубянка, д. 12-а; тел.: 224-46-13;

2) ОСИНУ Николаю Макаровичу, начальнику учр. 389/35 — по адресу: 618810, Пермская обл., Чусовской р-н, п/о Всесвятское, ВС-389/35.

...Имена и адрес их коллег из г. Казани нам, к сожалению, не известны.

ДОПОЛНЕНИЯ:

1) Работы, представленные в приложениях 5 и 6 написаны В. А. Сендеровым в заключении.

2) По имеющимся у нас данным, в настоящее время состояние здоровья В. А. Сендера значительно улучшилось.

Посылки и бандероли с математической литературой просим направлять по адресу:

422950, Татарская АССР, г. Чистополь,
учр. УЭ-148/ст. 4, Сендерову В. А.

Москва, апрель—май 1986 г.

*

Группа английских парламентариев, посетив Москву в июне 1986 года, обратила внимание советского правительства на случаи нарушения прав человека в Советском Союзе. Был поднят также вопрос о судьбе В. А. Сендера. Советская сторона обещала дать ответ на запрос английских парламентариев. Английскую делегацию возглавлял лорд Уайтлоу (член Совета королевы); в ее состав входили представители английских партий, среди них лейборист Д. Хилей, консерватор и также член Европейского парламента Т. Джэксон, либерал А. Бейтс.

Освобождение Ю. Орлова

Юрий Федорович Орлов, физик, доктор наук, член-корреспондент Армянской академии наук и один из основателей Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, прибыл 5 октября 1986 года с женой Ириной Валитовой в Соединенные Штаты.

За правозащитную деятельность Орлов был арестован 10 февраля 1977 года и приговорен к 7 годам лагеря и 5 годам ссылки. На свободу он вышел через 9 лет, 7 месяцев и 19 дней после ареста.

Последний советско-американский кризис был вызван арестом в Нью-Йорке в сентябре сего года советского разведчика Геннадия Захарова и ответного ареста в Москве американского журналиста Никласа Данилова. На советское предложение обменять Захарова на Данилова американская сторона ответила категорическим отказом и выступила со встречным предложением обменять разведчика Захарова на правозащитника Орлова. Советская сторона согласилась (заведомо невиновный Данилов был, после заключения соглашения, сразу освобожден). Вероятно, советское руководство согласилось освободить Орлова еще и потому, что приближалась дата встречи Рейгана и Горбачева в Рейкьяви-

ке, и Политбюро решило сделать „ловкий дипломатический шаг“.

28 сентября Юрию Орлову в поселке Ко-бае (Якутия), где он отбывал ссылку, местный офицер КГБ приказал быть готовым к отъезду в течение часа. 30 сентября Орлова привезли в Москву, где, как ему сказали, будет проведено следствие, и направили в Лефортово. О том, что он лишен советского гражданства и высылается в США, Орлов узнал 2 октября. С женой он встретился на борту самолета — за полчаса до отлета в США.

Седьмого октября в зале гостиницы „Хайат“ в Нью-Йорке состоялась пресс-конференция, организованная Американской хельсинкской группой, Центром за демократию и Комитетом озабоченных ученых — SOS („Спасите Сахарова, Орлова, Щаранского“).

Председательствовал на пресс-конференции руководитель Хельсинкской группы США Роберт Бернштейн. В президиуме находились: Орлова Ирина Анатольевна, английский защитник Юрий Федорович, Королевский Советник Джон Макдональд, д-р Моррис Припстейн, возглавитель группы ученых, защищавших Сахарова, Орлова и Щаранского, и бывший член Московской Хельсинкской группы Юрий Ярим-Агаев.

Юрий Федорович выступил с кратким словом, сердечно благодарив всех тех людей доброй воли, которые помогали ему в тяжелое для него время и способствовали его освобождению:

„Невозможно привыкнуть к тому, что я здесь — на свободе, тогда как большое число людей, которые лучше меня и во многих отношениях несчастнее меня, остались в заключении.

По-настоящему надо было бы о них говорить, и это тяжелое душевное испытание — выбирать, о ком сказать, а о ком сегодня не говорить.

Сегодня я хочу сказать лишь о трех людях. Это, прежде всего, наш великий современник Андрей Сахаров.

Я должен еще раз сказать об Анатолии Марченко, который держит голодовку с 4 августа. Эта голодовка приурочена к Венскому совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это один из наиболее мужественных членов Московской хельсинкской группы. Он сегодня в самом тяжелом положении и может погибнуть, если мы не поднимем голос в его защиту. В воскресенье — День Анатолия Марченко.

А сегодня у нас — День Анатолия Корягина. Это ученый-медик, кандидат медицинских наук, который нашел в себе мужество отказаться от обычной

спокойной жизни и поднять свой голос в защиту преследуемых — жертв карательной психиатрии.

Итак, я повторяю — Сахаров, Марченко, Корягин, Корягин, Марченко, Сахаров.

На первый взгляд кажется, что речь идет просто о защите преследуемых людей, и мы должны проявить доброту и милосердие. Но дело не только в этом. Проблема гораздо глубже. Главная проблема современности — это мир и безопасность, это совершенно очевидно. Но безопасность — это, прежде всего, доверие между народами. Ядерное оружие имеют США, Англия, Франция, но при том доверии, которое существует между ними, совершенно ясно, что это не приведет их к военному конфликту. Полное разоружение, конечно, необходимо. Но при отсутствии доверия война может начаться и обычным оружием и перерасти в ядерную, так как военная промышленность обеих сверхдержав — „на ходу“.

Итак — доверие. Но если доверие, то это, прежде всего, — открытость. А те люди, о которых я говорю, — это как раз „рыцари открытости“. Они осмеливаются открыто говорить обо всех проблемах, которые волнуют сейчас людей. А многие проблемы фактически запрещены для обсуждения в моей стране. И, таким образом, эти люди преследуются за открытость, за то, что прямо говорят то, что они думают. Поэтому защита этих людей — долг всех тех, кто борется за мир и безопасность.

Вторая сторона проблемы. Обычное возражение советского правительства состоит в том, что защита людей, преследуемых за их убеждения в Советском Союзе, — это вмешательство во внутренние дела СССР. Гуманитарные статьи Заключительного Акта власти интерпретируют так, будто эти статьи должны выполняться исключительно по государственной линии. Но если контакты между людьми находятся целиком под контролем государства, эти контакты полезны для обоих государств с точки зрения деловой, но они очень мало вносят в дело мира и безопасности. Разрядка не является необратимой, она обратима, если ее держит в своих руках только государство. Это похоже на работу машины: она может делать много сложных движений, но ее можно повернуть обратно в любой момент. Настоящая разрядка может возникнуть только тогда, когда миллионы людей одной страны будут свободно контактировать с миллионами людей другой страны. Должно существовать взаимопроникновение одного народа в другой“.

После пресс-конференции Ю. Ф. Орлов вылетел в Вашингтон, где был принят президентом Рейганом. После приема Орлов заявил: „... Я высказал свои мысли относительно связи между проблемой мира и безопасности и проблемой прав человека... Меня выслушали внимательно... Мое впечатление: Рейган хорошо понимает проблему“. Давая затем

интервью нью-йоркской редакции „Радио-Свобода“, Орлов, отвечая на вопрос о перспективах развития правозащитного движения в СССР, сказал: „Правозащитное движение в той форме, в которой оно существовало, более или менее разгромлено. Но, с другой стороны, нужно учитывать... что советская интеллигенция решительно не хочет возврата к антиправовым методам управле-

ния... Я думаю, что есть причины для существования правозащитного и просто политических движений. Эти причины никуда не делись, они сохранились и в других формах — возродятся. Но это не будет, видимо, ориентация на зарубежные средства информации. Это будет ориентация исключительно на внутренние возможности...”.

К. М.

Нью-Йорк

Искать новые пути борьбы

Советские рабочие не раз посредством Самиздата высказывали общественности свои взгляды, концепции. Вне зависимости от уровня эти документы чрезвычайно ценны тем, что отражают попытки рабочих понять и анализировать коммунистическую власть в нашей стране. Нижеследующее открытое письмо принадлежит перу украинского рабочего Николая Трофимовича Погибы. Это письмо было им написано в 1980 году и послано из лагеря в Украинскую группу „Хельсинки“. Как нам кажется, это письмо не потеряло своей актуальности. И хотя со многими положениями Николая Трофимовича трудно согласиться, мы считаем, что письмо будет интересно нашим читателям. Срок заключения Н. Т. Погибы уже закончился, нужно надеяться, что он на свободе. И мы не знаем, продолжает ли Н. Т. Погиба придерживаться излагаемых в письме убеждений.

Не секрет, что в Советском Союзе со дня его возникновения и по сегодняшний день грубо попирались и попираются элементарные права человека со стороны государственной власти. Эти попираательства и прямой произвол в наибольшей степени распространяются на рабочего человека, который, по существу, лишен возможности в нашей стране бороться с политическим и социально-экономическим гнетом.

Одним из таких примеров является моя жизнь и так называемая моя клеветническая деятельность, за которую я отбываю второй срок заключения. Что же это за „преступления“, за которые я был осужден в 75 г. по ст. 187-1 Киевским облсудом к трем годам лишения свободы, а в 79 г. за такую же „клеветническую“ хулиганскую деятельность по ст. 206 нарсудом Ленинского р-на г. Киева — к пяти годам?

Находясь на самой низкой ступени советской общественной лестницы, будучи рабочим, я прямо и непосредственно на себе ощутил тяжесть экономического, социального-политического и национального гнета. И, конечно, я не мог не задумываться и не искать настоящих причин этого гнета. Со временем я увидел, что эксплуатации подвергаются такие же, как я, рабочие, и степень эксплуатации тем больше, чем ниже находится человек на общественной лестнице.

Так или иначе, я пришел к убеждению, что основным эксплуататором в СССР является государство и обслуживающий его класс государственно-партийной буржуазии, кото-

рой принадлежит в стране реальная власть. Социализм, о котором так много говорят в СССР, как и так называемое общенародное государство, есть не что иное, как ширма, за которой скрывается настоящий (отнюдь не социалистический) способ производства и распределения материальных благ. Короче, я пришел к убеждению, что в нашей стране существует общество государственного капитализма с тоталитарной формой политической власти.

Будучи от природы общительным, я в беседах с рабочими как на работе, так и в быту высказывал свои взгляды на ряд сторон нашей т. н. советской действительности, и в этом не видел ничего предосудительного. В частности, в своих разговорах с товарищами по работе я указывал, что настоящая причина нашего нищенского положения кроется не в ошибках администрации, а в самой структуре производственных отношений, которые являются в самом деле капиталистическими. Где рабочая сила есть товар, продающийся значительно ниже своей стоимости, и где рабочий класс, будучи производителем материальных благ, не принимает участия в их распределении. Я указывал, что в этом кроется основная причина нищенского, по существу бесправного, положения рабочего класса в нашей стране. В своих беседах, а также в листовках, которые я самодельно составлял и распространял в г. Киеве — на досках объявлений, в транспорте, на памятниках (в частности, за приклеивание своей листовки на памятник Ленину я был привле-

чен к уголовной ответственности по ст. 206 — за хулиганство), я указывал, что советские профсоюзы (государственно-партийные организации) не являются самостоятельной организацией рабочего класса, отстаивающей его права и экономические интересы, а на самом деле являются составной частью государственно-партийной машины, главная цель которой — все большее выкачивание прибавочной стоимости (соцсоревнование) и удержание рабочего класса в слепом повиновении, подкармливая его изредка мелкими подачками в виде премияльных. Степень этих подачек зависит от дисциплины, перевыполнения норм выработки и преданности власти.

Тех же рабочих, которые выражают косвенное или прямое недовольство, с согласия того же профсоюза переводят на самые низкооплачиваемые работы, лишают всех льгот и в конечном счете передают под прямую „опеку” карательных органов советской власти.

Я указывал, что в СССР имеются антагонистические классы (класс эксплуатируемых и класс эксплуататоров), следовательно и существует классовая борьба, которая носит уголовный характер (государство грабит рабочий класс, он же обворовывает государство); что рабочий класс, его самую угнетенную часть, бросают в еще большее рабство (в систему так называемых исправительно-трудовых учреждений), где степень эксплуатации утраивается, а в человеке уничтожается малейшая способность протеста и он превращается в рабочий скот или же, говоря по-современному, в неодоухотворенного робота.

В своих листовках и беседах я указывал, что такая форма „классовой борьбы” выгодна только государству. И мы, инакомыслящие рабочие, должны от нее отказаться и искать новых путей классовой борьбы, которая вела бы к настоящему раскрепощению рабочего класса. Считаю, в этом я не был одинок, что в Сов. Союзе созревают объективные условия для создания независимых (не партийно-государственных) профсоюзов, которые могли бы эффективно решать насущные проблемы, стоящие перед рабочим классом. Я объяснял своим товарищам по классу, что мы имеем право не только говорить о свободных профсоюзах, но создавать их. И еще я говорил рабочим и писал в листовках, что рабочий класс в СССР состоит из трех больших групп: 1-я — привилегированная (герои, ударники труда, партийные под-

халимы, шпионащие за рабочими, и пр.), 2-я — средняя, самая большая, и 3-я — вторая по численности, самая эксплуатируемая и бесправная, влачащая мелкое рабское существование.

И это не преувеличение, это правда так называемой социалистической действительности. Это рабы-рабочие (осужденные и бывшие осужденные, которых миллионы), одной ногой на свободе, другой в тюрьме (кстати, я принадлежу к этой категории). Низкая оплата труда, постоянное гонение со стороны властей, моральная неустойчивость и прочие социально-экономические факторы толкают этих людей на путь преступлений, который ведет опять в ИТУ, где рабочий класс составляет 90% и является базой этих учреждений, через которые проходит неблагонадежная часть трудящихся и которые служат пугалом для всего рабочего класса.

В ходе своих бесед и так называемой клеветнической деятельности я убедился, что подобные взгляды имеют многие рабочие, которых по праву можно назвать инакомыслящими. И еще убедился, что таких рабочих с каждым днем становится все больше и больше.

И хотя господствующий класс не брезгует никакими средствами в борьбе с инакомыслящими, стихийно протестующими рабочими, однако никакими репрессиями уже не задуть ту истину, что уже созрела в сознании людей, то есть инакомыслящей части советского пролетариата.

Вот, вкратце, и вся моя „клеветническая” деятельность, за что бросили меня власти на „исправление” за конючую проволоку.

Я же считаю, что каждый человек, будь он и рабочим, вправе распространять свои взгляды как в устной, так и в письменной форме. Преследование за это есть грубое и сознательное нарушение прав человека, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека.

Прошу Украинскую правозащитную группу ознакомить с моим письмом советскую и мировую общественность и в первую очередь Международное профсоюзное движение.

Погиба Николай Трофимович.

4 ноября 1980 г.

Киевская обл., ст. Буча, п/я 45/85.

Гибель подлодки

„Утром 3 октября на советской подводной лодке с баллистическими ракетами на борту в районе примерно 1000 км северовосточнее Бермудских островов в одном из отсеков произошел пожар.

Экипажем подводной лодки и подошедшими советскими кораблями производится ликвидация последствий пожара. На борту подводной лодки есть пострадавшие. Три человека погибли”.

Это — две трети текста официального сообщения ТАСС, которое попало в газеты уже 5 октября. Далее в сообщении сказано: „Комиссия специалистов в Москве пришла к выводу, что никакой опасности нет — не будет ни ядерного взрыва, ни радиоактивного заражения окружающей среды, ни несанкционированных действий оружия”.

Шестого октября лодка, которую буксировало малоприспособленное для этого судно „Красноармейск”, по-видимому, в направлении Кубы, затонула. Седьмого было опубликовано второе сообщение ТАСС, в котором говорилось, что „подводную лодку спасти не удалось”, и дается глубокомысленное объяснение, что непосредственной причиной гибели лодки „является быстрое проникновение воды извне”...

Все это произошло за несколько дней до встречи в Рейкьявике.

ТАСС не сообщает, каким образом комиссия, находясь за много тысяч километров от места аварии, могла мгновенно дать заключение по такому ответственному вопросу, как опасность атомного взрыва и радиоактивного заражения — после Чернобыля нас тоже успокаивали.

Однако вспомним невероятное возмущение советского руководства, когда в начале 1966 года, то есть немногим больше двадцати лет назад, американский бомбардировщик потерял атомную бомбу у испанских берегов. Не было ли тогда среди „поднимающих голос гневного протеста” тех, кто мурлычет сегодня „все хорошо, прекрасный маркиз”? Кстати, протесты тогда были обоснованные: в береговой полосе, прилегающей к месту происшествия, была радиация, испанским крестьянам в течение нескольких лет было запрещено снимать урожай, были запрещены ловля рыбы и купание.

Верно, американская бомба, которую, кстати, потом выловили, упала в мелком месте, а подлодка лежит на глубине примерно 5 500 метров. Но и радиоактивного вещества в ней несравнимо больше: два реактора,

общей мощностью в четверть черновильско-го, и 32 термоядерных боеголовок (16 баллистических ракет, в каждой по 2 головки), общая мощность которых в 2 200 раз превышает мощность хиросимской бомбы.

Можно с уверенностью сказать: советская комиссия руководилась — как и после Чернобыльской катастрофы — не стремлением выяснить истинное положение дела, а указаниями Политбюро, вынесенными в соответствии с „разрядочной” политической линией. Можно лишь надеяться, что заражения на самом деле не произойдет и вреда нынешнему поколению людей не будет.

Кстати, подводную лодку можно поднять даже с такой большой глубины. Однако техникой для подобной операции обладают только американцы. Что они и продемонстрировали в 1974 году, любезно достав для Советского Союза затонувшую вблизи Гавайских островов атомную подлодку.

Авария с подводной лодкой — очередное внешнеполитическое поражение для советских лидеров: от советского населения они ее сумеют скрыть. Возьмем хотя бы туманное указание ТАСС на местонахождение лодки во время аварии — „около 1000 км северовосточнее Бермудских островов”. С таким же успехом можно было написать „около 7000 км юго-западнее Ленинграда”. Для точного определения местоположения на земном шаре существуют долготы и широты. Но именно точности тщательно избегала советская сторона. Дело в том, что лодка, с которой можно 2 200 раз повторить Хиросиму, находилась в 880 км от берега той части США, где расположены Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимор и Вашингтон. При теперешней технике — „на расстоянии пистолетного выстрела”. Убедительный аргумент для президента Рейгана: для эффективной обороны от возможного нападения со столь малого расстояния — когда ракеты противника будут находиться в полете буквально нескольких минут — старых средств обороны недостаточно и необходимо спешно разрабатывать Стратегическую оборонную инициативу.

Несмотря на строжайшую и глупейшую секретность (никому не сообщается кодировка советских ракет, и даже генсек, выступая, использует для них натовские наименования, классификация подводного флота тоже тайна), на то, что мы вынуждены использовать для затонувшей лодки на-

товское название „Янки“, об этих лодках на Западе знают, надо думать, все. Знают, что первая лодка этого класса прошла ходовые испытания еще в 1967 году, что ее реакторы работают на сильно обогащенном уране, что ее длина около 130 метров, а экипаж — 120 человек, что за рубкой у нее, в два ряда, 16 люков от вертикальных шахт для 10-метровых баллистических ракет. И что в каждом ракетном отсеке — контейнер с гидразиновым жидким топливом. Топливо это, очевидно, как бывало уже не раз, вытекло и взорвалось, сильно повредив люк, разрушив переборки и пробив корпус. Пробоина хорошо видна на снимках, сделанных американцами с вертолетов и обошедших мировую прессу. Не видели их только советские граждане, на чьи средства и чьими руками сделана подлодка.

Подлодка — об этом говорят западные специалисты — устаревшая. Об этом свидетельствует уже тот факт, что ракеты в ней — на жидком топливе, которое неоднократно вытекало и взрывалось.

В связи с последней аварией напомним, что :

в 1964 году погибла направлявшаяся на Дальний Восток советская подлодка класса „Гольф“ (код НАТО);

в 1965 году в Атлантике затонула подлодка класса „Джульетта“;

в 1966 году в районе поселка „Полярный“ (Кольский полуостров) на подлодке типа „Ноябрь“ был поврежден реактор, и экипаж подвергся облучению; в том же году — подлодка класса „Гольф“ затонула в Северном море;

в 1970 году у берегов Англии на подлодке класса „Ноябрь“ загорелся реактор, и лодка затонула, по-видимому, с экипажем;

в 1972 году у берегов США произошла сильная утечка радиоактивного вещества из боеголовки на подлодке класса „Отель“; были погибшие, берег США заражен; в том же году — авария на советской подлодке у берегов Ньюфаундлендских островов;

в 1973 году в Карибском море всплыла подлодка типа „Эхо“ (несущая атомные баллистические ракеты) — с большой пробоиной;

в 1978 году произошел сильный взрыв на борту подлодки „Ленинский Комсомол“ (наименование НАТО — „Ноябрь“);

в 1980 году — взрыв на борту подлодки класса „Эхо“, 9 погибших;

в 1981 году в Балтийском море — утечка радиоактивного вещества на подлодке;

в 1983 году у берегов Камчатки затонула вместе с экипажем в 90 человек подлодка класса „Чарли“;

в 1984 году у берегов Японии — пожар на советской подлодке;

в 1986 году — тоже у берегов Японии — пожар на подлодке.

Самое уязвимое и опасное — говорят специалисты — для экипажей и самих советских лодок — их атомные реакторы и термоядерные головки. Считают, что из 75 советских атомных подлодок, имеющих на борту термоядерные боеголовки, и 200 с атомными двигателями, но без ядерного вооружения, — примерно каждая четвертая постоянно находится в ремонте.

Говорят и пишут в эти дни и о технической отсталости всего советского военно-промышленного комплекса, о взрыве в мае 1984 года на военно-морской базе Североморска, о взрыве в том же году на подземном военном заводе вблизи Ленинска-Кузнецкого (Кемеровская обл.), о советских ракетах, улетающих не туда, куда их нацеливали...

Советское руководство сегодня — хотя и огрызаясь и стараясь по возможности „не потерять лицо“, — не зря говорит о мире и о разрядке напряженности. Очередная катастрофа на очередной подводной лодке еще раз иллюстрирует, что стремление Горбачева и его команды к миру продиктовано не отвлеченными теориями, а вполне реальной необходимостью.

Я. Марков

«БАХТА»

Газета для моряков торгового и рыболовного флота, портовых рабочих и служащих морских профессий

„БАХТА“ предназначена для распространения среди советских моряков в западных портах. Издатель газеты — Комитет трудовой солидарности, созданный по инициативе ИТС. В Комитет входят и советские моряки — как работающие в эмиграции, так и плавающие под советским флагом. Цель газеты — главным образом добиться улучшения материального и правового положения моряков советского флота.

Адрес редакции „БАХТЫ“:

Postfach 1735, D-6380 Bad Homburg, West Germany.

Для распространения газету просим заказывать у А. А. Кандаурова по адресу издательства „Посев“.

Придворный штамп и поиск правды

Л. СЕРГЕЕВА

Советская делегация 25 августа 1986 года на совещании технических экспертов стран-членов МАГАТЭ в Вене дала подробную информацию о причинах и последствиях Чернобыльской катастрофы (продолжая называть ее „аварией“). Перед отъездом делегации в пресс-центре МИД была проведена 21 августа пресс-конференция (см. „Правду“ от 22 августа 1986 г.). На вопрос о причине этого драматического события председатель Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянц ответил предписанным штампом:

„В опубликованном в печати решении Политбюро ЦК КПСС по докладу правительственной комиссии отмечено, что авария произошла из-за целого ряда допущенных работниками АЭС грубых нарушений правил эксплуатации. Четвертый блок станции был введен в декабре 1983 года и работал, как все другие, весьма удовлетворительно. В 1985 году, например, станция выработала 29 миллиардов киловатт-часов электроэнергии с хорошим коэффициентом использования мощности. Очень может быть, что бесперебойная работа станции привела к некоторой самоуспокоенности и благодушию. И это могло в известной мере косвенно явиться причиной безответственности, халатности, недисциплинированности, приведших в конечном счете к тяжелым последствиям“.

В журнале „Знамя“ № 9, 1986 года, опубликована пьеса „Саркофаг“, отрывок из нее помещен в газете „Советская культура“ от 13 сентября. Автор пьесы корреспондент „Правды“ Владимир Губарев — член бригады „Правды“, работающей на Чернобыльской АЭС. Причины, заставившие его написать такую пьесу, он изложил в предисловии к публикуемому отрывку:

„Сюжет этой пьесы родился в Чернобыле. Как рассказать людям о том, что увидел, пережил? Как дать возможность всем почувствовать ту боль, что живет в душе? Мне показалось — это возможно лишь в театре, где зритель всегда становится участником событий, если, конечно, спектакль открытый и честный“.

Сцена носит несколько сюрреалистический характер: „Большой холл, в котором стоят

мягкие, удобные кресла, — обычно здесь проводятся утренние оперативные совещания“. Приносят раненых, присутствуют облученные работники АЭС, находившиеся возле реактора в момент взрыва. Но присутствует уже и — прокурор. Ниже мы даем несколько отрывков из этой сцены, показывающих, насколько оценка вины и ответственности за катастрофу у Губарева отличается от официальных заявлений, в частности, того же Петросьянца.

Т е т я К л а р а, копавшаяся в огороде и пораженная „выбросом из реактора“, вспоминает в бреду свою недоенную корову Дашку:

„Дашку доить надо... Вымя вспухнет... Погибнет Дашка... И птицу пусть покормят. Зерно в чулане... Дашка заболит. Одна она у меня. Старая и хворая, но кормит. Без малого ведра в день. Попроси, милая... А кормить и поить — не знаю, можно ли?... Слышала... и полынь черная будет... и реки горькие потекут... Ох, что-то невмоготу мне...

Л ю б о в ь. Черная полынь... Реки горькие... Бредит?

П т и ц ы н а. Апокалипсис. Тут и Бога, и дьявола вспоминать“.

Сергеев, шофер Генерала МВД, ждал свое начальство три часа у взорвавшегося реактора. Ему Птицyna, принимающая, объясняет, что все-таки был взрыв, а не пожар.

„С е р г е е в. А разве разница столь велика?

П т и ц ы н а. Слишком велика, сынок! Взрыв — это преступление, а пожар — всего лишь служебная халатность. Вот так-то! И мера ответственности разная... Вот почему Прокурор к нам сразу же явился...“

Разговоры прокурора с работниками станции — смертниками, попавшими под облучение во время взрыва, касаются в основном поисков ответственных за беду.

Дозиметрист, бывший у трансформатора, когда „всю аппаратуру зашкалило“, на вопрос прокурора о дублирующих аппаратах, отвечает:

„Приборов-то? Откуда... Те, что были, чиненые-перечиненые, да и лет тридцать им...“.

И дальше идет такой разговор:

„Прокурор. Станция-то новая, десять лет всего ей.

Дозиметрист. Мы тут ни при чем... Наше имущество где-нибудь на складах пролежало. Чтобы не списывать — нам и прислали... Справлялись, пока беды не было. Подлатаем и считаем. Спешки-то не было. А порядок у нас был! Сколько раз комиссии из самой Москвы приезжали для проверки. У нас всегда порядок. Ни одного случая переоблучения, потому что проверяли... Не думали, что жажнуть может...”

Дозиметрист не может ответить на вопрос, был ли взрыв или нет, ссылаясь на то, что „зашкалило”, и получает раздраженный ответ Оператора:

„Да отстань ты со своими счетчиками. Ты не знал, я знал. Графит раскаленный видел. Куски на полу реакторного зала. Ярко-синие такие и светятся. И без твоих счетчиков ясно, что не двадцать и не двести, а под тысячу будет!”

Встает вопрос об эвакуации города:

„Оператор. Можно спросить? Когда эвакуировали город?

Прокурор. В воскресенье днем. Очень быстро. Всего за два с половиной часа. Тысячу автобусов подогнали и всех увезли.

Оператор. А почему сразу не объявили по радио? За час все пешком бы ушли...

Прокурор. Ждали приезда правительственной комиссии.

Оператор. Зачем? Она что — иначе могла решить? Зачем ждать-то?

Прокурор. Никто не мог решиться.

Оператор. Не мог или не хотел?

Прокурор. Не решился...

Оператор. А вы спросите: почему они не решились? Чего нас-то расспрашивать?...”

Да, чего их-то, смертников, спрашивать? Горьки слова Оператора в ответ на обещание Прокурора найти виновных, спросить с них: „Дай-то Бог. Тогда имело смысл не бежать. А если нет — задарма загигаемся...” Но трудно найти виновных, когда приходится пробиваться через заградительные отряды, установленные вокруг начальства. Тщетно ставится вопрос, „кто снял аварийную защиту”, и только один ответ находится: „Кто снял? Кто снял? Аварийную систему отключила система. Система безответственности”. И эта система безответственности, покрываемая людьми „наверху”, вскрывается автором

почти с трагическим отчаянием. Как строили реактор? Как принимали материалы? Как реагировали на взрыв?

„Оператор. А мы все спешим, торопимся, обязательство берем, мол, на три месяца раньше срока, на двое суток, а он четыре раза просил о счетчиках, никто не поторопился там, наверху. Зато просьбы начальства мы всегда выполняем... Отчего же так? Их просят — молчок, а нас — сразу ура! — и вперед!

Прокурор. Три месяца? Вы имеете в виду пуск блока?

Оператор. Именно. Вот теперь будут аварию ликвидировать, разобраться не смогут, что там, с реактором. Строители оттуда, из котлована, вылетели, как на ракете, чтоб, значит, пораньше сдать. Там, под реактором, не только бетонные глыбы лежат, но, если поискать, то и парочку экскаваторов найти можно. А все ради рапорта, премии... Кому такое ускорение нужно? Это то же самое, что машины по городу со скоростью сто километров в час пустить, пусть всех давят, главное — побыстрее...

Прокурор. Двое суток — это реактор?

Оператор. Пообещали сразу после праздников на полную мощность вывести. На двое суток раньше срока. Везде же обязательства берут... А мы что — рыжие?”

Еще страшнее и безысходнее рисует систему Генерал МВД. Уже не разговор, а допрос Прокурора начинается с его подписи на акте приема четвертого блока.

„Генерал. Не только четвертого. Всех. Я здесь пятнадцать лет работаю.

Прокурор. Да. И на акте приемки машинного зала тоже?

Генерал. Естественно.

Прокурор. И вас никто не принуждал подписывать акт приемки?

Генерал. Несерьезный вопрос. Раз подписал, значит, согласен.

Прокурор. Случай с пожаром на ткацкой фабрике в Бухаре двенадцать лет назад вам известен?

Генерал. Хрестоматийный пример...

Прокурор. Да или нет?

Генерал. Конечно, известен.

Прокурор. А завода на БАМе? И в Бухаре и на БАМе кровля была сделана из легко воспламеняющихся материалов. Оба объекта сгорели в течение шести-семи минут. Виновные были осуждены...

Генерал. Да, но...

Прокурор. Почему же вы подписали акт о приемке машинного зала, хотя кровля его была сделана из того же самого материала, и вам прекрасно было известно, что он запрещен к использованию на промышленных объектах?

Генерал. Я возражаю... Информировал руководство министерства.

Прокурор. И подписали?

Генерал. Но вы же знаете, на каком уровне принималась станция. Моя подпись — чистая формальность! (Показывает на начальника АЭС.) Кстати, и его тоже. Все подписывали. Это же бумажка! Формальность, и только.

Прокурор. Но машинный зал горел не формально. Как порох горел. Кровля плавилась, ноги утопали, пожарные рисковали жизнью, чтобы погасить эту кровлю”.

А взяли эту кровлю, потому что, как объясняет Начальник АЭС, „На складах этого материала много... А у нас был прорыв. Станцию ведь строители сдавали на три месяца раньше срока”.

Прокурор. Так, ясно...

Генерал. Что ясно? Что наша подпись значит... Я не подпишу — другой подпишет... Вы что, первый день как на свет родились? Или всегда подписываете то, за что совесть спокойна?”

И переходит допрос к моменту катастрофы. Генерал явился на место через 46 минут после получения информации, чтобы — тушить пожар.

Прокурор. Вы же получили информацию, что не только пожар, но и взрыв?

Генерал. В это трудно было поверить сразу... Да и кто мог предположить?

Начальник АЭС. Действительно, никто...

Прокурор. Вы передали информацию о взрыве кому следует? Да или нет?

Генерал. Я позвонил в Совмин республики. Мне так и сказали: „У страха глаза велики. Занимайся своим делом, а твое дело тушить пожары... И обещай, чтобы пожар был потушен как можно быстрее...” Я и обещивал...

Прокурор. Вы через три часа сообщили, что пожар потушен?

Генерал. Да, сообщил... Впрочем, какое вы имеете право меня допрашивать? Интересуйтесь у тех, кому я докладывал...”

И завершается сцена словами Начальника АЭС:

„Е работы снимут, это ясно, но под суд?! Слишком многих надо судить за эту аварию... Цепная реакция начнется, и еще неизвестно, можно ли ее остановить”.

Проскальзывает в этом отрывке пьесы отражение почти мистического ужаса перед необузданной силой атома. Даже у Физика, оставшегося у нагревающегося реактора, пока

не потерял сознание, чтобы „проследить динамику процесса”.

„Тут говорили: атомный дьявол выплез. Представьте, это так! Казалось, мы, физики, знаем о нем все, но, простите, ошиблись”.

Но божество Физика — наука, и, склоняясь перед ней, оправдываются и человеческое горе и человеческие жертвы: „Поверьте, опыт бесценен. Да, страшен, да, жесток, но бесценен”. Насколько человечнее и ближе к последней Истине тетя Клара, жалеющая в предсмертном бреду свою кормилицу, тощую корову Дашку: „...и полные черная будет... и реки горькие потекут”.

Эстонские рабочие в Чернобыле

Эстонские эмигранты, недавно посещавшие своих родственников в Таллине, с ужасом рассказывают, что после Чернобыльской катастрофы власти насильно отправили несколько тысяч эстонцев на дезактивацию местности вокруг пресловутого реактора*. Метод отправки напоминает депортации 1940 и 1949 годов: среди ночи к дому подъезжает неожиданно машина, раздается стук, товарищи в гражданском забирают сонных мужчин прямо из постели и увозят.

Увозимым объясняют: ночью их забрали, потому что это ЧП. Но вообще-то это „командировка”. Недолгая — на два месяца всего. Работа не опасная: на месте будет выдана защитная одежда. И неутомительная: не больше двух часов в сутки, чтобы не аккумулялировать чрезмерной дозы радиации. „Командировка” считается „добровольной” (!).

В Чернобыле людям, однако, никакой защитной одежды не дали, а вручили только марлевые „намордники”, прикрывающие рот и нос. И послали на работу — смывать струей воды радиоактивную пыль с деревьев и лопатами снимать верхний слой почвы. Защитная одежда и противогазы — только у охраны из госбезопасности. „Добровольцы” острят, что и в этой беде есть своя положительная сторона: по крайней мере сразу видно, кто гебист, — по всей стране бы их так всех одеть...

Вскоре был пущен слух, что щитовидную железу защищает от лучевки алкоголь. И

* Известно, что насильно забирали на эти работы и в других местах, например, на Львовщине. — Р е д.

шоферам, трактористам и водителям бульдозеров начали выдавать водку „за вредность“! На машинах появились надписи: „Внимание, водитель пьян!“. Кто поумнее, скоро понял, что водка, конечно, ни от какой лучевки не спасает. Просто водителей не хватает, а пьяного легче уговорить проработать две смены, а то и больше, пообещав лишнюю бутылку. Да к тому же — не преследуя за распитие оной в рабочее время.

Когда пишутся эти строки, из „командировки“ в Эстонию, говорят, вернулось не более десятка человек. Одного спасли семейные обстоятельства: заболела жена, дети остались без присмотра и местные власти помогли ему вернуться. Других же домой не отпускают. Тех, у кого выпадают волосы и начинают выпадать зубы, отправляют в какой-то „спецсанаторий“. А тем, на ком следствие лучевки еще не очень заметно, в середине августа было сообщено, что их „добровольная двухмесячная командировка“ продлевается до полугода.

Услыхав об этом, эстонцы побросали лопаты и пошли к конторе с протестом. Была объявлена забастовка. Рабочие требовали отмены продления срока, а для недавно прибывших — лучшего питания и удовлетворения культурных потребностей.

Перепугавшееся начальство вызвало по мощь обладателей спецодежды и противопожаров, — однако волнения не утихали и слухи о забастовке так распространились по Эстонии, что власть решила принять контрмеры. Поскольку теперь выброшен лозунг „гласности“, в Чернобыль был отправлен Тынис Авиаксон, корреспондент эстонской комсомольской газеты „Ноорте хаяль“ („Голос молодежи“), который эту „гласность“ и состряпал: написал серию статей о „героическом труде“ эстонских комсомольцев в Чернобыле.

В своих статьях Авиаксон не скрывает, что между рабочими и начальством были какие-то „мелкие недоразумения“ и что из-за этого произошли „небольшие волнения“. Однако, пишет он, начальство правдиво все разъяснило. И удовлетворенные трудящиеся, отшвырнувшие было лопаты, — а по словам Авиаксона бастовало всего лишь от 200 до 300 человек, — вернулись на места и еще усерднее стали выполнять священный долг.

В Эстонии задают себе также вопрос: Украинская ССР разве сама не могла справиться? Почему надо было посылать в Чернобыль на подмогу именно эстонцев? У

нас есть свой атомный реактор, мрачно шутят они. Вот загорится — мы и будем тушить. Этот вопрос некоторые задают и на собраниях начальству. Начальство отвечает, что украинцам самим было бы трудно справиться с Чернобылем. Кроме того, говорит начальство, Эстония должна себя показать, поскольку она находится как раз на линии фронта, который Запад отстроил против страны советов.

А. М и л и ц

Швеция после Чернобыля

Из западных стран от Чернобыльской катастрофы больше всего пострадала, очевидно, Швеция: в некоторых, особенно северных областях страны все еще отмечается повышенная радиация. Лапландцам, которые весной обычно производят убой северных оленей, правительство посоветовало этого не делать, так как в мясе оленей обнаружена радиация. Очевидно запретят шведы в этом году и охоту на лосей (в Швеции ежегодно необходимо отстреливать до 30 000 лосей, чтобы не допустить чрезмерного роста поголовья). В указанных районах до сих пор запрещено употреблять молоко от местных коров и мясо местного скота. Правительство разрабатывает план возмещения шведским крестьянам убытков, происшедших вследствие Чернобыльской катастрофы.

В Швеции возобновились политические дебаты относительно энергопитания страны. Сегодня в Швеции 12 атомных реакторов производят 42% необходимой стране электроэнергии. Но вдруг вспоминают теперь то, о чем как-то мало говорилось до Чернобыля — ведь в 1980 году в Швеции состоялся плебисцит по вопросу атомной энергии, после которого, согласно решению большинства населения, шведское правительство постановило к 2010 году остановить работу всех атомных реакторов страны. Считалось, что план перехода с атомной энергии на иные виды энергии будет выполнен к 1990 году. Но теперь Совет по вопросам энергии, в котором состоят не только специалисты, но и представители политических партий, получил задание учесть последствия Чернобыльской катастрофы и по возможности ускорить процесс „дезатомизации“.

Шведские коммунисты проголосовали вместе с партией центра за то, чтобы атомные реакторы в Швеции были оставлены не в соответствии с планом, а в кратчайший срок.

Итоги шестилетней борьбы

Самиздатские материалы о войне в Афганистане чрезвычайно редки. Эта статья — первая в своем роде, поскольку автор в России попытался проанализировать шесть лет войны в Афганистане (статья была написана в 1985 году); до сих пор на Запад, насколько известно, попадали только свидетельства о войне и об отношении к ней представителей разных слоев советского населения. Вероятнее всего, автор этой самиздатской статьи не военнослужащий и в Афганистане не был, во всяком случае в течение последних лет. Стержнем статьи является надежда, что Горбачев пойдет на „политическое урегулирование афганского вопроса“. Нам этот оптимизм кажется чрезмерным, однако нужно подчеркнуть, что в условиях советской действительности он делает честь автору.

Война в Афганистане уже 6 лет является одной из наиболее сложных и болезненных проблем советской внешней политики. Она усугубила кризис разрядки международной напряженности, осложнила отношения между СССР и Китаем, вызвала неприязнь к Советскому Союзу в мусульманских странах и создала огромные трудности для советской политики по отношению к Третьему миру. Более того, война во все возрастающей степени становится серьезным фактором и внутренней жизни СССР. Она является тяжким бременем для экономики, ведет к росту числа человеческих жертв, к возникновению стихийного движения протеста в низах советского общества и расслоению в его верхах.

Некоторые западные аналитики объясняли и продолжают объяснять отправку советских войск в Афганистан стремлением кремлевского руководства создать на его территории военно-стратегический плацдарм для установления своего жесткого контроля над зоной Персидского залива и вообще для дальнейшей советской экспансии в районы Среднего и Ближнего Востока. Однако это звучит неубедительно. Афганистан никогда не принадлежал к числу центральных точек мировой политики и естественно, что информация об этой стране была весьма скудной и не удостоивалась должного внимания. Недостаточная информированность и часто поразительная некомпетентность ответственных лиц администрации Л. Брежнева привели в 1978—79 гг. к целой серии авантюристских решений, которые в конце концов ввергли СССР в кровопролитную войну. В то же самое время традиционно равнодушные к Афганистану и еще пребывающие в шоке от поражения во Вьетнаме США с самого начала заняли пассивную позицию по отношению к роковому развитию событий в этом

районе. Даже открытая интервенция СССР не изменила этой позиции, по крайней мере, существенно. Пассивность ее начала тяглась лишь после того, как выяснилось, что советские войска не в силах сломить афганское сопротивление. Неоспорим тот факт, что Соединенные Штаты слишком долго не пытались охладить воинственный пыл Москвы, оставаясь безучастным свидетелем разворачивавшейся трагедии. Примерно с 1983 г. американская политика по отношению к Афганистану стала заметно более активной, и это сделало надежды советских руководителей на военное решение афганской проблемы еще более эфемерными. Поэтому сейчас решение афганской проблемы возможно лишь на пути преодоления силы политической инерции, т. е. признания со стороны Советского Союза если не преступности, то ошибочности авантюризма этой войны, и начала переговоров между всеми вовлеченными в конфликт сторонами.

Пойдет или нет по этому пути новое советское руководство во главе с М. Горбачевым? Ответ на данный вопрос может дать внимательный анализ итогов шестилетней вооруженной борьбы в Афганистане и внутреннего положения в самом Советском Союзе.

С первых же дней своего пребывания в Афганистане советский „ограниченный контингент“ столкнулся с многочисленными и непредвиденными трудностями. Сценарий декабрьского 1979 г. вторжения был составлен по образцу действий советских войск в Чехословакии в августе 1968 г. Однако если в Чехословакии интервенты не встретили ни организованного, ни тем более вооруженного сопротивления, то в Афганистане с самого начала пришлось вести тяжелые бои. Это, видимо, было настолько неожиданно, что при штурме правительственного

дворца в Кабуле 27 декабря 1979 г. было убито не только множество солдат и офицеров советской воздушно-десантной дивизии, но даже первый заместитель министра внутренних дел генерал Папутин. Для того, чтобы полностью установить контроль над Кабулом, в частности, обезоружить почти весь его афганский гарнизон, потребовалось несколько дней. За это время правительственная армия и администрация на местах успели в значительной степени развалиться. Целые подразделения афганских вооруженных сил стали переходить на сторону партизан. Прежде чем Бабрак Кармаль, привезенный из Ташкента в Кабул по окончании боев, сумел установить свой контроль над военным и партийным аппаратом, армия успела сократиться на две трети (с 90 тысяч до 30 тысяч) и фактически полностью утратила боеспособность.

Вторжение в Афганистан выявило, что советские войска недостаточно хорошо обучены и плохо организованы. „Кадрированные“, или, как их называют военные, „кастрированные“ дивизии оказались крайне трудно превратить в боеспособные воинские подразделения. А для захвата Афганистана руководство советской армии первоначально как раз и мобилизовало резервные дивизии Среднеазиатского военного округа. В этом округе в конце 1979 г. находилось всего 6 дивизий и при том укомплектованных на 70 процентов. В результате, по крайней мере, две дивизии в составе сил, брошенных в соседнюю страну, были „кастрированными“ дивизиями 3-ей категории, состоявшими не столько из русских, сколько из жителей Средней Азии. Они срочно были пополнены местными резервистами, большинство из которых провели свою предшествующую службу в строительных батальонах, орудия киркой и лопатой или работая на железной дороге. Когда их демобилизовали, они автоматически были зачислены в списки местной дивизии, куда их и направили накануне афганской операции. Поэтому мотострелковые дивизии, использованные на начальном этапе вторжения, хотя и выглядели весьма воинственно, но их личный состав имел исключительно небольшой опыт в обращении с бронетранспортерами, артиллерией, минометами и другим современным оружием. К тому же обнаружилось, что многие призывники-мусульмане политически ненадежны. Политорганы объясняли ввод советских войск в Аф-

ганистан вторжением в него китайцев и американских наемников, но почти все запасники из Средней Азии, в особенности таджики, понимают язык многих афганских племен и, прибыв в Афганистан, они легко убедились, что никаких китайцев или американцев там не было и нет. Когда уроженцев Средней Азии стали заменять славянами (русскими, украинцами, белорусами), то возникли иные проблемы. Солдаты были явно не готовы к войне в тяжелых горных условиях, в чужой, непонятной стране; были плохо обучены (даже в тех случаях, когда их специально готовили для отправки в Афганистан).

Неприятной неожиданностью для командования экспедиционного корпуса оказалась низкая эффективность тяжелых танков: предназначенные для действий в равнинной местности, где они представляют внушительную силу, танки не смогли реализовать свои боевые возможности в горах; кроме того, они постоянно выходили из строя. Позднее, по ходу войны, предпринимались попытки усовершенствовать технику, но афганские партизаны, в свою очередь, стали получать все более современное оружие и приобрели боевой опыт, опыт борьбы с механизированной армией. Наиболее эффективным оружием зарекомендовали себя боевые вертолеты Ми-8 и Ми-24. Тем не менее уже в первые 18 месяцев войны партизаны, имея лишь самые примитивные зенитные средства, уничтожили около 250 таких машин. В январе 1982 г. с помощью трофейной ракеты советского производства даже сбили вертолет, в котором летел генерал П. Шкидченко. Помимо неэффективности использовавшегося советскими войсками тяжелого вооружения, на ход военных действий оказывали существенное воздействие отсутствие опыта противопартизанской войны и неразработанность тактики борьбы в горных условиях.

Однако главная причина военных неудач советской армии вторжения лежала все же не в качестве оружия, не в организационных и управленческих трудностях, а в психологии. Советские солдаты, которым объясняли, что они должны оказать „интернациональную братскую помощь“ афганскому народу, на деле вместо признательных им масс встретили всеобщую ненависть и всенародное сопротивление. Это вызвало деморализацию оккупационных войск. Среди военнослужащих стала распространяться наркома-

ния (беспрецедентное явление в истории советской армии). Ради приобретения наркотиков некоторые солдаты и офицеры вступали в „коммерческие отношения” с неприятелем, сбывая ему вооружение, боеприпасы, обмундирование, продовольствие. Другим проклятием экспедиционного корпуса стала контрабанда. Примерно с 1982 г. советская пограничная таможня была вынуждена обыскивать военные конвои, направляющиеся в Афганистан или идущие оттуда. Деморализация солдат и офицеров сопровождалась все большими жестокостями по отношению к мирным жителям. В феврале 1985 г. специальная комиссия ООН по правам человека обвинила советский „ограниченный контингент” в том, что „Женевские конвенции об отношении к мирным жителям и военнопленным почти полностью игнорируются”. По словам эксперта ООН, советские войска виновны в „бомбардировке деревень, убийстве мирных жителей и массовых казнях захваченных партизан”. Рассказы же самих солдат, возвращающихся с войны, о расправах над безоружными людьми еще более ужасны. Совершенно очевидно, что войска, действующие подобным образом, не могут быть дисциплинированными и самоотверженными на поле боя. Участие солдат в карательных акциях подорвало их боевой дух.

В первый период войны — в 1980–81 гг. — у партизан не было современного оружия. Лишь в конце 1981 г. стало поступать советское оружие из Египта. Кроме того, большое количество оружия, правда устаревшего, было захвачено партизанами у правительственных войск или передано им дезертирами. В 1980 г. к партизанам уходили целые подразделения регулярной афганской армии во главе с офицерами. Массовые дезертирства имели место и позднее. Несмотря на острую нехватку оружия, слабую помощь из-за рубежа и внутренние разногласия, „муджахиды” сумели нанести весьма заметный урон оккупантам и сорвать их замыслы, установив свой контроль над страной. Интервенты закрепились лишь в городах и более или менее контролировали важнейшие транспортные артерии Афганистана. Партизаны устояли перед натиском советской бронированной армады, опираясь на собственные силы — в этом состоял главный итог первого периода борьбы.

К 1982 г. стало совершенно ясно, что война приобрела затяжной характер и советский

интервенционистский корпус не может надеяться на скорую победу. Однако и партизаны не имели достаточных сил, чтобы нанести оккупантам решающее поражение. Основной смысл событий второго периода войны — 1982–1985 гг. — свелся как раз к подготовке партизанами предпосылок для выхода из этого ничейного, обескровливающего обе воюющие стороны тупика. В первые годы после советского вторжения движение сопротивления страдало от того, что оно полностью укладывалось в рамки типичной крестьянской войны со всеми присущими ей недостатками. Партизаны не воевали вдали от своих родных мест, и потому ими было чрезвычайно трудно маневрировать, трудно было использовать успех, достигнутый на одном участке фронта, для развития наступления на других его участках. Впоследствии выдвигнувшиеся в ходе боев блестящие партизанские командиры, в первую очередь, комендант Панджшера Массуд, сумели соединить крестьянскую войну с действиями регулярных формирований. Сейчас, по западным данным, вожди афганского движения сопротивления располагают на территории страны, т. е. в зоне возможных или реальных боев, 30 тысячами профессиональных бойцов и 300 тысячами иррегулярных. Последние после проведения военной операции возвращаются к своим мирным занятиям, ожидая очередного приказа выступить в оружии в руках. С 1982 г. поставки оружия, боеприпасов и других видов военного снаряжения стали быстро возрастать. С 1983 г. улучшилось снабжение партизан противотанковым оружием, что привело к росту потерь в советских войсках. В 1984–1985 гг. было получено много оружия из Китая и США, а также из Западной Европы (безоткатные пушки, минометы, зенитные ракеты, противотанковые мины; гранатометы и огнеметы, автоматы модели „62-S” — копия советского АК-47, и т. д.). Резко улучшилось и качество боевой подготовки партизан. Они научились эффективно использовать новое оружие. В итоге этих перемен к концу 1984 г. большая часть территории страны была либо под полным контролем партизан (60%), либо под двойным контролем (30%). В 1982–1984 гг. из среды партизанских командиров выдвинулся и лидер, явивший пример военной организации и социальных мероприятий для всего движения сопротивления, — уже упоминавшийся Массуд. Под его руководством

повстанцы сумели отразить в эти годы 7 масштабных советских наступлений, в которых участвовали десятки тяжелых бомбардировщиков, сотни боевых вертолетов, танков, бронетранспортеров, тысячи солдат. Его военные победы побудили политических лидеров сопротивления, тратящих большую часть времени в Пакистане на интриги друг против друга, призвать своих сторонников внутри Афганистана объединиться вокруг Массуда. Таким образом, линия на создание единого фронта борьбы одержала первую серьезную победу.

Третий период войны — с 1985 г. — характеризуется утратой советскими войсками стратегической инициативы и переходом на важнейших участках борьбы к обороне. Увеличение числа противовоздушных и противотанковых средств партизан достигло такой степени, что сделало наступательные операции советских войск крайне рискованными, а часто просто бессмысленными. Сражения за стратегически важные опорные пункты начинают затягиваться на многие месяцы и сопровождаться переброской значительных сил и большими потерями с обеих сторон. Это уже со стороны партизан не крестьянская война, а если и она, то ее третий этап — штурм городов (например, сражения за г. Хост в провинции Пактия). Как известно, теория современной партизанской (крестьянской) войны, разрабатывавшаяся Мао Цзэдуном и другими радикальными военными теоретиками Третьего мира, предполагает, что движение должно пройти три этапа — создание базы в деревне, окружение и изоляция городов, штурм городов. По всей видимости, в Афганистане наблюдается переход от второго этапа к третьему.

Сесть за стол переговоров Москву вынуждают не только поражения на поле боя, но и то время, каким является война для советской экономики. Она отвлекает огромные средства в тот момент, когда СССР столкнулся с глубоким структурным кризисом своего хозяйственного развития, когда Горбачев, осознающий бедственность сложившейся экономической ситуации, провозгласил широкомасштабную программу ускорения темпов роста народного хозяйства на основе научно-технического прогресса. Разумеется, что ведение войны и техническое перевооружение экономики совместить довольно сложно. Кроме того, по мере роста числа людских потерь советских войск уси-

ливается недовольство афганской войной в тех слоях населения СССР, откуда рекрутируются солдаты. Примечательно, что среди народов, населяющих окраины страны, это недовольство все чаще приобретает форму открытого сопротивления. Такие акты протеста быстро и беспощадно подавляются, и потому информация о них редко становится достоянием общественного мнения. Тем не менее широко известной стала демонстрация протеста, состоявшаяся весной 1985 г. в Ереване. В июне того же года в Астрахани произошло столкновение призывников, прибывших в этот город с Северного Кавказа, главным образом, чеченцев, с военным начальством, объявившим им, что их будут готовить для отправки в Афганистан. Чеченские юноши категорически отказались отправиться туда, объяснив это нежеланием воевать, следовательно, убивать единоверцев-мусульман. В ходе ожесточенного столкновения, исход которого решили войска, были убиты и ранены с обеих сторон, конечно, отнюдь не в равной пропорции. Это, возможно, первый случай антивоенного протеста в СССР, подавленный с применением огнестрельного оружия. Обстоятельное знакомство с этими и многими другими аналогичными фактами все же не позволяет надеяться на создание в ближайшее или отдаленное время мощного антивоенного движения, сравнимого с тем, какое потрясло Соединенные Штаты в конце 60-х — начале 70-х годов. Афганская война является важным, но не центральным пунктом советской политической жизни. К тому же сила репрессивного аппарата в СССР во много раз выше, чем в США, а политическая активность масс во много раз ниже. Тем не менее, советское руководство не может не считаться с актами массового антивоенного недовольства в стране. Однако трезвомыслящие кремлевские политики еще не заявили о себе в полный голос. Правда, 21 декабря 1985 г. в газете появился беспрецедентный материал — статья без подписи (что подчеркивает ее официальный статус) под названием „За расширение социальной базы афганской революции“. Начинается она с фразы: „Начать широкий диалог“. Затем следуют удивительные для советской печати признания: „Далеко не все в Афганистане, даже в трудящихся слоях, приняли апрельскую революцию, политику народной власти...“; „...ошибки первого этапа революции — увлечение револю-

ционной фразой, форсирование социальных реформ без должного учета реальной обстановки, ответственности и национальной специфики страны". И, наконец, главное: „Чтобы снять накопившиеся предревубждения, развевать заблуждения, требуется время. Надо создать атмосферу позитивного диалога между общественными и политическими силами, в том числе и теми, которые пока придерживаются враждебных революции позиций, во имя национального возрождения Афганистана”.

Эта статья, пожалуй, первое серьезное указание на то, что в правящих кругах СССР намечается сдвиг от военного подхода в решении афганской проблемы к политическому. В то же время значительную активность проявляет реакционное, открыто шовинистическое крыло советского руководства, связанное с прежними руководящими деятелями страны и влиятельными военными. Один из его рупоров, писатель Проханов, в статье, опубликованной в „Литературной газете”, изложил взгляды этого крыла очень ясно: Война лучше мира. В мирное, благоустроенное время мы разложимся. Армия зашла в гарнизоны и отвыкла от настоящей борьбы. Война нас освежит, армию подтянет, нацию омолодит. Автора статьи уже радует, что молодежь, раньше бед устали слушающая Высоцкого, теперь, строгая, молча слушает „баллады” о том, как советские солдаты отбивали атаку душманов, „как грохотал наш грозный 'акаэс' ". Не упомянул Проханов ни о социализме, ни об интернационализме, ни о социальном прогрессе. О революции сказал один раз в связи с... афганской экзотикой. Мы, заявляет он, защищаем в Афганистане „державное дело” и воюем за „равновесие глобального пространства”, за „пространственное равновесие”, т. е. другими словами, за все то же пресловутое „жизненное пространство”.

Но как бы ни бесновались советские шовинисты и гегемонисты, политическое урегулирование афганского кризиса — фактор, обусловленный обстоятельствами сугубо объективными, непреходящими. Москва рано или поздно (лучше, конечно, чтобы это произошло как можно раньше) должна осознать необходимость равноправного диалога как единственного способа своей деятельности в Афганистане. Исходя из этого, посмотрим, каким может быть политическое решение проблемы. Ясно, что односторонний

уход советских войск из Афганистана не приведет к окончанию кровопролития, окончанию гражданской войны. Поэтому, если СССР стремится прекратить войну и одновременно получить стабильное дружественное государство на своей южной границе, следует начать прямые переговоры с „муджахидами”. Разумеется, необходимо прежде всего признать их воюющей стороной, отказавшись от попыток изобразить партизан как бандитов („душманов”) и контрреволюционеров („басмачей”). Не мешает здесь вспомнить, что царское правительство относилось к своим военным противникам в Средней Азии и на Кавказе с большим уважением. Более конкретно, прямые переговоры должны вестись с политическим руководством афганского сопротивления — во всяком случае с группами Гайлани и Раббани, способными сформировать будущее коалиционное правительство независимого и нейтрального Афганистана. Чем быстрее начнется процесс политического урегулирования, тем меньше будет влияние третьих стран (Запада, Ирана или Пакистана) на будущее правительство республики. Независимо от политических переговоров с партиями оппозиции требуется внутреннее соглашение о прекращении огня с Массудом и другими лидерами такого типа на местах. Прецедент уже был — Массуд заключил с советскими войсками такое соглашение на ограниченный срок в 1984 г. Вывод войск должен быть постепенным. Некоторое количество солдат из числа советской оккупационной армии может остаться в стране на время переходного периода. На переговорах следует добиваться гарантий для советских границ и неприкосновенности для лиц, сотрудничавших с советской и кармалевской администрациями, но не виновных в каких-либо преступлениях. Уход советских войск может сопровождаться проведением свободных выборов. Образцом урегулирования для Афганистана могла бы послужить Родезия, где силы борющихся сторон были в конечном счете интегрированы в единую армию. Естественно, что Афганистан в любом случае будет весьма нуждаться в советской экономической помощи и специалистах, и это даст определенные козыри СССР на переговорах и позволит надеяться на почетный мир. Условием такого успеха, однако, является своевременное и радикальное изменение политики и прежде всего готовность СССР к компромиссу.

Антивоенное движение в нынешней ситуации способно сыграть не решающую, но важную роль, способствуя изоляции „прохановцев” в обществе и укрепляя позиции реалистов среди правящей верхушки. С другой стороны, антивоенные демонстрации, имевшие место в 1985 г., являются важным политическим фактором сами по себе. Они свидетельствуют о сдвигах в настроениях масс — по крайней мере, на окраинах страны. На место апатии и деполитизации брежневской эпохи приходит новая социальная активность. И, наконец, последнее: поиски выхода из афганского тупика сближают умеренных реформистов, действующих в верхних эшелонах системы, с прогрессивными и левыми течениями, выступающими с более радикальных позиций. Эти течения еще только формируются, и их будущее зависит от общей динамики политической обстановки в нашей стране, от того, какими темпами и насколько далеко пойдут обещанные группой Горбачева перемены. Половинчатость бюрократических решений сама по себе является одной из гарантий того, что в обществе найдется место для более радикального варианта реформистской идеологии. Афганская война может дать левому крылу советского реформизма важный моральный стимул. Хотя ее роль не столь значительна, как роль вьетнамской войны в американском обществе 60-х годов, нельзя не провести некоторых параллелей. И в данном случае история молодежной оппозиции в США и новых левых представляет несомненный интерес. Антивоенные настроения советской молодежи уже стали серьезной проблемой для руководства Вооруженных Сил. Если эти настроения приобретут более четкую политическую окраску, это может иметь серьезные последствия для всего общества.

Не исключено, что поиски демократического решения для Афганистана и общая борьба с „прохановцами” помогут формированию единого левореформистского блока, выступающего за перемены не только в афганском вопросе. Поэтому для оптимизма, безусловно, есть некоторые основания. Но как бы ни сложились события в будущем, уже сейчас необходимо делать все возможное для скорейшего прекращения бессмысленного кровопролития.

В этой связи хотелось бы надеяться, что следующая фраза из уже цитировавшейся

статьи в „Правде” будет руководством к действию:

„Преодолеть разногласия, естественно, не просто. Примирение предполагает известные компромиссы”.

Если эта надежда сбудется, тогда мир на многотрадной земле Афганистана воцарится непременно.

С. Хованский

Афганская хроника

● Несколько месяцев назад, во время афганско-пакистанских переговоров в Женеве (под эгидой ООН), кабульская делегация получила разрешение от Политбюро ЦК КПСС на рассмотрение компромиссного плана ООН о четырехэтапном выводе советских войск из Афганистана в течение года. Но нынешней осенью кабульская делегация получила другое указание: для вывода советских войск потребуется еще 3—4 года.

● В Шиндане расположена самая крупная советская военная база в западном Афганистане. На этой базе стоят нацеленные на американскую военную базу на острове Диго Гарсия (Индийский океан) советские ракеты СС-20 с ядерными боеголовками. Все попытки партизан нанести по этой базе чувствительный удар ничего пока не дали, в основном, как объясняют партизанские командиры, потому что „американцы не дают нам современное оружие”.

● Стало известно, что в январе 1986 года под Адрасханом (в 100 км от Герата) советские войска применили новое химическое оружие: кожа убитых партизан побелела, а при попытке эвакуировать трупы ткани якобы отделялись от костей.

● В столице Пакистана Исламабаде был убит советский военный атташе Федор Гореньков. Пакистанская полиция арестовала убийцу. Им оказался 25-летний пакистанец Зафар Ахмад, недавно выпущенный из психиатрической больницы. Убийство он совершил, чтобы „привлечь внимание советского посольства к его просьбе о визе на въезд в СССР”. ТАСС заявил, что „Пакистан — это страна, которая вскармливает и воспитывает в огромных масштабах убийц и насильников”.

Трагедия героизма

В. РЫБАКОВ

Прошло то время Афганской войны, когда советские средства массовой информации с натушем восторгом описывали афганские картинки: вот советских солдат, выполняющих свой „интернациональный долг“ в Афганистане, встречаются с цветами афганские дети; вот от нескольких выстрелов рассеиваются душманские банды; вот советские солдаты строят школу или больницу. Отошли в прошлое разглагольствования о „братской помощи афганскому народу“, о „борьбе с черными силами международного империализма в Афганистане“...

Теперь все чаще говорят просто о войне. О том, что идет в Афганистане война со всеми ее трудностями, большой кровью, страданиями... и мужеством, героизмом. Например, в одном из недавних номеров „Литературки“ я прочел в репортаже Геннадия Бочарова „Солдаты гор“:

„В недавние времена, когда число золотых звезд ползло вверх, а число героев оставалось при этом прежним, я, как и многие другие, чуть было не утратил способность отличать подлинного героя от назначенного“. Далее: „...Испокон веков... мужчина должен был уметь защищать свой дом и свое дело“. Еще: „...Границы войны и мира, границы борьбы уже не всегда совпадают с государственными границами“. И, чтобы, видимо, забить до конца гвоздь пропаганды, автор пишет: „Разница между теми, кто в 41-ом шагнул на передовую, и теми, кого я встречал на заставе сражающегося с контрреволюцией Афганистана, меньше, чем принято думать. Она меньше, чем кажется. А, может, ее и нет вовсе“.

Таких материалов в советской прессе стало много. В них ни слова о партии, правительстве, коммунизме, советской власти, комсомоле и т. д. В них проталкиваются такие высшие ценности, как утверждение, что долг каждого солдата во время войны — защита государственных интересов. И старый тезис, согласно которому любое наступательное движение армии есть предупреждение агрессии.

Именно в силу этого тезиса, ставится знак равенства между оккупацией Афганистана и Великой отечественной войной.

Знают ли солдаты 40-й армии, что в Афганистане они не защищают свою родину, а отнимают родину у афганцев? Разумеется, знают. С цинизмом объявляют „старички“ в первый же день „салагам“: „Мы здесь, чтоб прикончить „духов“ и сделать Афганистан нашим. Запомни, тут все против нас, все без исключения. Забудешь — между четырьмя досками раньше времени очутишься“.

Однако понимание личным составом агрессивной сущности войны вовсе не означает, что советский солдат становится большим противником войны, чем раньше. Скорее, наоборот: „интернациональный долг“ был для него бессмыслицей. „Защита Афганистана от американцев и китайцев“ — слишком явная ложь. „Агрессия“ же обладает определенным смыслом, и связана с защитой государственных интересов: „Если бы мы не завоевывали Афганистана, это сделали бы американцы и китайцы, чтобы затем угрожать нашим границам“. Эта формулировка, хотя и туманна, хотя в ней много „если бы, да кабы“, все же она дает солдату возможность отыскать в себе чувства и мысли для самооправдания. А это то, что как раз и нужно советскому руководству и военному командованию. Требовать большего в афганских условиях было бы, вероятно, глупо и опасно.

И как только война была переведена с „интернационалистических“ на „патриотические“ рельсы, появились в Афганистане в довольно большом количестве Герои Советского Союза.

Чувствуют ли себя советские солдаты и офицеры, отличившиеся в боях в Афганистане, героями? Согласно „Советскому энциклопедическому словарю“ за 1981 год, героизм есть „свершение выдающихся по своему общественному значению действий, отвечающих интересам народных масс и требующих от человека личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию“.

В этом определении советский солдат узнать себя не может, так как не может от себя скрыть, что его послали в Афганистан не защищать интересы народных масс, а уничтожать населяющий эту страну народ. Ему так же трудно от себя скрыть, что „духи“, „душманы“, с которыми он сражается, — коренные жители страны, афганцы, а он, советский военнослужащий, сражается против этих афганцев в их Афганистане.

Согласно „Словарю русского языка“ за тот же 1981 год, героизм есть „самоотверженность, мужество, способность к сверхнорме подвига“. Это определение уже гораздо ближе к внутреннему миру советского солдата в Афганистане. Вывод, что героизм может быть свойствен как защитнику отечества, так и захватчику, требует от советского военнослужащего упорной внутренней борьбы с советским воспитанием, уничтожения внушенных советскому человеку патристических штампов. Смелому от природы человеку этот вывод необходим, чтобы оправдать свою смелость, очиститься от мыслей о преступности и глупости борьбы за неправо дело. Были, оказывается, немцы-герои на Восточном фронте, американцы-герои во Вьетнаме... можно стать героем (раз героизм зависит исключительно от решительности действия), даже выступив против приказа, против власти. Такие мысли стали вполне доступными многим служащим и уже отслужившим в Афганистане советским людям.

Но для большинства советских военнослужащих срочной службы понятие всего слово „способность“. Они-то знают, что способность к подвигу в условиях Афганской войны чаще всего вызывается страхом. Страхом попасть под трибунал, страхом быть пристреленным за трусость. Ужасом, переходящим в неистовство, при виде убитых друзей. И, наконец, страхом попасть в плен. Если в начале войны солдаты не верили начальству, утверждавшему, что лучше погибнуть, чем попасть живым в руки „душманов“, то ныне они верят, что смерть лучше, чем плен. Теперь это провозглашает (неофициально, разумеется) не только начальство. Это подтверждают старослужащие. И в солдате появляется особенная осторожность по отношению к опасности. Часто предпочитает он потратить последнюю пулю или последнюю гранату на себя, чем попасть в плен к афганцам.

Мысль, что в партизанском плену советского военнослужащего ждет мучительное существование или мучительная смерть, стала в оккупационной армии почти аксиомой, и, тем самым, значительно усилила ее боеспособность.

Винить афганцев в уничтожении пленных нет ни смысла, ни основания. Известно, что во все времена партизаны могли позволить себе держать пленных только в случае, если обладали освобожденными территориями (у афганских партизан есть только отдельные базы в горах). Кроме того, уничтожение Советской армией более миллиона афганцев — редкая семья, не потерявшая в войне хотя бы одного своего члена — вызывает у афганца законное чувство мести. Наконец, даже если руководство афганского сопротивления приняло бы еще в начале войны всю выгоду психологической войны (в данном случае заключающейся в том, чтобы принимать с распростертыми объятиями пленных и солдат, отказавшихся от палаческой службы, гарантировать им жизнь, безопасность и переправлять их затем в какую-либо страну по их выбору), оно все равно не могло бы обеспечить выполнение поставленной задачи по той простой причине, что для этого потребовалась бы всесторонняя помощь стран Запада... которой не было и нет.

Как бы то ни было, советский солдат оказался в Афганистане в безвыходном положении: вся 40-ая армия — один огромный штрафной батальон.

● В 1983 году во время службы в Афганистане Николай Рьжков перешел на сторону афганских партизан. В 1984 году он был среди немногих счастливых освободившихся и переправлен в США. Вскоре Рьжков заявил на пресс-конференции в советском посольстве в Вашингтоне о своем желании вернуться в СССР. Тогдашний советский посол в США Добрынин публично заверил, что Рьжков не будет репрессирован. После возвращения Рьжкова в СССР АПН сообщило, что Рьжков вернулся к себе в Казахстан и уже нашел работу. На деле он был, разумеется, предан суду военного трибунала, но не был расстрелян: получил 12 лет лагерей. Обвинение: измена Родине. В декабре Рьжков был переведен в исправительно-трудовой лагерь, расположенный у поселка Барашево в Мордовии.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Комитет спасения советских пленных в Афганистане сообщает, что в ноябре месяце 1986 года в Канаду прибыли пять бывших советских военнопленных, которые долгое время находились в руках афганских повстанцев.

Несколько лет представители нашего Комитета в очень тяжелых условиях прилагали все усилия для вывоза на Запад русских военнопленных. И вот только сейчас мы можем сообщить радостную новость: пять бывших военнопленных получили политическое убежище в Канаде.

Их имена, вероятно, известны многим из нас: Сергей Бусов, Николай Головин, Игорь Ковальчук, Владислав Наумов и Вадим Плотников. Путь их освобождения был нелегким, и мы считаем своим долгом поблагодарить тех многих людей доброй воли, которые принимали посильное участие в борьбе за их освобождение.

Мы приносим сердечную благодарность правительствам тех западных государств, которые способствовали их освобождению. И прежде всего канадскому правительству, предоставившему им политическое убежище.

Мы приносим сердечную благодарность Национальному исламскому фронту Афганистана и Хезби-и-Ислами фракции Халес и их руководителям, без личной поддержки которых было бы невозможно добиться успеха.

Мы особенно отмечаем поддержку журналиста английского телевидения господина Санди Голл и благодарим его за неоценимую помощь.

Таюже приносим благодарность русским людям, рассеянным по всему миру, приходам русских православных приходов, особенно приходу Свято-Троицкой церкви города Торонто. Без вашей поддержки и помощи немислимо было бы добиться их освобождения.

Необходимо отметить особо и поблагодарить Русский православный комитет содействия эмиграции в Канаде под руководством А. Д. Климова и Украинский комитет спасения беженцев в Канаде под руководством Б. А. Митюка.

Комитет спасения советских пленных в Афганистане считает, что по отношению к Бусову, Головину, Ковальчуку, Наумову и Плотникову он свой долг выполнил. Теперь они смогут начать новую, спокойную жизнь

в Канаде, и мы от всей души желаем им счастья и полного благополучия.

Однако нельзя забывать, что война в Афганистане продолжается, люди дальше страдают и гибнут. По нашим сведениям, в руках афганских повстанцев находится еще несколько сот военнопленных.

Поэтому наш Комитет, опираясь, как и раньше, на многих людей доброй воли, будет и дальше продолжать свою деятельность.

Николай Толстой - Милославский

Вывод шести полков

Все средства массовой информации СССР всесторонне освещали в середине октября эвакуацию из Афганистана шести советских полков: "Термез чувствует героев", "Кабул благодарит солдат мира", "Родина встречает своих сыновей", "На пути к дому" и т. д. Всего эвакуировано около 8 000 человек.

Но не все эвакуируемые дошли до желанной Кушки: один зенитный полк попал под обстрел у въезда в Салангский туннель и только убитыми потерял до 35 человек. В Джелалабаде партизаны сбили 5 вертолетов и подожгли 15 военных грузовиков. Это показывает, что в партизанских штабах не строят себе иллюзий, знают, что вывод шести полков — пропагандный трюк, и ничего более.

Это подчеркнул и президент Пакистана генерал Зия: "Согласно данным наших разведслужб, в течение последних 3 месяцев в Афганистан были введены новые советские механизированные части численностью в 15 000 человек". Так что в результате "эвакуации" шести полков в Афганистане прибавилось советских войск на 7 000 человек. Всего в этой стране от 120 000 до 150 000 советских военнослужащих — и вздох облегчения 8 000 матерей тонет в слезах и тревоге 150 000. А сколько за 7 лет войны погибло сыновей, сколько остались инвалидами!? Вряд ли до свержения коммунизма в нашей стране станет известна эта "военная тайна".

Горбачевскому пропагандному трюку никто на Западе не поверил: в любом случае шесть полков — это капля в море, тем более, что по ту сторону северной афганской границы стоят советские войска, готовые в любой час вторгнуться в Афганистан, а оперирующие в Афганистане бомбардировочная авиация и многочисленные спецбазы базируются не на афганской, а на советской территории.

Социализм по-китайски

Г. ЮРЬЕВ

Социализмы бывают разные. Зрелые и незрелые, развитые и зачаточные. Был да сплыл национал-социализм. А теперь возникла новая разновидность — социализм по-китайски. Обозреватели-оптимисты восторгаются: „Да помилуйте, господа, какой же это социализм? За ширмой марксистских лозунгов китайцы восстанавливают старый, добрый и уютный капитализм”. На это скептики и пессимисты возражают: „Партия дала, партия взяла. Вспомните ленинско-сталинский НЭП”. Как это часто бывает, при оценке политических и исторических событий правы и неправы, вероятно, как те, так и другие.

В интервью газете „Русская мысль” французский социолог Ж.-Л. Доменак сделал упор на трех пунктах: реформы в Китае действительно глубокие и важные; суть режима пока остается незатронутой; однако реформы могут привести к коренным изменениям или даже к ломке режима. Что-то вроде вывернутой наизнанку диалектической триады, в которой уживаются оптимистические надежды и пессимистические сомнения.

В Китае первая половина 1986 года была отмечена подведением итогов начатых в 1978 году реформ и обсуждением дальнейшего курса. В университетах и научных учреждениях вспыхнула оживленная дискуссия, перекинувшаяся на страницы прессы. Характерен т. н. „случай Ма Дина”. В ноябре 1985 г. молодой лектор Нанкинского университета Сонь Лоньсянь, под псевдонимом Ма Дин, в газете „Гонжен жибао” („Рабочая газета”) опубликовал статью, в которой утверждает, что главная задача современной марксистской экономической науки — не критика капитализма, а разработка путей построения социалистического общества. Ма Дин делает вывод, что у Маркса и Энгельса ни в „Капитале”, ни в других трудах для социализма (в отличие от коммунизма) готовых рецептов нет. Поэтому китайские экономисты должны исходить из фактов современной жизни, а не из марксистской догмы. Ма Дин советует изучать работы современных буржуазных экономистов — кейнсиан-

цев, неолибералов, монетаристов и пр., отмечая при этом, что Маркс и Энгельс тоже не гнушались пользоваться трудами классиков политической экономии.

Китайская пресса активно откликнулась на статью Ма Дина. В мае 1986 г. редактор газеты „Гонжен жибао” имел все основания сказать: „Критика этой статьи важнее самой статьи”. В декабре прошлого года статья Ма Дина была перепечатана (правда, в несколько смягченном виде) еженедельником „Пекинское обозрение”. Но в том же месяце Ма Дина резко осуждала в передовой статье нью-йоркская китайская коммунистическая газета „Чон бао”. Передовая эта была в марте 1986 г. перепечатана „Экономическим бюллетенем агентства Синьхуа”. Как утверждают в Гонконге, сделано это по настоянию видного представителя старой гвардии, бывшего директора Синьхуа, Ху Циома. Зато во многих других газетах и журналах реакция на статью Ма Дина была благожелательной. Этот пример показывает, насколько глубоки в китайском правящем слое расхождения во взглядах на экономические реформы.

На Западе многие склонны представлять разногласия в китайской коммунистической партии как борьбу правых с левыми: прагматиков, заботящихся о народном благе, с догматиками, обеспокоенными возможностью утраты полноты власти и идеологической чистоты. Скорее всего это не совсем так. Необходимость реформ не вызывает сомнений ни у тех, ни у других. Без реформ Китай не только подлинной сверхдержавой не станет, но даже может рухнуть, раздавленный массой населения и размером территории. Так рушатся иногда от собственного веса крупные здания и инженерные сооружения. Ни догматики, ни прагматики не хотят ослабления роли партии в жизни общества. Суть спора в том, насколько далеко могут зайти реформы, поскольку и первые, и вторые опасаются, естественно, чтобы не осуществилась заключительная часть триады Доменака — разрушение системы.

С официальной точки зрения наиболее значительным событием начала 1986 г. было

утверждение 7-го пятилетнего плана Всекитайским собранием народных представителей. Предварительный проект плана был выдвинут премьером Государственного совета Чжао Цзыяном 18 сентября 1985 г. во время партийной конференции. Затем последовало обсуждение плана и итогов уже проведенных реформ.

Как бы ни относиться к коммунистической сути правительства Китая, как бы ни истолковывать подлинные соображения, заставившие китайских коммунистов пойти на риск глубоких реформ, — итоги их внушительны. Колхозы уничтожены; каждый крестьянский двор сам ответствен за доходы и убытки; все большая и большая часть сельскохозяйственных продуктов поступает прямо на рынок, и, хотя государственные закупки в деревне все еще велики, закупает государство теперь не по разверстке, а согласно двусторонним договорам, которые не диктуются, а предварительно обсуждаются обеими сторонами.

Власти уговаривают крестьян обзаводиться личными тракторами и другими средствами производства. Для преодоления недоверчивости крестьян („купишь, а они отберут“) недавно был введен новый закон о наследстве. Согласно ему, мелкие собственники — как в деревнях, так и в городах — могут передавать наследникам не только „средства личного обслуживания“, но и средства производства. В результате в течение последних пяти лет средний годовой прирост сельскохозяйственной продукции равнялся 11%, а заработки крестьян увеличивались на 14% в год. Повысилось производство и потребление растительного масла, сахара, птицы, свинины. Китай стал вывозить излишки хлопка и некоторых видов зерновых, хотя по-прежнему ввозит пшеницу из западных стран. Правда, в 1985 году производство зерна в Китае несколько упало, главным образом потому, что многие крестьяне посею зерновых предпочли обработку земли под овощи и масличные злаки, приносящие большие доходы на рынке. Это дало повод противникам реформ, в частности члену Политбюро, ветерану Чэнь Юню, обвинить руководство в уклонении от социалистических принципов, которое, мол, и привело к погоне за личным обогащением в ущерб общественным интересам. Однако в конце первой половины 1986 года ведущие сторонники реформ в китайском руководстве — Дэн Сяопин, Ху Яобан

и Чжао Цзыян — в ряде выступлений подчеркнули, что от рыночного регулирования хозяйством Китай не откажется. Лучшим аргументом в защиту этого направления стало сообщение Государственного статистического бюро: в 1986 году, по сравнению с 1985, урожай летнего зерна значительно повысился.

Поводом к спорам служит и повышение цен. До тех пор, пока Китай следовал советской экономической модели, пищевые продукты и другие предметы первой необходимости были дешевы. Другое дело, что, как и в Советском Союзе, люди эти предметы не покупали, а с трудом „доставали“, процветал черный рынок. Как известно, цены черного рынка социалистическими планами и статистикой во внимание не принимаются. Частичное раскрепощение рынка наполнило базарные лотки и полки магазинов, но в 1985 году рост заработной платы городских рабочих стал отставать от роста цен. Однако и здесь китайское правительство ищет выход не в административных мерах, а в расширении роли рыночных рычагов в промышленности и городском хозяйстве. Недовольным напоминают: сейчас на заработанные деньги есть что купить, и общий уровень жизни горожан повысился. Дальнейший рост благосостояния горожан зависит от повышения производительности труда, от выпуска промышленности товаров, пользующихся спросом, а следовательно, приносящих прибыль.

Хотя и медленнее, чем в деревне, рыночные рычаги действуют в городском хозяйстве все сильнее и сильнее. Частный сектор продолжает расти: в нем сегодня уже занято 4,6 млн. рабочих (в 1980 г. — 800 000), его доля в валовом национальном доходе составляет пока 2%, но 15% розничной торговли и бытового обслуживания находятся в частных руках. Еще внушительнее роль кооперативного сектора, вес которого в валовом национальном доходе с 19% в 1978 году увеличился до 28% к началу 1986 года. Большую роль в этом секторе играют кооперативные хозяйства, создаваемые в городах и местечках деревенскими жителями. Государство создание подобных предприятий поощряет, преследуя две цели: оттянуть из села излишнюю, а также сезонную рабочую силу, и еще больше привлечь к развитию городского хозяйства денежные накопления крестьян.

Следующая цель, поставленная китайским правительством, — перестройка государственного сектора хозяйства, остающегося

главным и по объему, и по значению. В интервью редактору югославского журнала „НИН“ („Недельные информативные новины“) Мирко Декичу, в июле 1986 года, Чжао Цзыян сказал о намерениях правительства даже отказаться от директивного планирования работы крупных промышленных предприятий. Намечается переход от управляемого к направляемому хозяйству.

Впредь общегосударственный план будет указывать лишь главные пути экономики, не вдаваясь в подробную разработку количественных и качественных показателей. Часть сырья, полуфабрикатов и готовых изделий будет постепенно освобождена от контроля цен и будет поступать на рынок, минуя государственные каналы распределения и снабжения. Сняты ведомственные и географические рогатки, тормозившие развитие и эффективность промышленности. Дирекция отдельных фабрик и заводов получила право не только непосредственно торговать с предприятиями двух министерств, но и создавать с этими „чужими“ предприятиями совместные хозяйственные комплексы, не спрашивая благословения министерской бюрократии или местных партийных властей. Ответственность за ведение финансовых дел перекалывается с центральных административных органов на сами предприятия и промышленные комплексы. Отчисление прибылей государству предполагается заменить налогами, а капитальные работы по расширению или переоборудованию производства будут финансироваться не бюджетными ассигнованиями, а банковыми займами. Начался перевод городских советов на самоокупаемость: с государственных, кооперативных и частных предприятий им дано право взимать обложения на нужды городского хозяйства.

Некоторые государственные предприятия, (как, например, один из крупных универсальных магазинов в Пекине) выпускают акции и превращаются в „социалистические“ акционерные общества. Акции продают не только работающим на предприятии, но и членам их семей, а в ряде случаев просто жителям близлежащих районов. В июле 1986 года в Шанхае вновь открыта биржа для купли и продажи акций.

В пользу создания акционерных обществ приводят следующие доводы: материальная заинтересованность рабочих-акционеров повысит эффективность и конкурентоспособность государственного сектора; в свою оче-

редь, на государственных предприятиях повысится заработная плата, пока отстающая от заработков рабочих частного и кооперативного секторов. Изменится ситуация, при которой нет желания старательно трудиться, когда предприятия принадлежат всем и никому и когда, по китайской пословице, часто „подгоняют самого сильного и прилежного вола“, а нерадивых оставляют в покое.

Несмотря на предостережение догматиков, китайское правительство не намерено отказываться от привлечения капиталов иностранных фирм к участию в китайском хозяйстве. Противникам политики „открытых дверей“, обеспокоенным проникновением в Китай „тлетворного влияния капитализма“, Дэн Сяопин, соблюдая традицию китайской метафорической речи, ответил: „Нам необходим свежий воздух, нужно еще шире открыть окна и не стоит бояться, что влетит несколько комаров и мух“.

К июню 1986 года в Китае было 2500 предприятий, созданных с участием иностранного капитала и фирм. Они делятся на три категории: совместные начинания государственных предприятий с иностранными фирмами, совместные начинания кооперативов с иностранными фирмами, а также предприятия, полностью принадлежащие иностранцам. В уже упомянутом интервью Мирко Декичу Чжао Цзыян сказал, что вскоре будет создано еще 3800 предприятий, входящих в одну из этих категорий. Причем допуск иностранцев к участию в китайской экономике не будет ограничен территорией 4-х специальных экономических зон и 14-ти приморских городов, — многие места в глубине страны тоже открыты для заграничных фирм. В большинстве совместных начинаний участвуют китайцы диаспоры: 80% этих предприятий связаны с Гонконгом, 7% — с США, 6% — с Японией, остальные — с Сингапуром, Англией, Германией, Францией, Швейцарией.

Проникают в Китай также капитал и фирмы Тайвана. Несмотря на то, что на острове за отношения с континентальным красным Китаем предусмотрены строгие наказания, вплоть до смертной казни, оборот взаимной полулегальной торговли достиг 2 млрд. долларов в год. Пекинское правительство эту торговлю поощряет; тайванское смотрит на нее сквозь пальцы. Известно, например, о постройке 4 фабрик в районе Кантона, оборудование для которых было полностью поставлено с Тайвана. Все эти операции прово-

дятся через Гонконг, Сингапур и Японию. Эти же места служат пересадочными пунктами для тысяч тайванцев, ежегодно навещающих родственников и могилы предков в коммунистическом Китае.

*

Цены, устанавливаемые не в министерствах, а на рынке, средства производства в руках частных, похвала прибыли, биржевые сделки, иностранные концессии... Кажется бы, есть все основания у Чэнь Юня и других консерваторов беспокоиться об отходе от марксизма. Нет, отвечают им сторонники дальнейших реформ. Наоборот: это они, критики, находятся в плену чуждых марксизму идей, уходящих корнями в древность и средневековые Китая. Например, в начале июля этого года в боязни перемен, в пренебрежении к прибыли и денежным накоплениям, в желании отгородить Китай от влияния Запада газета „Гонжен жибао“ подвергла критике вековые традиции, воспитанные конфуцианством и даосизмом. Эти учения, по словам газеты, привили покорность судьбе и взгляд на деньги и наживу как на нечто нечистое, чем интересоваться мудрому и благородному человеку не положено. Даосизм виновен в том, что насаждает стремление не выделяться из толпы, проповедует крестьянам, что в деревнях все следует делить поровну. Вредно и конфуцианское преклонение перед книжными авторитетами, — оно ведет, по словам газеты, к рабскому мышлению и бюрократизации общества. Так, под видом критики Лао-цзы и Конфуция, газета раскритиковала марксистских начетчиков.

Вообще же идеологические вопросы не слишком беспокоят китайских коммунистов. Указывая на два существенных различия между коммунистическими режимами Китая и Советского Союза, Доменах говорит:

„...в китайской компартии гораздо меньшую роль играла марксистская идеология. Можно говорить что угодно о советском тоталитаризме, — и я считаю его огромным злом, — но у его истоков стояли политические мыслители: Ленин, Троцкий, Бухарин и др. По сравнению с ними, китайские коммунисты — просто школьники.

...Мои исследования привели меня к выводу, что у китайских коммунистов ... отсутствует законченная идеологическая доктрина”.

Но, может быть, Китаю как раз повезло, что у истоков его коммунизма не было крупных политических мыслителей? Как раз отсутствие идеологической нетерпимости и религиозного фанатизма не только при возникновении коммунистического строя, но и во всех периодах китайской истории позволяет более оптимистично оценивать его будущее. Хотя бесчинств и жестокости в китайской истории не меньше, чем в истории Европы и Ближнего Востока, в Китае их обычно совершали не во имя „высоких идеалов” и не по „велению” трансцендентного божества. Не было в китайской истории ни восстания маккавеев, ни газавата, ни крестовых походов. В китайском варианте „бунта бессмысленного и беспощадного”, — будь то крестьянские войны средневековья, восстания тайпинов или боксеров, — помимо обычных зависти, злобы и мести, движущей силой могло быть суеверие, но гораздо реже — вера.

Наблюдая современный Китай, легко впасть с соблазн надежд, что вот и советское правительство опомнится и займется глубокими реформами, а Горбачев сыграт в Дэн Сяопина. Теоретически это, может быть, и возможно, но на практике трудно осуществимо. Слишком велико различие между двумя коммунистическими великанами. Наряду с меньшей ролью идеологии в китайском коммунизме, Доменах заметил, что Китай значительно меньше России пострадал от кровопусканий красного террора. Общее число жертв, в перечислении на проценты от всего населения, не достигло ленинско-сталинских масштабов. Кроме того, говорит Доменах:

„...характер этих репрессий был таков, что китайское общество в своей подавляющей части уцелело. На крестьян оказывалось давление различного вида, но все-таки деревни не разрушались. „Выморочных” деревень в Китае не было. А когда давление было ослаблено, то гражданское общество начало восстанавливаться”.

Есть и третье отличие, на наш взгляд, не замеченное Доменахом. Это 50—60 млн. „капиталистических”, зарубежных китайцев, принимающих активное участие в экономической, культурной и общественной жизни страны. Важна роль остатков армии Гоминдана, ушедших на Тайвань, превративших эту бывшую китайскую, а затем японскую колонию в цветущий „капиталистический

остров". Еще важнее роль миллионов трудолюбивых, умелых и преуспевающих китайцев, поселившихся в Гонконге, Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, в китайских районах Сан-Франциско, Нью-Йорка, Мельбурна, Сиднея. Их пример виден каждому, их влияние проникает во все слои китайского общества.

Но не только по отношению к будущим, еще не начатым реформам в Советском Союзе, но и в отношении дальнейшего развития реформ в Китае уместен некоторый скептицизм. Недавно городской голова Уханя*, говоря об успехах применения в своем городе рыночных рычагов в промышленности, отметил три существенных отличия полусвободного рынка в Китае от свободного рынка капиталистических стран:

* Несколько лет назад промышленность и городское хозяйство Уханя были переведены, одними из первых, на рыночные рельсы.

Рейкьявик: встреча Горбачев-Рейган

Горбачев и Рейган встретились в столице Исландии Рейкьявике 11 и 12 октября. Были запланированы три беседы, но Горбачев попросил, чтобы состоялась четвертая... В общей сложности американский президент и генеральный секретарь ЦК КПСС провели вместе 10 часов. Официально оба лидера встретились, чтобы дать импульс дальнейшим переговорам о сокращении ядерных вооружений.

Горбачев пошел на невиданные ранее уступки. Он предложил Рейгану немедленно дать своим министрам иностранных дел и другим компетентным ведомствам распоряжение подготовить три проекта соглашений.

1. По стратегическому оружию: сократить его на 50%. Более конкретно — сократить наполовину американские и советские стратегические ракеты наземного базирования, стратегические ракеты на подводных лодках и стратегические бомбардировщики. Рейган согласился.

2. По ракетам среднего радиуса действия: взять на вооружение американский „нулевой вариант“, от которого советская сторона раньше упорно отказывалась, то есть полностью ликвидировать эти ракеты на территории Европы. Более того — Горбачев согласился оставить в Азии только 100 боеголовок на ракетах среднего радиуса действия

1) в Китае львиная доля хозяйств, основные средства производства, земля, вода и недра принадлежат государству;

2) поощряя свободную циркуляцию товаров на рынке, согласно законам спроса и предложения, государство, когда нужно, контролирует цены; например, в Ухане зимой, когда овощей мало, устанавливаются максимальные пределы цен для защиты потребителя от спекуляции, а летом, когда овощей в избытке, в интересах производителей устанавливаются минимальные пределы цен;

3) для направления рынка государство применяет, преимущественно, экономические и юридические рычаги, но, если нужно, может прибегать и к административным мерам.

Иными словами, тезис „партия дала, партия взяла“ остается пока в силе и в Китае.

с тем, чтобы американцы оставили такое же количество своих боеголовок на территории США. Рейган согласился.

3. По космическому оружию: обе стороны отказываются от разработок и испытаний космического оружия сроком на 10 лет, разрешаются исследования и испытания только в рамках лабораторий. Рейган отказался.

Совершенно очевидно, что Горбачев приехал в Рейкьявик с одной единственной целью — заставить США отказаться от Стратегической оборонной инициативы (СОИ), то есть от установки в космосе противоракетных и противоспутниковых комплексов. Первые два предложения — лишь приманка и метод давления.

На пресс-конференции в Рейкьявике Горбачев сказал: „И поскольку американская администрация, как мы теперь понимаем, уверовав в свое технологическое преимущество, надеется вырваться через СОИ к военному превосходству, она пошла даже на то, что похоронила уже достигнутые договоренности“.*

Технологическое отставание СССР во всем, что касается вооружения, тщательно скрывает

* По оригинальной записи исландского телевидения Горбачев сказал дословно: „Американцы хотят использовать наше технологическое отставание, чтобы добиться военного превосходства“.

лось в течение десятилетий советским руководством. Только благодаря своей военной мощи СССР может считаться сверхдержавой (экономически СССР не может считаться высокоразвитой страной), а если точнее: в настоящее время — только благодаря своему ядерному арсеналу.**

Вывод: практическое осуществление американского шита (СОИ) лишит СССР в военном отношении, а затем, следовательно, и в политическом положении сверхдержавы со всеми возможными катастрофическими для советского руководства последствиями. Например, следующим этапом может быть понимание значительной частью населения СССР неспособности коммунистической власти в стране не только поднять позорно низкий уровень жизни граждан, но и обеспечить стране нужный уровень обороноспособности.

Действительно ли Горбачев рассчитывал, что Рейган откажется от СОИ? Возможно. Но вероятнее всего, советская политика противостоящая СОИ — политика дальнего прицела. Удивительная уступчивость советского руководства в переговорах о сокращении ядерных вооружений может со временем всколыхнуть мировое общественное мнение, в первую очередь американское, и способствовать поражению на президентских выборах в США (они состоятся через 2 года) кандидата Республиканской партии. После победы на президентских выборах кандидата от Демократической партии, в особенности если во время предвыборной кампании демократы будут яростно критиковать „неуступчивость“ Рейгана, надежды советского руководства вынудить США „заморозить“ СОИ станут опираться на более твердую основу.

Действительно ли Рейган допускал возможность отказаться от СОИ, отправляясь на встречу с Горбачевым? Вероятнее всего, он хотел убедиться, сколько Горбачев способен отдать за СОИ. И выяснил — много, больше, чем он ожидал. Кризис в СССР более глубокий, чем многие считают.

В. М и ш и н

** Теперь на Западе часто говорят, например, что танк без бортовой компьютерной системы — не танк, а металлолом, а, как известно, громадное большинство советских танков не вооружены компьютерами.

В 1986 году Берлинской Стене Позора исполнилось 25 лет. Ее длина — неполных 166 километров, из которых две трети — бетонная стена, а одна треть — проволочный забор. На ней около 300 дозорных вышек, 43 ДОТа, 4 километра надолб, 244 километров дорожек для сторожевых собак. За 25 лет пограничники ГДР открывали огонь свыше 1 500 раз по людям, бегущим через Стену в ФРГ. За эти годы у Стены было арестовано 3 149, убито 74 и ранено 115 человек. Уйти в ФРГ удалось почти 5 500 гражданам ГДР, среди которых 554 были солдатами и офицерами погранвойск. (До сооружения Стены из Восточной Германии в Западную ушло более 4 миллионов немцев).

В Восточном Берлине 15 июня 1961 года Вальтер Ульбрихт, генсек ЦК СЕПГ, на вопрос одного западного журналиста, не соберется ли он возвести разделяющую Берлин стену, ответил: „Стену? Нет, об этом никто не помышлял. Да и строительные рабочие заняты жилищными стройками. Не снимать же их со столь важной работы ради какой-то стены“. В ночь на 13 августа 1961 года Стена Позора стала расти с ужасающей быстротой.

Стену эту стали называть Стеной Позора. Но позора для кого? Для тоталитаризма Берлинская Стена есть всего лишь еще одна граница тюрьмы, в которую заключены народы. Позором она является для Запада, допустившего ее существование, не сокрушившего ее в первый же день.

Из всех социалистических стран наиболее высокий уровень жизни — в Венгрии. Экономический успех Венгрии (на фоне неудач других соцстран) непосредственно связан с проведением так называемых либеральных реформ. С 1 января 1982 года „вторая экономика“ Венгрии была официально узаконена. Частные предприятия могут нанимать до 10 работников. Рабочие, собравшиеся в коллективы, имеют право арендовать у государства предприятия. В 1984 году в Венгрии насчитали 140 000 свободных ремесленников, 22 000 свободных торговцев и 240 000 рабочих, примкнувших к свободным коллективам. Более половины цен на товары в Венгрии регулируются спросом и предложением. Венгерскую границу с Австрией каждый год пересекают миллионы венгров. Советские

руководители с тревогой наблюдают за развитием венгерского опыта — они знают, что без реформ СССР невозможно долго сохранить статус сверхдержавы, но также знают, что реформы ослабляют диктатуру и могут привести к ее краху. Нет ничего удивительного, что венгерские реформы одновременно манят и страшат советское руководство.

В обломках самолета, в котором в ночь на 20 октября погиб марксистский диктатор Мозамбика Самора Машел, был обнаружен чемодан с документами, свидетельствующими, что за три дня до смерти он обсуждал план захвата соседнего с Мозамбиком государства Малави.

В документах, представленных на пресс-конференции южноафриканского правительства, значилось, что на заседании представителей Зимбабве, Танзании и Мозамбика, состоявшемся 16 октября, оговаривались совместные действия войск трех государств

с целью свергнуть малавийское правительство президента Гастингса Камуза Банда и установить в этом государстве просоветский режим. Правительство придерживается прозападной ориентации, поддерживает связи с ЮАР и укрывает партизан антимарксистского мозамбикского движения РЕНАМО.

Согласно плану, первым шагом в оккупации Малави должен был быть захват или разрушение всех мостов на территории страны спецбригадами, посланными туда под видом дорожных рабочих. Следующим шагом должно было быть прямое вторжение и захват столицы "при поддержке трудящихся Малави".

Для участия в этой операции в северной, граничащей с Малави, мозамбикской провинции Замбезия уже были сконцентрированы около двенадцати МИГов-17 и -21, несколько военных вертолетов, а также советские и кубинские инструкторы.

● ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОППОЗИЦИЯ

«Привет чешским реформаторам!»

В. ПОРЕМСКИЙ

С фразой, вынесенной нами в заголовок, якобы обратился Горбачев к Гусаку при встрече с ним в Москве. Слух? Вероятно, но слух знаменательный.

Изучая выступления верховных советских руководителей, следя за перемещениями в партийном и государственном аппарате, читая статьи в советской прессе, знакомясь с требованиями, предъявляемыми командами промышленности, экономистами, учеными, инженерами, не перестаешь удивляться смелости и новизне высказываний.

Что происходит в СССР? Имеем ли мы дело с очередным экспериментом, с временной извилиной генеральной линии партии, после чего все вернется к прежней рутине? Можно ли верить словам, произнесенным с высоты партийных трибун? Достаточно ли у руководства воли к проведению подлинных реформ и едино ли руководство в этом вопросе? Беспрецедентно ли происходящее в стране? Происходит ли существенный перелом в политике? Или мы имеем дело с тактическим приемом, задача которого — завоевать

поколебленное доверие интеллигенции и подогреть в народных массах надежду на лучшее будущее? А на Западе — укрепить иллюзию о возможности такого изменения режима, которое обеспечит разрядку международной напряженности и позволит прекратить гонку вооружений?

Ответить на все эти вопросы очень трудно человеку, не находящемуся в центре событий — в среде советского руководства или близко к нему. Недостаточная информация о том, как складываются и принимаются решения в группе, стоящей у кормила власти в СССР, в среде которой большую роль играют и личные отношения, эта, по словам Черчилля, "загадка, окутанная тайной", чрезвычайно затрудняет "окончательные и неоспоримые" суждения, на которые претендуют многие как иностранные, так и русские зарубежные авторы.

Поэтому, в поисках ответа на эти интересующие нас вопросы приходится обращаться к примеру событий в СССР или в странах Восточной Европы, которые могут бросить

известный свет на происходящее ныне в Москве.

Первое, что приходит на ум, это пример НЭПа. Но это было время, когда советская власть едва-едва укрепилась и когда ее руководители понимали, что могут потерять завоеванные позиции. Эта опасность и вынудила власть пойти на реформы, несмотря на то, что они противоречили замыслу построения социалистического общества. Кроме того, провести реформы в те времена было сравнительно просто: хозяйство старой России еще не было разрушено. Надо было лишь снять запрет со свободного земледельческого труда, ремесленничества и торговли. Ведь у крестьян еще сохранилось умение самостоятельно обрабатывать землю на базе существовавшей тогда несложной техники и тягловой силы, а среди городского населения было достаточно людей, способных собственноручно соорудить необходимую для ремесла аппаратуру, не говоря уже о людях, умеющих торговать.

Неизмеримо труднее провести это в настоящее время. Волевое решение и снятие ограничений — это необходимый, но лишь первый шаг в длинной цепи масштабных и трудоемких мероприятий. С двадцатых годов вся материальная инфраструктура индустриального общества усложнилась и изменилась до неузнаваемости. Для проведения реформ в такой крупной державе как СССР нужны не просто люди со смекалкой и инициативой, а специалисты, армия специалистов, умеющих обращаться с современной техникой и использовать ее рационально на благо страны без указки сверху. Для этого необходима перестройка всей этой армии на новый стиль мышления и лад работы, что требует времени, и не малого.

Еще более значительная дистанция отделяет нас от предреволюционного периода: то, что было до 1917 года, — это уже "археология", изучение которой не может помочь нам понять настоящее, так же, как тактика штыковых и кавалерийских атак не помогает пониманию военных операций в эпоху ядерного оружия.

И тем не менее, кое-кто в СССР вспоминает как "археологические" дореволюционные времена, так и НЭП*.

* См. статью Ф. В. Бурлацкого "Ленин и стратегия крутого перелома". "Литературная газета", 16. 4. 1986, № 16.

С тех пор событий такого масштаба и характера как НЭП в СССР больше не было. Зато они имели место в восточноевропейских сателлитах. Поэтому в поисках прецедента целесообразно к ним и обратиться.

Происходящее сейчас в СССР очень мало напоминает то, что происходило в Венгрии, где произошел стихийный взрыв недовольства низов. Никакого взрыва мы сейчас в СССР не наблюдаем. Мало сходства можно обнаружить и с происходившим в Польше — и там события протекали не по инициативе сверху. А именно так они протекают сейчас в нашей стране. Инициатива сверху была проявлена лишь в Чехословакии в конце 60-х годов.

Именно чехословацкая попытка приступить к реформам по инициативе сверху позволяет рассматривать этот опыт как базу, дающую нам наибольшее количество данных для сравнения, естественно, с учетом как истекшего с той поры времени, так и специфики условий в Советском Союзе.

*

Реформистское движение в Чехословакии зародилось в среде научно-технической интеллигенции* и партийной номенклатуры. Оно привело к смене руководства на высшем уровне и приходу к власти новых людей из среды того же руководства. В Чехословакии перелом произошел сравнительно быстро. Размышления о реформах начались в 1966 году, а приход нового руководства совершился рывком: обсуждения на съезде в декабре 1967 года завершились снятием Новотного 5 января 1968 года.

В СССР процесс занял два с половиной года — от последних дней Брежнева до первых дней Горбачева. Сказалась инерция большой страны.

*

Новое руководство в Праге не добилось полноты власти и было отнюдь не однородным. Дубчек был компромиссной фигурой, — что можно предположить и в отношении Горбачева. Старая гвардия как тогда в

* Отметим, что и в Венгрии все началось с бунта гуманитарной интеллигенции, а в Польше движение приняло размах после смывки рабочих с интеллигенцией.

Праге, так и теперь в Москве не сдала всех позиций и не отказалась от мысли о реванше. Что же касается реформ, то они были только намечены, но так и не проведены. Новое руководство, согласно установившимся, свойственным системе нормам, направило все свои усилия на то, чтобы расставить своих сторонников в ключевых узлах партийного и государственного аппарата и тем обеспечить проведение реформ. Аналогичное явление наблюдается сейчас и в Москве.

Итак, вплоть до занятия Чехословакии 21 августа 1968 года, трагически положившего конец процессу подступа к реформам, все протекало по схеме, которая сейчас используется и в СССР. О том же, как бы развивались чехословацкие события, если бы они не были насильственно прерваны, можно только гадать.

В Праге старая гвардия добилась реванша и победы, но не потому, что она получила поддержку партии и народа, а потому, что удалось подавить реформистскую оппозицию вооруженной силой, — не собственной армии, а дивизиями как Большого брата, так и малых братьев из соседних дружественных социалистических стран.

ИДЕЙНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМ

Изложенная выше схема показывает общие закономерности протекания события в тоталитарной системе советского образца и тем свидетельствует о пользе рассмотрения чехословацкого эпизода как поучительного примера. На основании этого примера можно пойти даже дальше осмысления уже имевших место в СССР событий, можно сделать кое-какие выводы и о дальнейшем их протекании. Вернее — о вероятности тех или иных вариантов. Но для этого надо напомнить о том, какие причины обусловили пуск в ход чехословацкого эксперимента и какие силы играли в процессе его проведения содействующую роль, а какие — тормозящую.

Шестидесятые годы были временем промышленного и экономического бума в передовых промышленных странах, обусловленного использованием того нового, что внесла научно-техническая революция (далее в тексте: НТР). СССР и страны советского бло-

ка не могли использовать эти открывающиеся возможности из-за бюрократизации аппарата и догматической косности руководства. Использование, если оно и имело место, было ущербным, и потому не вело к тому росту промышленности и народного благосостояния, который наблюдался на Западе.

В те времена это наиболее остро стало ощущаться в Чехословакии — стране наиболее европейской из советских сателлитов, стране преимущественно промышленной и располагающей сравнительно большими кадрами инженеров, техников и квалифицированных рабочих.

Чехословацкая интеллигенция и после потери страной самостоятельности в ноябре 1938 г. традиционно тяготела к демократическому Западу и потому не потеряла восприимчивости к тому, что там происходит. Именно в этой среде и начался пересмотр программных положений партии, которые воздвигали перед нововведениями структурные, организационные и психологические трудности, и тем вызывали опасное снижение темпа роста производительности труда в народном хозяйстве.

Инициаторам этого пересмотра удалось добиться одобрения партии на исследовательскую работу, результаты которой должны были быть представлены на рассмотрении XIV съезде компартии ЧССР. По решению президента чехословацкой академии наук Ф. Шорма работа началась в 1965 году в рамках Института философии и под руководством его директора Радована Рихты. В следующем году появилась первая редакция наброска, привлекавшая внимание видных партийных деятелей — Гольдштюккера, Лима, Прохаски, Шика, Пеликана, Млинажа и др., и таких писателей, как Кохоут. Они энергично взялись за популяризацию основных положений проекта.

Каковы же были эти основные положения? Они были изложены в объемистом документе, содержание которого мы будем цитировать по книге, вышедшей под редакцией Р. Рихты и опубликованной по-французски марксистским издательством "Антропос".

Авторы исходят из того фундаментального утверждения, что

"...во время научно-технической революции наблюдается значительное опережение наук о природе и значительное отставание наук социальных и гума-

нитарных. Если такое отставание будет усугубляться, то это поставит под вопрос возможность использования научно-технической революции ... для прогресса человечества". И дальше: "Сущность НТР заключается не в появлении новых производств и не в развитии производительных сил, а в постоянной и ускоренной перетасовке всех производительных сил и всех объективных и субъективных факторов человеческой жизни ... Наука откладывает свой отпечаток на весь процесс производства, постепенно в нарастающем темпе становясь центральной производительной силой общества, а практически — решающим фактором развития производительных сил... характерной чертой наступающей эпохи является переход от экстенсивных форм развития производства (характерных для индустриального периода) к интенсивным формам, тесно связанных с НТР".

Какой же фактор должен стать в центре внимания в наше время? В цитируемом труде этот фактор определяется так:

"После преодоления определенной ступени развития современной цивилизации наиболее эффективным средством воспроизводства производительных сил общества и жизни человека становится развитие человека как такового... — развитие человека как цели в себе".

Говоря о сдвигах в технической и социальной сфере, авторы труда отмечают:

"Но и социализм не смог устранить целый ряд глубоких и тяжелых последствий индустриального прогресса и изменить течение внутренних тенденций индустриализации".

Вину за это авторы возлагают на марксистов "известного типа" и на сторонников "культы личности". Поэтому, мол,

"п о к а ни капитализм, ни социализм не созрели еще для понимания революционного характера предстоящих перемен... До настоящего времени большая часть научных открытий и технических достижений были, бесспорно, впервые осуществлены в капиталистических странах".

К подобным выводам, но в менее резкой форме и без ссылок на Запад, пришли и нынешние руководители СССР.

Очень метко определяют чехословацкие авторы характер требований, предъявляемых НТР человеку и обществу:

"НТР выходит на мировую сцену в виде патентного фактора пертурбаций, как анонимный императив, принуждающий к росту; этот фактор не имеет

определенного локального происхождения, он выступает как постулат, с которым повсеместно приходится считаться".

Из этого положения следует, что и социалистические страны не могут безнаказанно противодействовать силе этого анонимного и универсального давления. Так, за попытку сопротивления ему в Праге вооруженной силой, Советский Союз заплатил почти двумя десятилетиями застоя.

Авторы документа считают, что подчинение этому давлению, — например, проведение в социалистических странах мероприятий по использованию законов рынка, введение категорий ценности и т. п., — не равносильно шагу назад в сторону капитализма, и утверждают, что

"... без разработанной экономической структуры, без выявления ценностей, без развития системы интересов нельзя широко открыть двери для НТР, подготовить нужный для нее экономический плацдарм".

Важнейшие требования реформы пражане сводят к трем пунктам:

а) модернизация техники и перенесение центра тяжести капиталовложений в отрасли, связанные с достижениями на "переднем крае науки";

б) сокращение рабочего времени, расходующегося на простейшие операции;

в) развитие сфер деятельности, связанных с творческой активностью, и оснащение научными знаниями кадров, необходимых для перехода в новую фазу.

Утверждается также, что:

"Экстенсивная направленность не соответствует требованиям интенсивности, выдвигаемым НТР... А отсюда следует, что без полного и решительного применения радикальных мер (в виде экономических реформ) и новых систем управления, основанных на использовании рынка, в социалистических странах с развитой промышленностью не будут открыты качественно новые пути".

Пражские реформаторы подчеркивают, что

"... использование благ НТР немыслимо без широкой международной базы... Каждая преграда локального характера и всякие ограничения — будь то в отношении передвижения людей или распространения информации или книг — неизбежно повлекут за собой замедление экономического роста".

Далее отмечается, что

"... наука... требует более широкого и глубокого применения демократического принципа... применение традиционного административного принципа приводит к падению эффективности научного труда пропорционально четвертой степени количества ученых. Так, активность трех ученых, располагающих свободой решения и выбора методов, может быть приравнена по эффективности к группе из 81 ученого, лишь исполняющей полученные инструкции... Специалист, довольствующийся исполнением получаемых инструкций, не имеющий собственных убеждений, боящийся брать на себя риск и вообще специалист боязливый, занятый своими собственными заботами, опасющийся критиковать, не взирая на лица и их положение, как бы высоко оно ни было, когда это нужно для быстрого и эффективного продвижения по пути социализма, — такой специалист бесполезен для социалистического общества".

В заключение авторы излагают свою общую концепцию происходящего в мире:

"В индустриальную эпоху как управление предприятия, так и управление административные осуществлялись при помощи приказов. Сейчас начинают проявляться субъективные свойства управляемых динамических систем, что требует и особого типа управления /.../.

Интегрированные системы, обычные для высокотехнизированных и автоматических процессов, не поддаются больше управлению при помощи старых методов... Это осознано в США уже 10—15 лет назад*... Управление становится не прямыми, а опосредствованным... в разнообразных инструментах цивилизации — таких, как рынок, формы торговли, деньги, демократические принципы, юридические нормы, этические правила и т. п. /.../

Социализм же вынужден был поначалу организовывать общество как некое гигантское предприятие... практически исключая экономические рычаги (такие, например, как формальные юридические демократические нормы и т. п.) ... что не могло не привести к абсурдам".

Поток информации уже сейчас имеет большое значение.

"...а в более отдаленном будущем вырисовывается возможность непрерывной циркуляции между вершиной и базой ... непрерывно гарантирующей проверку демократическим испытанием каждого заново вводимого регуляционного принципа".

* Один видный польский академик в частном разговоре с автором статьи недавно высказал предположение, что социализм будет скорее построен в США, нежели в СССР.

Авторы не постулируют безболезненное протекание этого процесса и предвидят конфликт между технократическими и демократическими тенденциями...

"...преодоление этого глубокого противоречия между образованными элитами, располагающими властью, предоставляемой наукой и техникой, и беспомощными массами, чьи судьбы от них зависят, — осуществимо лишь с большими трудностями. Возможно, что именно здесь социализм встретит наиболее сложную для разрешения проблему".

Эту роль элиты должна играть компартия, но авторы отмечают узость ее идеологической базы:

"...до настоящего времени можно было в принципе довольствоваться тремя классическими частями марксизма и, в частности, доктриной научного 'социализма'; все это подводило итоги эпохе борьбы классов, но теперь, а тем более в будущем, нельзя будет обойтись без ряда дисциплин ... таких, как антропология, социальная психология, 'наука о науке', наука о труде, экономика, теория цивилизации и культуры, общая технология, экономика человеческих ресурсов, футурология и т. д.

При этом, конечно,

"...неизбежны расхождения во мнениях, что ведет к смелой концепции будущего бесклассового и технически прогрессивного общества как структуры конфликтной и противоречивой, структуры особого типа, формы существования которой будут заключаться в движении и противоречиях".

Типичным приемом, характерным для этого общества, авторы считают диалог,

"...правила ведения которого отличаются от методов политического обличения, употреблявшегося в борьбе против классовых врагов"*.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПРАГОЙ 1968 г. И МОСКВОЙ 1986 г.

Идейные предпосылки реформ, как видно из приведенного сжатого обзора, представлены во всей их глубине и широте. Мысли, к которым пришли авторы, изложены ими объективно и не недоброжелательно по отношению к тому, что было открыто или сдела-

* Более пространное и обоснованное раскрытие характера такого общества дано в учении о солидаризме.

но на Западе. Авторы предлагают все разумное и стоящее из заграничного опыта перенести на социалистическую почву, учитывая как благоприятные, так и неблагоприятные создавшиеся на этой почве условия.

К числу неблагоприятных условий они относят "культ личности" (якобы уже преодоленный в Москве!), склонность к администрированию, гипертрофированный централизм, бюрократизм, нечувствительность к новизне, боязнь ее и т. п., не прибегая, однако, к детальной критике явлений, проистекающих из этих условий.

Все их предложения носят конструктивный характер, и только знавшие детально об истинном положении в стране, характеризуемом именно этими деталями, могли понять, насколько радикальны и революционны были их предложения. Самих этих слов, однако, в их словаре не найти. И это понятно, так как, с одной стороны, они ничего существенного к сказанному не добавляли бы, а с другой стороны — для этого времени они были бы тактически явно опасными.

Московские реформаторы выступают сейчас куда более открыто и категорично. Действительно, выступая на съезде партии 4 марта 1986 года, Н. И. Рыжков говорит:

"самое главное — повышение темпов должно достигаться на принципиально новой основе — на основе всесторонней и последовательной интенсификации ... и главное средство ее решения — кардинальное ускорение научно-технического прогресса, достижение высших рубежей науки и техники".

Эту мысль Рыжкова расширяет и уточняет Горбачев в своем выступлении в Хабаровске 31 июля 1986 года:

"Нынешняя перестройка охватывает не только экономику, но и другие стороны общественной жизни, социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и метод работы партии, всех наших кадров. Я бы поставил знак равенства между словами перестройка и революция".

Однако практические выводы из этих категорических заявлений делаются более скромные, чем пражские. Зато в Москве сейчас говорят, не стесняясь, обо всех общественных, мягко выражаясь, неполадках: коррупции, взяточничестве, хищениях, приписках и прочих явлениях, подпадающих

под статьи Уголовного кодекса. И о бюрократизме говорится очень подробно и обстоятельно, критикуются и эксцессы централизма. Но при этом делаются прозрачные намеки, что все это — результат ошибок предыдущего руководства, а не порок системы как таковой.

Чешские реформаторы подлинно революционны, так как говорят о первоисточниках миропреобразующих идей. Рыжков же в своей речи на съезде говорит не об идеях, а о технологиях: мембранной, лазерной, плазменной, сверхвысоких давлений, импульсных нагрузок... Технологии эти, однако, не могут быть разработаны без фундаментальных идей и свободы научного поиска.

И чешские, и московские реформаторы ратуют за демократизацию, но если первые говорят о человеческом факторе как о цели в себе, ставят во главу угла автономную личность, то вторые понимают под этим расширение прав индивида лишь в рамках организуемых сверху коллективов. В первую очередь — партия.

С Москве также ставится вопрос о необходимости использования в народном хозяйстве инвестиционных, финансовых, экономических и рыночных рычагов, но не говорится при этом ни о заграничном опыте, ни даже о собственном опыте косыгинских реформ. Тем не менее уже обсуждается закон о переведении всех предприятий на хозрасчет, о предоставлении им прав в области планирования, снабжения, стимулирования труда и т. п. Закон должен будет юридически закрепить за предприятиями эти их новые права. Аналогичные права должны будут быть предоставлены и сельскохозяйственным предприятиям.

Обо всем этом советские руководители еще не говорят полным голосом, зато об этих проблемах очень много пишет советская пресса.

Чешские реформаторы утверждают, что "использование благ НТР немыслимо без широкой международной базы". Пользу международного сотрудничества не отрицают и в Москве, но если чешские реформаторы видят в научно-технической революции силу мирового порядка, повсеместно диктующую условия для использования ее достижений, то в Москве хотят впрячь эти достижения в свою колесницу, произвольно отбирая лишь те элементы, которые не ко-

леблют основы режима, исключают возможность скольжения в сторону "капитализма" и позволяют идти дальше по намеченному марксистско-ленинскому догмой пути.

Должно быть и в Москве понимают, что достижения НТР нельзя приобрести в розницу: необходимо или принимать весь объективный "диктат" НТР в целом, — путь, по которому предлагают почти безоговорочно пойти чешские реформаторы, — или отбрасывать то самое ценное, фундаментальное и существенное, что в этом "диктате" содержится.

Отметим, однако, что и в высказываниях советского руководства, а еще больше в статейных материалах, публикуемых в прессе, этот глубинный и глобальный подход тоже находит свое отражение, — но ему на страницах той же прессы противопоставляется стандартная "классическая" аргументация явных противников нового реформистско-революционного курса. По этой линии и происходит водораздел между двумя противоположающимися течениями.

Джин, выпущенный из бутылки энергичными заявлениями таких новаторов как Горбачев и Рыжков, набирает силу, как это было и в Чехословакии. Удастся ли загнать его опять в бутылку? Или он, вырвавшись на просторы страны, поставит свои условия для дальнейшего хода событий?

Чтобы подойти к ответу на этот вопрос недостаточно рассматривать происходящее только с общей идейной и социальной стороны. Надо принять во внимание технику того, как реально происходят изменения в рамках социалистического общества советского образца. И тут в известной степени нам может помочь обзор чехословацких событий.

ХОД ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СОБЫТИЙ

С обоснованием и защитой изложенных выше тезисов и выступили чехословацкие реформаторы на Четырнадцатом съезде КПЧ в декабре 1967. Формулировка тезисов оказалась делом далеко не простым, так как в ходе работы над проектом участники обсуждения столкнулись с своеобразной задачей — необходимостью переформулировать все высказанные соображения. Дело в том, что попытка научно и объективно подойти ко всем проблемам в целом привела участников совещания к неожиданному для них са-

мым выводу. При начале работы они, естественно, исходили из классической марксистской схемы, согласно которой экономический базис, то есть производительные силы определяют производственные отношения, из которых и проистекает идеологическая надстройка. И то, и другое, но именно в такой иерархической последовательности, и определяет якобы все общественные и социальные структуры данного общества.

Однако научный подход, диктуемый современными достижениями науки и техники, с железной логикой привел пражских проектировщиков к схеме противоположной марксистской. Оказалось, что именно надстройка является определяющим фактором, из которого проистекает в обратной последовательности все остальное, т. е. экономика стала производной, функцией от надстроечного уровня.

Представить проект в таком виде означало обречь его на провал. Поэтому пришлось пересмотреть формулировки так, чтобы они затушевывали или скрыли это "преступное" смещение акцентов и тем сделали возможным снятие с обсуждения принципиальных марксистских возражений, ослабив таким путем сопротивление реформам.

Но были и другие причины, требовавшие осторожного обращения с формулировками. Сторонники реформ, отчетливо представляли себе силу сопротивления партийных догматиков и бюрократов, но не знали ни количества своих потенциальных друзей, ни того, до какой степени те будут готовы идти на риск. Не знали они достоверно и того, сколь опасной может оказаться реакция "старшего брата".

На обоих этих фронтах на съезде их ожидали приятные неожиданности. По мере выступлений на трибуне и разговоров в кулуарах реформаторы обнаружили, что число сторонников превосходит их ожидания. В ходе обсуждения зримо росло их количество и реформаторы стали получать поддержку — и все более и более активную — с самых непредвиденных сторон: создавшийся годами барьер скрытности, недоговоренности, молчания и взаимного недоверия был прорван*. Что же касается реакции "старшего брата", то и она оказалась не менее неожиданной.

* Аналогичный прорыв стены молчания наблюдается сейчас и в Москве.

Один участник этого съезда рассказывал, что каждое утро в начале заседаний все оборачивались назад, ожидая, что в зал войдет сановный московский товарищ и грозно скажет: "Что вы, товарищи, белены объелись? Прекратите!" "И мы, — говорил мой собеседник, — немедленно бы спрятались в кусты. Но день шел за днем, а представитель 'старшего брата' не появлялся. Так в силу этих двух обстоятельств — неожиданной поддержки наших сторонников, оказавшихся в большинстве, и отсутствия окрика из Москвы — мы поняли, что нам предоставляется шанс сыграть ва-банк: мы поставили вопрос о доверии к руководству, что привело к победе нашей фракции и к падению Новотного 5 января 1968 года".

Отсутствие окрика из Москвы — интересное и знаменательное обстоятельство, свидетельствующее о разногласиях в Политбюро* по отношению к пражским событиям, по крайней мере в их начальной стадии. Чешская реакция на происходившие во всем мире явления, вызванные НТР, была отнюдь не случайной и не проистекала из специфики местной обстановки. Обстановка в СССР, если и отличалась от чехословацкой, то скорее в худшую сторону, и поэтому размышления о том, как предотвратить дальнейшее научное, техническое и экономическое отставания СССР от передовых промышленных стран, должны были иметь место и в советской не только научно-технической, но и в партийной среде.

Конечно, вступить на путь реформ, даже при осознании их необходимости, в СССР было значительно труднее, чем в Чехословакии, где даже крупные сдвиги не могли бы потрясти основ всей системы. В разрезе всегда оставалась возможность насильственного предотвращения трагических для системы последствий реформ. Именно эта гарантия позволила известной части московского ру-

ководства отнести к пражскому эксперименту с интересом, а то и симпатией. Влияние стоящих на этой точке зрения членов Политбюро и других крупных советских деятелей оказалось достаточным, чтобы не удушить пражскую инициативу в ее зародыше. С другой стороны, в Москве несомненно считались и с тем, что реформистский курс может привести к необходимости вооруженной интервенции. Этого опасались и в Праге.

*

9 мая 1968 года в Париже на международном симпозиуме, организованном французской компартией в институте Мориса Тореза и посвященном теме "Техника и общество", я познакомился с Милованом Прухой, редактором журнала "Вопросы философии", органа чехословацкой Академии наук.

В то время реформистское движение в Праге развивалось бурными темпами. Прухе я задал вопрос: "У вас сейчас выходят на поверхность люди, которых вы в предыдущие годы жестоко преследовали. Не создается ли у вас конфликтная ситуация, которая вызовет соответствующую советскую реакцию?" Пруха подтвердил, что положение действительно тревожное. "Да, — сказал он, — мы наших врагов жестоко преследовали, но ведь и они нас, коммунистов, в свое время, когда были у власти, преследовали столь же жестоко. Но надо же когда-то разорвать порочный круг взаимного уничтожения. Надо объявить мораторий и вместе взяться за построение нового общества. Другого пути нет".

Конечно, догматики на этот мораторий явно не собирались идти и сознательно вели себя так, чтобы вынудить Москву на принятие энергичных мер.

Тревогу за будущее разделяли с чехами не только партийцы в соседних восточноевропейских социалистических странах (особенно восточные немцы), но и те советские партийные деятели, которые участвовали в отстройке и работах таких многочисленных международных организаций, как Всемирный совет мира, Всемирная федерация профсоюзов, Международный союз студентов, Международная организация труда, общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Пагуошское движение и т. п. Целью таких организаций была под-

* Проф. М. С. Вослейский указывает на следующие лица в составе советского руководства, которые относились доброжелательно к чехословацкому эксперименту: члены Политбюро А. Н. Косыгин, М. А. Сулов, маршал А. А. Гречко, а также начальник Генштаба М. В. Захаров и бывший возглавитель КГБ А. Н. Шелестин. Чешский участник событий Владимир Горский отмечает в своих воспоминаниях, что за оккупацию Чехословакии в Политбюро выступали главным образом украинцы, белорусы и балтийцы, а также Ульбрихт и Гомулка (Vladimir Horak. "Prag 1968. Systemveränderung und Systemverteidigung". Stuttgart, 1976).

держка позиций СССР в деле борьбы за мир и справедливость во всем мире. В этом были заинтересованы иностранный отдел ЦК партии, Министерство иностранных дел, Академия наук и соответствующие инстанции в странах Варшавского договора. Те, кто работали в этой сфере, понимали, какой удар по престижу СССР был нанесен кровавым подавлением венгерского восстания. Но это было при Хрущеве, который в 1962 году чуть не поставил мир на грань войны. Поэтому брежневское руководство особенно нуждалось в утверждении статуса СССР как миролюбивой державы. В среде советского руководства к этой проблеме в случае Чехословакии, вероятно, было двойственное отношение. Догматики готовы были считаться с временной потерей миролюбивой маски, полагая, что Запад даже более, чем СССР, заинтересован в поддержании мифа о советском миролюбии, и потому так же быстро и легко забудет о Чехословакии, как забыл о Венгрии. Гораздо важнее, думали должно быть догматики, чтобы в стране, в блоке и на Западе не усомнились в нашей готовности радикально пресекать все попытки "потрясения основ". В возможность и спасительность реформ догматики не верили, а на косыгинском опыте убедились — на какое сопротивление реформам способен как партийный, так и государственный аппарат. Ломать же это сопротивление это значило бы рубить сук, на котором догматики привыкли сидеть.

По-иному могли размышлять "либералы". Необходимость реформ очевидна, но начать их в СССР затруднительно и опасно, и в этом догматики правы. Поэтому безопаснее провести эксперимент на периферии, на ограниченном плацдарме, в одной из стран Восточного блока.

Болгария для этой цели не подходила, так как ее руководство слишком ортодоксально и следует слепо указаниям из Москвы. Румыния, наоборот, так и норовит выскочить из-под контроля. Венгрия и Польша опасны, так как народы там слишком темпераментны и склонны к бунтарству. Поэтому естественно, что выбор пал на Чехословакию, где народ сдержанный, не склонный к авантюрам, а интеллигенция политически грамот-

на и понимает толк в политических компромиссах.

Из сказанного отнюдь не следует, что чехословацкий эксперимент был задуман в Москве. Но все протекало так, как если бы в Праге хотя и не знали, но интуитивно ощущали возможность такого хода мысли в среде московского руководства. Ведь большинство чешских реформаторов получили образование в Москве, прекрасно владели русским^{*} языком и вращались в СССР в кругах высшей советской научной и партийной номенклатуры.

Так или иначе, весь ход событий весной и летом 1968 года характерен противостоянием этих двух подходов к реформистскому курсу как в среде чехословацкой партийной верхушки, так и в части советской. В конечном счете чаша весов склонилась в пользу догматиков в Политбюро, хотя решение о военной интервенции не было принято единодушно.

При встрече в Черне на Тисе Дубечку не удалось убедить своих советских собеседников в пользе для СССР чехословацкого эксперимента. Когда он показал советским товарищам чемоданы, наполненные огромным количеством писем от людей, приветствующих реформы и поддерживающих новое руководство, ему было сказано: "Организовывать посылку таких писем мы умеем не хуже вас". Привезенные письма не успокоили советское руководство, а скорее, наоборот, укрепили намерение прекратить "безобразие" самыми решительными мерами.

Очень интересный свет на события того времени в Праге и в Москве бросает проф. М. С. Восленский* в отрывках из своего дневника, опубликованных в сборнике "Оппозиция без надежды?"**.

Ранней весной 1968 года проф. Восленский посетил Прагу, где у него было много друзей и знакомых как в среде советского контингента, включая посла Червоненко, так

* Историк и дипломат, участник в составе советских делегаций многих международных совещаний и переговоров, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений, оставшийся на Западе в 1977 г., лишенный в связи с этим советского гражданства, автор известной книги "Номенклатура".

** "Opposition ohne Hoffnung?" под редакцией И. Пеликана и М. Вилке. Изд-во Rohwolt, Hamburg, 1979.

^{*}Про Дубечку говорили, что он хорошо говорит по-русски, плохо по-чешски и совсем плохо по-словацки.

и в среде чехословацкой номенклатуры, включая ее реформистское крыло. Поездка в Прагу профессора была вызвана событиями, последовавшими за январским переворотом. Его приезд совпал с февральской встречей Дубчека с Брежневым, не приведшей к ясным результатам. На этой встрече Дубчек не получил твердых гарантий поддержки реформистского курса, но и не натолкнулся на его категорическое осуждение.

Этого, однако, было достаточно, чтобы консерваторы, сторонники доянварского "статус кво", воспрянули духом и поняли, что их карта не окончательно бита. Политическая атмосфера в Праге стала сгущаться, появились тревожные симптомы, обеспокоившие как советских, так и восточноевропейских партийных деятелей, имевших отношение к системе мероприятий в официальной сфере советской внешней политики. Тот или иной ход событий в Праге мог самым серьезным образом отразиться на работе номенклатуры блока, работающей в этой немаловажной сфере.

Группа пражских деятелей, сплотившаяся вокруг Дубчека, сформировалась в ходе событий на базе компромисса, в рамках которого имели место разные расстановки акцентов — от осторожно эволюционных до довольно радикальных. Все участники этой группы, за малыми исключениями, были партийцы с солидным стажем, тесно связанные своей биографией с системой и ее судьбой. Они знали законы этой системы и отнюдь не стремились все поставить вверх дном. О выходе из советского блока не было и речи. Речь шла о реформах в рамках системы. Поэтому немудрено, что Восленский, сам воспитанник этой системы, не придавал большого значения идейному содержанию реформ и в своем дневнике вообще не касается этой темы. Не только ему, но и другим наблюдателям реформистская "маниловщина" казалась утопией — одним безобидной, а другим — опасной.

Восленский видел в реформах людей той же породы, как и партийцы в Москве, т. е. людей трезвых, расчетливых, не склонных идти на риск, не могущих, да и не желающих переходить границы терпимого, допускаемого московскими хозяевами, непослушания.

Опасность грозила не со стороны пражских реформистов, а со стороны московских консерваторов.

Вернувшись в Москву в конце марта, Восленский и составил свой доклад в соответствующих тонах: "Нам нужно разумное спокойствие и меры, которые не толкнули бы крайние элементы на авантюры". Эти соображения Восленский доложил Загладину, с 1967 года заместителю заведующего отделом ЦК, который передал их Пономареву, кандидату в члены Политбюро. Оба выслушали Восленского со вниманием и, во всяком случае, не высказали ни своего несогласия с тезисами профессора, ни их одобрения.

Совершенно иначе отнесся к этим мыслям Червоненко. Когда Восленский перед отъездом в Москву затронул эту тему в разговоре с послом, тот реагировал настолько отрицательно по отношению к реформистам, что профессор умолк, поняв, что Червоненко будет всеми правдами и неправдами — не брезгуя дезинформацией и подтасовкой фактов — добиваться прекращения "безобразия" любыми средствами. И это понятно. Ведь Червоненко был снят со своего посольского поста в Пекине, так как ему не удалось предотвратить разрыв Пекина с Москвой.

За свою политическую близорукость он был наказан ссылкой в захолустную Прагу и поэтому ему было естественно пуще огня бояться развития событий в опасную сторону и требовать решительных мер. Впоследствии он был награжден за свою на этот раз проявленную "дальнозоркость" почетным местом посла в Париже.

Помимо основных тезисов Восленского, интересны и его следующие соображения: реформистское движение в Праге развивалось в узком кругу высшей партийной и административной номенклатуры, народ же молчал и ждал. Антисоциалистических элементов, в отличие от Венгрии, были лишь считанные единицы. Он приводит разговор двух чехек: "Говорят они хорошо, но хорошие слова мы слышали и раньше".

Не наблюдаем ли мы нечто похожее спустя 18 лет в Москве?

Особую и значительную роль играли в Чехословакии пресса и телевидение, охотно предоставлявшие свои страницы и время даже самым смелым "вольнодумцам". И тут сходство с происходящим в СССР.

Одновременно в Москве изо дня в день росли раздражение и критика "потрясающих основ" чехов. Их, мол, надо раздавить, чтобы не создалось соблазна для советской

интеллигенции. Так, на пленуме ЦК (в июле 1968 г.) Епишев заявил: "Армия готова исполнить свой пролетарский долг!" Его высказывание было поддержано соображением, что для чешских реформаторов найдется достаточно места в Сибири. Судьба Чехословакии была решена, "пражская весна" завершилась августовской трагедией. Видные реформаторы покинули пределы страны, другие подчинились своей участи, — среди них и цитированный нами Радован Рихта*.

ПАРИЖСКИЙ КОЛЛОКВИУМ

Какие выводы можно сделать из чешского эпизода, уникального для тоталитарной системы советского образца?

Этот вопрос был поставлен перед рядом деятелей "пражской весны", оказавшихся в эмиграции, перед некоторыми социологами и политологами в странах Восточной Европы и кое-какими иностранными деятелями, сочувствовавшими чешским реформаторам. Вопрос поставлен был так:

"Что такое "социализм с человеческим лицом"? Каково взаимоотношение этой модели социализма с другими, осуществленными или осуществляемыми, моделями социализма? Можно ли считать, что эта модель позволяет наилучшим образом использовать блага и достижения научно-технической революции? Являются ли условия для осуществления этой модели социализма и где эти условия уже имеются или где они легче всего могут быть созданы? Является ли марксизм (какой?) единственным подходом для обоснования этой модели или мыслимы и другие подходы, например, солидаристический и персоналистический?"

К приглашению было приложено подробное сопроводительное письмо, короткие рефераты тех, кто на конференцию не мог приехать (Е. Лебль, В. Хорски, О. Флехтхайм, П. Уайлс и др.), выписки из трудов Пьера Леру, Жака Моно и т. п. и приветственное письмо Эрнста Блоха. Все в переводах на четыре языка.

Для обсуждения темы было предложено встретиться в Париже 25 июня 1971 года. Так как встреча не была обеспечена ни сред-

ствами, ни поддержкой каких-либо фондов, ни академических институтов, все должны были приехать на совещание и провести в Париже два дня за собственный счет. Эти условия явно ограничивали состав участников только лицами, наиболее заинтересованными проблемой выводов из пражских событий.

В ответ на приглашение было получено много благожелательных ответов, с замечаниями по теме совещания, выражением готовности и дальше участвовать в обсуждении темы, с объяснением трудностей, препятствующих приезду на совещание.

Ответы и материалы были получены не только от западных ученых (А. Веттер, Лембардо Радиче, И. Фетчер, Э. Этциони и др.) и от чехословаков, проживающих за рубежом (основная масса откликов), но и от ряда югославских профессоров, одиночные письма из Польши, Венгрии и Румынии. Из Советского Союза отклики получены не были.

К сожалению, на совещание приехали немногие, что способствовало концентрации внимания на теме о том, как пражские события могут отозваться в СССР или послужить для него моделью.

Предварившие совещание многочисленные личные встречи, обширная переписка и само совещание раскрыли многие стороны пражских событий и создали личное впечатление о них, которое и отражено в данной статье.

Не лишено интереса и то, что происходило в связи с совещанием и вокруг него.

"Та" сторона не оставила без внимания парижскую инициативу; по опустевшей в праздничные дни улице перед зданием, где происходило совещание, прогуливались парочки, пристально вглядывавшиеся в лица прохожих; в помещении совещания "по ошибке" входили незнакомые люди, а кое-каким участникам совещания перед поездкой давались "дружеские советы" — не впутываться в эту опасную затею. Это — естественно, но своеобразно реагировала и "эта" сторона. Параллельно с совещанием в Париже и на ту же тему было созвано совещание в Лондоне — с той существенной разницей, что приезды, прилеты и пребывание щедро оплачивались и все проходило под соответствующей академической вывеской. Что тоже можно считать естественным, если бы не одно обстоятельство: доклады носили

* В 1981 году Р. Рихта написал статью в сборнике "Знание" (серия философия № 4) "Преобразование мира и развитие человека", в которой знакомого нам автора не узнать: критика буржуазии и изобилие цитат из Маркса и Ленина.

информативный и сугубо ретроспективный характер, — за исключением одного, в котором тема рассматривалась и в проспективном аспекте: об использовании чехословацкого опыта в других странах в будущем. Случилось, однако, так, что именно этот, и только этот, доклад списать с пленки и размножить не удалось по той якобы причине, что над местом совещания как раз в то время пролетал самолет; и из-за шума запись на пленке оказалась неразборчивой!

Подлинными причинами казуса с магнитописью были, вероятно, другие: не только в Москве, но и в ряде других столиц мира некоторые круги опасаются резких, крутых перемен в Советском Союзе. Эти опасения как "там", так и "здесь" имеют, конечно, р а з л и ч н ы е, но в обоих случаях вполне рациональные обоснования.

Из этого следует один немаловажный вывод: любой прогноз дальнейшего хода событий в СССР должен учитывать западную реакцию на них — в противном случае увеличивается риск ошибок, и без того неизбежных при прогностических размышлениях. Но это серьезная и большая тема, выходящая за рамки данной статьи*.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ЭПОПЕЯ КАК МОДЕЛЬ

Начнем с того, что происходящее в СССР было несомненно вызвано необходимостью реформ по вполне объективным причинам, лежащим в сфере науки и техники, и теми возможностями, которые открывались достижениями научно-технической революции (НТР). Они позволяли резко повысить производительность труда, поднять уровень жизни в стране и создать современную военную технику, способную обеспечить обороноспособность СССР.

В Чехословакии этот второй аспект не играл существенной роли, так как обороноспособность Чехословакии обеспечивалась Советским Союзом. В Советском же Союзе он играл едва ли не решающую роль. Эту весьма существенную разницу нельзя упу-

скасть из виду при выводах из чехословацкого эксперимента.

Другое отличие заключается в том, что за истекшие почти два десятилетия отставание советской экономики, вызванное ущербным использованием достижений НТР, усилилось, а потенциальная продуктивность использования их увеличилась в силу прогресса как в сфере науки, так и в сфере техники. Иными словами напряженность требований, вызываемых этими объективными причинами, за истекшее двадцатилетие сильно возросла и, следовательно, необходимость реформ соответственно стала более очевидной.

Брежневский застой и его продолжительность сыграли и известную положительную роль: недостатки системы стали более выпуклыми, а в среде старшего поколения сказались одряхление, косность мысли, повышенный страх перед всем новым и стремление, чтобы все оставалось по-прежнему, чтобы можно было спокойно почивать на засохших и поблекших лаврах, с вытекающими из всего этого нерешительностью и безынициативностью. Выяснилась неспособность старой гвардии справиться с нарастающими трудностями. А одновременно выход на сцену нового поколения привел в состав партийной номенклатуры людей более образованных и более компетентных в вопросах науки и техники. Партия стала нуждаться в этих людях, а эти люди, для достижения своих целей, — в партии. Эти новые люди менее ответственны за недостатки системы, более критически к ним относятся и имеют больше данных для понимания преимуществ, предоставляемых НТР, и важности их использования. В наше время отказ от этих преимуществ равносителен дальнейшему скользянию по наклонной плоскости катастрофического снижения производительности труда, а следовательно к потере обороноспособности и экономической конкурентоспособности СССР. Заграница для этих новых людей не "terra incognita": они овладели иностранными языками, часто выезжают за границу, что способствует их освобождению от оков догмы и получению нужной информации из первых рук. Кроме того, в силу своей молодости, эти люди более смелы и энергичны.

В своем выступлении в Хабаровске (31 июля 1986 г.) Горбачев сказал:

"Не будет движения вперед, если мы будем искать ответы на новые вопросы в экономике и тех-

* Эта тема была затронута автором в статьях: "Треугольник великих держав: США, СССР и Китай", "Посев" № 11, 1981; "Коварная западня", "Посев" № 6, 1982; "Кто может снять угрозу войны?", "Посев" № 1, 1985. Нынешние события в Москве бросают новый свет на эту международную проблематику.

нике в опыте 30-х, 40-х, 50-х и даже 60-х и 70-х годов. Сейчас другое время, другие требования, другие потребности, но и возможности другие. Это надо всем нам хорошо усвоить”.

Молодежи это, естественно, легче.

Опережая возможности, во время “пражской весны” это уже понимал кое-кто даже в составе Политбюро. Косыгин пытался начать реформы и в СССР, но они натолкнулись на противодействие не только в среде товарищей его уровня, но и в значительной части всего аппарата власти. Сопротивление оказали как бы не люди, а вся система в целом. Для преодоления инерции и рутинны нужны были решительные, поистине революционные меры. В Чехословакии, очень небольшой по размерам и значению части советского блока, можно пойти на реформы без риска обвала всего содружества. Масштабы СССР и его ответственность за судьбы всего коммунистического движения и вытекающие из этого проблемы давали веский аргумент и козырь в борьбе с реформистскими намерениями Косыгина и его сторонников, что и привело к отказу от серьезного проведения предложенных им мероприятий.

С тех пор масштабы системы остались прежними, а мощь СССР, несмотря на слабости и недостатки режима, его влияние на ход международных событий, а следовательно и на судьбы мира, возросли. Это увеличило как ответственность руководителей, так и опасность слишком смелых шагов, которые и не предпринимались в течение всей брежневской эры.

Чем же объясняется тот факт, что нынешнее руководство решилось проявить инициативу и заявить о своем намерении стать на этот опасный путь?

Причины те же, что вызвали чехословацкие события. Тогдашнее советское руководство, в силу своей приверженности догме и по своему возрастному составу, не было способно понять и принять “вызов истории”. Но практика жизни за истекшее с той поры время показала пагубность этой установки, а в стране шел процесс осознания того, что дальше так жить нельзя.

В той или иной форме этот процесс шел, должно быть, во всех слоях общества, но у большинства людей сутолока и мелочи жизни, ежедневные заботы о хлебе насущном отвлекают внимание от больших и

сложных проблем. Да зачем думать о них среднему советскому гражданину, если он лишен возможности влиять на происходящее? Кроме того, для плодотворных размышлений на сложные темы у людей не хватает ни знаний, ни времени для их приобретения, ни информации. Информация, ежедневно получаемая посредством прессы, радио и телевидения, бедна правдивостью, но изобилует дезинформацией.

Конечно, недовольство порядками (вернее беспорядками) и хроническим дефицитом, возмещаемым лишь избытком алкоголя, толкали на размышления, люди говорили в узком кругу о разных проблемах и делали свои выводы, из которых главный — “плетью обуха не перешибешь”. Отсюда — или смирение перед судьбой, или выплеск раздражения в анекдотах, или отлынивание от работы, “итальянская забастовка”. Все это, конечно, создавало атмосферу, подпочву для конкретных выводов, но не сами выводы.

К этим выводам можно было приходиться и конкретно, компетентно их формулировать лишь в среде интеллигенции, в ее молодой прослойке, о которой речь шла выше, причем больше в среде научно-технической интеллигенции, нежели в гуманитарной. Эта последняя оперировала доходчивыми образами, отражала настроения масс, поднимала большие этические и эстетические проблемы, давала знать о том, что было в стране в прошлом, и подталкивала к мыслям об ином будущем, — но по своей природе не могла давать конкретных указаний. Иное дело научно-техническая интеллигенция: она оперировала убедительными аргументами, говорила языком цифр, статистических данных в тоннах и центнерах, в джоулях и киловатт-часах, в километрах и кубометрах, наконец, — в рублях.

Такого рода данными инженеры и техники могли располагать и раньше, особенно, если они владели иностранными языками — труды по прикладным наукам свободно проникали в СССР. Но дело в том, что зависимость прикладных наук от фундаментальных резко возросла за последние десятилетия, а проникновению в СССР результатов фундаментальных работ были воздвигнуты большие преграды. Их разрушение началось еще в период хрущевской оттепели, когда были сняты запреты с бур-

жуазной генетики, затем кибернетики и даже прикладной социологии. Затем этот процесс снятия барьеров и дарования индульгенции бывшим "буржуазным лженаукам" стал протекать довольно быстро, хотя далеко не достаточно для формирования такого количества работников в сфере фундаментальных наук, какое было создано в передовых промышленных странах, — но достаточно для того, чтобы в этой среде родились сомнения в правильности политики в этой области и мысли о желательности ее изменения.

Именно в этой, может быть довольно узкой, среде следует искать людей, выделяющихся по своим талантам и знаниям и имеющих авторитет как в научных кругах, так и среди какой-то части партийной номенклатуры. На стыке этих двух кругов и имело, должно быть, место совпадение разных, но дополняющих друг друга интересов идейного, карьерного и — далеко не на первом месте — материального характера. Люди, обладающие нужными данными и качествами одновременно продвигались по ступеням как научной, так и партийной иерархии. Партийцы видели в них толковых и энергичных людей, которых стоит выдвигать, так как они были для них источником знаний и информации и поставщиками аргументов в пользу защищаемой ими концепции. А выдвигаемые ими люди, в свою очередь, использовали приобретаемые ими возможности в сфере научных и профессиональных работ.

Этот процесс, однако, нельзя себе представлять в виде рационально запланированной операции и открытогоговора. Он протекал как бы стихийно по той системе взаимного осторожного прощупывания намеками и сигнализации на эзоповском языке, которая характерна для условий советского режима. Группа или слой, который образовался в результате этого процесса, конечно, не имеет формальной организационной структуры и носит скорее характер клики, скрепленной негласными отношениями, определяемыми целями и круговой порукой в их достижениях.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Как в Праге в 1968, так и в Москве в 1986 году основная сила, причина, мотивация, определившая ход обоих процессов,

имела мировой объективный, на длительный характер: использование достижений НТР, учет проистекающих из них требований остро поставил перед страной и народом гамлетовский вопрос "быть или не быть?"

Осознание необходимости реформ созрело в среде научно-технической интеллигенции и привело к размышлениям и к замыслу революционных преобразований во всех сферах общественной жизни. Поначалу формально неорганизованная группа привлекла в свой состав и идейно объединили научно-техническую элиту с той частью партийной номенклатуры, которая или сама принадлежала к этому слою, или понимала, что без его поддержки нельзя справиться с трудностями, нагромождение которых ведет к катастрофическим последствиям.

В обоих случаях этой группе удалось сломить сопротивление консерваторов и догматиков в центральном аппарате власти, занять руководящие позиции и провозгласить с высоты этих позиций свои планы революционных преобразований.

В обоих случаях для поддержки реализации этих планов была привлечена широкая общественность, для которой были открыты страницы газет и журналов, доступ на сцены театра, в студии телевидения, на трибуны съездов и т. п.

В обоих случаях для подготовки намеченных мероприятий были сделаны обычные для системы советского образца шаги — расстановка своих людей по ключевым позициям.

В обоих случаях широкие массы населения отнеслись к новому курсу с недоверием, смешанным со смутной надеждой, что, может быть, на этот раз действительно "жить станет лучше".

Консерваторы и догматики, как тогда, так и теперь, стали ковать свои планы сопротивления — и за кулисами, и используя призывы к гласности.

Это сходство и параллелизм явлений особенно ясно вскрываются при "стереоскопическом" взгляде на происходявшее ранее и происходящее ныне, то есть при сопереживании двух — разделенных как во времени, так и в пространстве — снимков, разных по размерам, но сходных по режиму стран. Благодаря этому приему изображение получается объемным, выпуклым и выявляет те свой-

ства изучаемого объекта, которые не видны на плоском моментальном снимке*.

В августе 1968 года логическая цепь чехословацких событий была насильственно прервана. Реформаторы потерпели поражение. Поэтому о дальнейшем ходе событий в СССР мы уже не можем судить на основании чехословацкой модели, "стереоскопический" метод не может быть использован для прогнозистических размышлений. Мы остаемся наедине с беспрецедентным продолжением реформаторского эксперимента.

Исход чехословацких событий ставит два вопроса:

— Какие силы в СССР или вне его могут насильственно прервать реформистский курс советского руководства?

— Что может дать для страны, народа и советской системы продолжение и углубление этого курса?

Ответ можно предоставить времени: "поживем — увидим". Этот ответ может удовлетворить сторонних и равнодушных наблюдателей. С такой рекомендацией могут смириться по необходимости и те, кто не видит или лишен возможности влиять на ход событий на том уровне, на котором это влияние может играть существенную роль, и тем более на решающем уровне. Следовательно, реальный интерес могут проявлять лишь люди или уже играющие роль на этих уровнях, или заявляющие свои претензии на нее.

Одного интереса, однако, недостаточно, — люди, о которых идет речь, должны считаться с огромным количеством фактов, изучение которых — предмет ряда научных дисциплин.

Сводя эти факты к самым существенным, можно сказать, что прервать реформистский курс или его продолжить могут как внешние, так и внутренние силы. Извне США или Китай, а тем более США совместно с Китаем, могут прервать этот курс путем вооруженного вмешательства или экономического давления. Могут ему и содействовать — притягательной силой своих успехов и убедительностью идей, которые обусловили эти успехи. В обоих этих случаях эти пути от-

* К сожалению, многие рассматривают происходящее либо через очки красные, марксистско-ленинские, либо через черные. Первые позволяют все видеть в свете "оголтелого" оптимизма, а вторые — в свете хронического скепсиса, отвергающего с порога возможность любых перемен в рамках советской системы.

крываются для них НТР — силой амбивалентной, т. е. способной быть использованной как для разрушительной, так и созидательной цели.

В СССР решающих фактора три: партия, армия и КГБ. Для достижения реформаторских целей эти три фактора, по всей видимости, пока действуют в достаточной мере согласованно. Но этот курс может быть изменен, если консерваторы вернутся к власти в партии, или если КГБ или армия, вырвавшись из-под контроля нынешнего руководства, возьмут на себя инициативу или подавят сопротивление реформаторов так, как это имело место в Праге.

Но драматического эпизода может и не быть: косыгинские реформы были обезврежены без шума, тихой сапой и общими усилиями. С другой стороны, и реформаторы могут поставить обе эти силы (армию и КГБ) себе на службу путем соответствующей расстановки своих людей.

В настоящее время все упомянутые — внешние и внутренние — факторы находятся в состоянии неустойчивого равновесия как внутри каждого из этих факторов, так и во взаимоотношениях между ними. Это открывает путь непредвидимым случайностям и усугубляет дестабилизацию в мировом масштабе и в Советском Союзе. Такое положение опасно, но его осознание имеет и свою положительную сторону — усиление импульса для устранения опасности. Политика же страуса, зарывающего голову в песок, эту опасность лишь усугубляет. Итак, будем бдительны.

*

В заключение несколько слов о футурологии, которая помогает разобраться в океане фактов и тенденций без претензий предвидеть будущее. Эта научная дисциплина рассматривает панораму возможных будущих, конструирует различные варианты и оценивает вероятность их реализации. По существу, эта наука служит настоящим, помогая делать разумные шаги, которые увеличивают вероятность желательного варианта и уменьшают вероятность нежелательного.

Разрабатывая свою методологию, футурология не становится дисциплиной полностью самостоятельной, так как она принуждена

использовать данные, исследуемые и получаемые многими другими дисциплинами, о части которых упоминают и чехословацкие реформаторы.

Многие из этих наук родились на Западе и были приняты в штучки у нас на родине по той причине, что марксизм велит изучать лишь о д н о будущее, потому что оно якобы "н е з б е ж н о". Чехословацкие реформаторы нарушили это табу и в этом их огромная заслуга. Сейчас это табу преодолевается и в СССР. Не дадим себя обмануть терминами. В СССР футурология по-прежнему считается буржуазной "лженаукой", но фигурирует под разными псевдонимами: прогностики, системного анализа и т. п. Но этим только стыдливо прикрывается иное, противное марксизму мировоззрение свободного человека, готового ограничить свою свободу лишь служением свободно избранному высшим ценностям.

Именно это свободное служение создало духовные, интеллектуальные и научные ценности, из которых произтекли те практические достижения НТР, которые советское руководство собирается пересадить на социалистическую почву.

К сожалению, эта почва малопригодна для взращивания дающих ценные плоды растений. Ныне из-за границы импортируются лишь их плоды. Ограничиться этим импортом значит по-прежнему плестись в хвосте прогресса, без надежды не только перегнать, но и догнать передовые промышленные страны. Ценные растения надо выращивать у себя дома, для чего нужно перепахать всю почву, привлечь к делу опытных садовников. Не прежде всего — снять в с е догматические преграды для их деятельности в духовной сфере, иными словами, надо создать мировоззренческую атмосферу, резко отличную от той, которая доминировала в нашей стране долгие десятилетия.

В Чехословакии был сделан значительный шаг в этом направлении, но чехи остановились у границы, которую не решились перешагнуть. Эту границу надо перейти, так как без этого не будет создан климат, необходимый для осуществления революционного преобразования всего общества.

Очевидно, дальше идти прежним курсом нельзя, так как он ведет к катастрофе. Если бы нынешнее руководство оказалось способным — не на словах, а на деле — пойти на смену основополагающих мировоззренче-

ских позиций, оно получило бы поддержку среди всех слоев населения. Если нет, то на смену нынешним руководителям придут люди иной духовной и интеллектуальной породы. Их можно уже разглядеть в недрах советского общества.

Юлий Цезарь, решившись на переход через Рубикон, сказал "жребий брошен". И поступить иначе не мог, так как знал мудрую римскую поговорку: "Покорного ей, судьба ведет, непокорного — волочит" (*Volentem fata ducunt, nolentem trahunt.*)

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

№ 142

Главный редактор: Е. А. Брейтбарт-Самсонова

Проза и поэзия

Александр АНТОНОВИЧ. Отпуск. *Повесть*
Елена ШВАРЦ. Фрагменты из поэмы
Игнатий ШЕНФЕЛЬД. Бармалей. *Рассказ*

Памяти Леонида Ржевского

Екатерина БРЕЙТБАРТ. Радость творческого слова
Леонид РЖЕВСКИЙ. Мотив жалости в поэтике Достоевского

Дневники. Воспоминания. Документы

Николай ЛИХАЧЕВ. Записки о войне

Публицистика

Андрей САМОХИН. Амурская война

Библиография

Михаил НАЗАРОВ. Борьба со злом — зная его природу
Юрий ШТЕЙН. Плоды коллективной мысли

Коротко о книгах

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. Мировоззрение Тютчева
Н. А. Толковая Псалтырь Евфимия Зигабена

Грязный колодец

Ниже мы публикуем отрывки из выступления 1-го секретаря Московского горкома КПСС Б. Н. Ельцина перед пропагандистами Москвы. Во время встречи, состоявшейся 11 апреля 1986 г., Ельцин ответил на четыре сотни вопросов. Эти вопросы и ответы на них дают яркое представление о положении дел в Москве.

Материалы встречи в советской печати опубликованы не были. Краткая, выборочная запись вопросов и ответов, сделанная кем-то из присутствующих, попала за границу по каналам Самиздата. Стенографически сокращенные слова восстановлены редакторами „Архива Самиздата“ радио „Свобода“, перепечатка АС здесь использована. Прокомментировать отдельные места из выступления и ответов Ельцина мы попросили члена редколлегии „Посева“ А. М. Югова.

*„Черпаем, черпаем, а дня в этом
грязном колодеце пока не видно“*

Население столицы в настоящее время = 8,7 млн. чел. (по плану — 7,6 к 1990 г.). Нуждаются в жилье 2,5 млн. чел. Около 1,0 млн. — в коммунальных квартирах. 28 тыс. живут в ветхих жилищах, которые подлежат немедленному сносу. Подходят сроки сноса „лагутенковских“ домов. Что, вы с этим не согласны? Вы называете их по-другому? Ну что ж, если вам так больше нравится, называйте их так¹. Я имею в виду дома с кухнями 3,5 м. Сейчас у нас в стране много полных женщин. Если такая женщина заходит в кухню, то муж уже не уместается.

К 1993 г. сроки предоставления жилья в исполкомах — 2 года, по месту работы — 1 год.

Исторический облик Москвы изуродован. С 1935 г.² уничтожено 2200 крупных архитектурных памятников. Многие находятся в плачевном состоянии, используются не по назначению. Церковь, в которой венчался Пушкин³, превращена в контору, находящуюся в ведении Минэнерго. Позавчера я ездил туда с министром Майорцем⁴, он наконец дал согласие перевести контору в другое место.

Острейшая проблема — транспорт. В городе не построено 60 км линий метро. Изношен подвижной состав. В 1985 г. — 2000 различных аварий. В 1985 г. метро стало впервые убыточным. В результате прекратились отчисления на социальные, культурные, бытовые цели.

1. В. П. Лагутенко — главный инженер треста „Мосгорпроект“, руководитель работ по разработке и строительству каркаснопанельных домов с малогабаритными квартирами. За осуществление индустриальных методов строительства таких домов в 1950 г. получил Сталинскую премию. Однако в народе такие дома прозвали „хрущобами“, так как они особенно интенсивно возводились во времена Хрущева.

2. В июле 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) утвердили Генеральный план реконструкции Москвы.

3. Бывшая церковь Большого Воскресения, близ Никитских ворот (ул. Герцена 36).

4. А. И. Майорев (1929 г. р.), стал министром энергетики и электрификации СССР в марте 1985 г. Малый министерский стаж спас его от увольнения после Чернобыльской катастрофы (см. постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 июля 1986 г.).

За решение различных проблем мы ввели в горкоме персональную ответственность. За транспортную проблему отвечает т. Королев⁵. Мы все будем ему помогать, а вы, т. Королев, будете отвечать. Не хватает 5 тыс. водителей, а 200 тыс. — шатающихся⁶.

Мне передали записку: „Говорят, Ельцин ездит на метро. Но мы его там не видели. Он поднимает проблему транспорта. Откуда такие впечатления — неужели из окна?“ Что могу сказать? Я вас тоже не видел. Очевидно, потому, что в Москве слишком много народа, да и я еще „молодой“ москвич, не все еще знают меня в лицо.

Я поставил себе за правило хотя бы раз в неделю бывать в магазинах. К сожалению, меня начинают здесь узнавать. Каким-то образом узнают о моих „маршрутах“. Наводят марафет, встречают в белых халатах, вытаскивают из-под прилавков „дефицит“. Тут что-то надо предпринимать. Показуха мне не нужна.

В любое время, даже поздно вечером, в магазинах толпа. Фонды надо выделять не только на 9 млн. москвичей, но и на 2—3 млн. гостей столицы.

Прежнее руководство Моссовета запрещало строить в городе лотки под предлогом, что они портят внешний вид города. Такая логика — лучше ходить голодным, но не портить внешнего вида. А почему обязательно портить внешний вид? Разве нельзя для летней торговли настроить красивых и изящных лотков?

Очень трудно в Москве с безалкогольными напитками. Производство „бормотухи“ мы прекратили, но продолжаем выпускать в большом количестве крепленые вина. Поскольку в Москве продавать их запрещено, мы сплавляем Московскую область. Надо сокращать производство алкогольных напитков, продолжать сокращать количество точек, торгую-

5. О. А. Королев (1935 г. р.), избран секретарем МГК КПСС в январе 1986 г. До этого был генеральным директором Московского станкостроительного производственного объединения „Красный пролетарий“.

6. „Шатающимися“ Ельцин называет тех москвичей, кто не числится в данный момент на постоянной работе. „Борьба с тунеядцами“ в Москве, как и по всей стране, сейчас „поднята на новую высоту“. Как сообщает Ельцин далее, „органы милиции будут слушать план по тунеядцам“.

щих ими. В 1 квартале с. г. продажа алкогольных напитков сократилась на 30%. Вместе с тем в последнее время на улицах Москвы вновь начали появляться пьяные. Это свидетельствует о том, что мы несколько успокоились и ослабили борьбу со злом, решили, что оно уже побеждено. Между тем борьба с пьянством еще в самом начале, и успокаиваться рано. Пьянство загнано с улиц в квартиры. Не случайно возросло число квартирных преступлений. В этих условиях лозунг „Превратим Москву в образцовый коммунистический город“ звучит издевательски. Критерии образцовости, коммунистичности надо пересматривать.

Я побывал на многих московских рынках. Нигде таких цен, как на рынках Москвы, я не видел. Жалкий пучок петрушки стоит 50 коп., а то и рубль. Килограмм мяса — 8 руб. Но ограничивать цены нельзя, поскольку этот метод уже применялся и не дал результатов. Торговцы просто переключиваются в другие города и области. На рынок надо давить торговлей. У каждого рынка нужно строить кооперативный магазин. Если в этих магазинах колбаса будет продаваться по 8 рублей — неважно. У меня есть список людей, которые могут заплатить и большую цену. Зато они будут покупать колбасу, которая будет пахнуть мясом.

У нас слишком далеко зашел консерватизм. Городские власти занимались показухой: мы сами с усами, у нас все хорошо, мы лучшие в мире, не надо оглядывать московские проблемы. Кто так продолжает думать, должен освободить место и уйти.

Моссовет у нас превратился в эталон бюрократизма. Там сейчас идет большая смена людей. Идет сокращение аппарата. МГК подает в этом пример: например, количество секретарей сократилось с 7 до 6.

Кстати, со всеми столицами союзная Москва породнена. Между прочим, она породнена со столицами еще 64 стран. Поэтому Промыслову⁷ некогда было работать. Он только разъезжал и подписывал протоколы. Это нравилось и другим товарищам, особенно после указа о борьбе с алкоголизмом. Ведь на эти столицы указ не распространяется.

Мне поднесли еще 300 ваших вопросов. Давайте объявим перерыв минут на 20, вы попытаете водички, а я посмотрю вопросы.

1. Почему Москва не отказалась от присужденного ей Красного знамени?

При всех перекосах в работе городской партийной организации нельзя сбрасывать со счета того, что сделано трудовыми коллективами. От Красного знамени нельзя было отказываться, т. к. нельзя называть тех, кто хорошо работал.

7. В. Ф. Промыслов (1908 г. р.) в должности председателя Моссовета работал 23 года (1963—1986 гг.). Был замешан в квартирных злоупотреблениях.

2. Вопрос о принципах подбора кадров. Подчеркивают, что у нас непропорционально много функционеров, не имеющих производственного опыта.

Правильная постановка вопроса, будем поправлять.

3. Почему городская партийная организация избрала на съезд людей, не оправдавших доверия?

Мне трудно отвечать на этот вопрос, поскольку записка дважды анонимная: товарищ, написавший ее, не только не пожелал указать свое имя, но и не назвал имен людей, которых считает недостойными. Я хотел бы подчеркнуть, что 90% записок — анонимные. И это пропагандисты! Ведь мы же договорились разговаривать честно. Сегодня я буду отвечать на анонимные записки, но пусть это будет в последний раз.

4. Дефицитные товары расхвывают приезжие. Не поможет ли?

Мы не можем, как 800 лет назад, огородить Москву забором. Никакие ограничения не спасут. Столица есть столица. Некоторым выпадает счастье приехать сюда один раз в жизни. Повторяю, надо исходить из того, что нас не 9, а 11—12 миллионов. Кроме того, продажу дефицитных товаров надо шире организовать на предприятиях.

Вы знаете, у многих министерств имеются УРСы⁸. Недавно одно из министерств мы схватили за руку: из фондов, выделенных Москве, выбирались десятки тонн апельсинов и других продуктов и отправлялись в Норильск, Новосибирск. Сейчас все эти артерии перерезаны.

10. Говорят, что москвичи „завелись“.

Это мнение широко распространено в провинции. Я сам, живя в Свердловске, думал именно так. Однако оказывается, что москвичи живут хуже, чем на периферии. Смотрите:

- капвложения: 1965 г. — 5 место в стране
1975 г. — 12 место
1985 г. — 44 место
- ввод жилья: 1975 г. — 2 место в стране
1985 г. — 58 место
- обеспеченность дошкольными учреждениями: 33 место в стране
- рождаемость: 65 место (средняя по стране 19,6, в Москве — 13,6 на 1000)
- средняя продолжительность жизни в Москве: 1983 г. — 70 лет
1985 г. — 68 лет.

8. Управление рабочего снабжения. Возникли в годы войны. В восьмидесятые годы УРСы опять получили распространение на многих крупных предприятиях страны.

12. О „лимитчиках“.

Они наносят и нанесли большой социальный ущерб городу. Растет число уголовных преступлений, совершенных этой категорией лиц. Возникают другие ненормальности. Ежегодно завозили 70-80 тысяч „лимитчиков“⁹. В этом, переходном, году мы завезем 20 тысяч, а в 1987 г. — ноль. Надо не ввозить новых людей, а заставлять работать москвичей. Органам милиции будет спущен план по тунеедцам.

13. С какими трудностями столкнулись, став первым секретарем?

Главная трудность — незнание кадров и отсутствие кадрового резерва. Вторая трудность — люди привыкли работать в спокойном ритме. А этого мы сейчас позволить не можем.

14. Во время работы секретарем ЦК Вы немало ездили по стране. Как в сравнении Вы оцениваете уровень московской промышленности?

В Москве технический уровень предприятий значительно ниже, чем в целом по стране. Я побывал, в частности, на заводе „Динамо“. Это просто поразительно — до чего довели это известное, когда-то передовое предприятие.

18. О социальной сфере.

За 3 месяца побывал на 29 промышленных предприятиях. Только два директора уделяют внимание социальной сфере. В одном из КБ¹⁰ — четыре иерархических столовых, каждая из которых на полшага выше. Что касается директорской столовой, в которую ходит он сам и горстка избранных, то здесь есть все — даже голубой унитаз. Оторвались некоторые руководители от народа. С этим надо воевать.

25. Что произошло в московском такси (таксопарке) 31 марта?

В последний день квартала происходит смена талонов на бензин. С вечера у бензоколонок выстроились километровые очереди. Большое количество такси подъехало к Моссовету, устроило „перезвон“. Там им разъяснили, что в Москве есть и более высокие организации. Тогда они направились в МГК. Здесь с ними была проведена разъяснительная работа. Приняты меры для предотвращения подобных безобразий. Во всех таксопарках проведены собрания. А вообще, таксисты — народ особый, и секретаря

9. Люди, которым по „лимиту“ разрешают проживать в городах с ограниченной пропиской. С помощью „лимитчиков“ власти вербуют рабочую силу на стройки, для тяжелых и вредных рабочих профессий. Проживают „лимитчики“ главным образом в рабочих общежитиях.

10. Конструкторское бюро.

ри райкомов должны бывать в таксопарках каждый месяц.

41. О НИИ и КБ.

Определены 39 НИИ, ничего не делающих уже годы. 15 из них будут сняты с финансирования и закрыты. 30 тыс. научных работников, не прошедших аттестацию, будут направлены на производство. Уровень научных работников и преподавателей снизился. Серость плодит серость.

49. В Москве много квартирных краж.

Это действительно так. Органы милиции до сих пор работают плохо. Первые секретари райкомов должны больше внимания уделять работе с милицией.

55. В Москве широко развита наркомания.

Мы об этом говорим открыто. Уже зарегистрировано 3600 наркоманов. Добровольно регистрироваться они не идут. Возникает вопрос: а сколько наркоманов мы пока не выявили?

64. Что случилось в Перовском райкоме?

Пока могу только сообщить, что налицо злоупотребление, ведется следствие.

77. О 2-м секретаре Октябрьского РК Данилове.

Он снят с работы и получил партийное взыскание. Квартиру в многоквартирном доме он отгрохал себе барскую, с персональным камином и персональной дымовой трубой, пронизавшей весь дом. Таким князьям не место в партии! На партработе должны работать кристально честные лица.

96. Группа вопросов о работе с молодежью.

У молодежи заметно стремление к незаработанному, незаслуженному развлечению (кайфу). Это ведь позор, что у комсомольских работников надо заранее записываться на прием.

156. Какие привилегии отменены для работников МГК? Что уже успели отменить?

Думаю, что вопрос поставлен неправильно. Почему только отменить? Кое-что добавили. Прибавили работы, прибавили количество заседаний бюро. Теперь работники МГК трудятся не с 9 до 18, а до 21–22 часов, а иногда и до 12 ч.

Что касается отмены, то для начала закрыли промтоварный магазин. Думаю, что это полезно — работники МГК будут острее чувствовать недостатки.

179. Сколько исключено из партии между XXVI и XXVII съездами?

По стране — 70-90 тыс., в Москве — 20 тыс.

206. Как Вы отнеситесь к статье „Очищение” в газете „Правда”¹¹?

Считаю, что в статье имеется правильная посылка, но вывод совершенно неправильный, с которым невозможно согласиться. Этот вывод заключается в том, что партия якобы оторвалась от народа.

217. Об изменениях в аппарате МГК.

Были люди, которые, например, прирабатывали: в рабочее время читали платные лекции. ... Многие товарищи переведены на другую работу, имеются кандидаты. Хочу особо подчеркнуть, что партработнику, руководителю должны быть свойственны честность, чистота, компетентность, принципиальность, способность к самопожертвованию, скромность.

256. Группа вопросов о работе Моссовета.

Напоминаю, что Промыслов был снят на другой день после Гришина¹², хотя и просил дать ему возможность поработать хотя бы пяток лет. Тов. Сайкин¹³ активно входит в курс дела. Это человек компетентный, и главное — он ни с кем и ни с чем не завязан. Нам нужно убирать инертный слой приспособленцев, бороться со злоупотреблениями. Жены многих руководящих работников разъезжают на черных „Волгах”. Обычно такая машина приезжает утром для того, чтобы отвезти в школу ребенка, затем везет на работу папу, потом приезжает за женой. С этим надо кончать. Мы ведем соответствующие наблюдения. Раньше работники МГК на подобные мероприятия приезжали каждый на своей машине. Сейчас такие порядки отменены. Видите, секретари горкома улыбаются, они сегодня приехали сюда на одной машине. Тактика у нас такая: наблюдения — беседа — оргвыводы.

265. Много записок с просьбами принять для себя.

Конечно, всех принять я не в силах. Ну вот одна из таких записок: доктор философских наук т. Киященко (Институт философии АН СССР) пишет, что

11. Статья Т. Самолис „Очищение. Откровенный разговор” была опубликована в „Правде” 13 февраля 1986 г.

12. В. В. Гришин (1914 г. р.) в течение 18 лет был первым секретарем Московского горкома КПСС. Член Политбюро с 1965 г.

13. В. Т. Сайкин (1937 г. р.) сменил Промыслова в должности председателя Моссовета. До этого работал генеральным директором Московского автомобильного завода им. Лихачева.

у них в институте много безобразий и что он хотел бы рассказать мне об этом. Со временем трудно, но я готов принять вас, т. Киященко. Приходите ко мне 12 мая в 14 часов.

268. Спрашивают, принимаю ли я простых людей.

Да, принимаю. Вот несколько дней тому назад принимал молодую женщину, продавца, мать двоих детей. Мы с ней проговорили 2 часа. И она подробно раскрыла мне систему поборов, существующих в торговле. За последние месяцы в Москве арестовано 800 чел. руководителей торговли. Черпаем, черпаем, а дна в этом грязном колоде пока не видно. Но надо до конца вычерпать эту грязь. Мы стараемся разорвать преступные связи, изолировать руководителей, на их место посадить честных и преданных партии людей, а затем постепенно идти вглубь. Работа предстоит трудная и долгая, но мы твердо намерены вычерпать эту грязь до дна.

277. Получаю, например, такие письма: „Еще Хрущев пытался всех нас одеть в телогрейки, ничего у него не вышло, не выйдет и у тебя. Воровали и будем воровать”.

Товарищи, разорвать это кольцо мы можем только общими усилиями.

280. Чем увлекаетесь в свободное время?

Честно говоря, такого времени у меня почти нет. В основном в свободное время читаю. В театр хожу редко, главным образом по служебной необходимости. Из кинофильмов вспомнил „Демидовы”, „Сладкая женщина”.

281. Интересуются моим режимом дня.

Работаю с 6 утра до 12 ночи. Сплю 4 часа. С 5 до 7 утра — работа над собой.

283. Какие качества цените и какие ненавидите?

Выше всего ценю честность, принципиальность и характер. И соответственно ненавижу нечестность и подхалимство. Вспомнил случай с одним руководителем, который, отчитываясь в МГК, слишком бойко говорил о показателях. Вкралось сомнение. Проверили. Реальные показатели оказались значительно ниже. Теперь этому товарищу еще долго предстоит восстанавливать свою репутацию.

286. Мне напоминают, что через 3 года мне придется отчитываться и отвечать за те авансы, которые я надавал.

Я к этому готовлюсь и намерен эти годы полностью отдать борьбе.

291. *Есть и такая записка: „Планы у тебя наполеоновские, куда ты алел? Просто Горбачеву понадобился свой человек, убирайся к себе в Свердловск, пока не поздно“ (из зала крики „позор“).*

Успокойтесь, товарищи; я думаю, что этот вопрос не из этого зала, а затесалась записка, полученная ранее. Писал ее, видимо, больной человек.

292. *Меня спрашивают, где я покупаю ботинки.*

Могу по секрету сообщить, что приоделся я не в Москве, а в Свердловске. Ношу ботинки производства фирмы „Урал-обувь“ стоимостью 23 рубля. Рекомендую, очень прочные, хватает на пятилетку.

295. *Выражают беспокойство, надолго ли хватит мне сил при таком жестком графике.*

Могу товарищей успокоить. Здоровье у меня крепкое, пока не жалуясь. Если начнет сдавать, увеличу отдых на пару часов. Но сейчас надо работать не жалея сил, иначе мы перелома не добьемся.

Еще записка: „Надеемся, что через год Вы по-большевистски расскажете, что Вам не удалось сделать“.

Хорошо, договорились — через год расскажу.

297. *На съезде Вы предлагали провести реорганизацию структуры ЦК. Что сделано?*

На сегодняшний день ликвидированы отделы внешнеполитической пропаганды, сельхозмашиностроения. Предстоит дальнейшая работа.

299. *Товарищи интересуются, почему на съезде ничего не было сказано о членах Политбюро, скомпрометировавших себя, в частности называется фамилия Рашидова¹⁴. Спрашивают, где работают бывшие члены Политбюро.*

Что касается Рашидова, то о нем на съезде говорилось, в частности, в речи председателя Совмина Узбекистана. Но „узбекское дело“ не закрыто, следствие продолжается. Когда оно будет завершено, будет сказано все.

Бывшие члены Политбюро тт. Тихонов, Романов — на пенсии, т. Гришин работает референтом в Президиуме ВС СССР.

300. *В записках спрашивают, почему не наказан Гришин?*

Могу ответить, что каких-либо злоупотреблений, допущенных Гришиным, не обнаружено и судить его не за что. Что касается промахов в работе, то они критиковались и в Политбюро, и на городской конференции. Именно за перекося и ошибки в работе он и был выведен из состава Политбюро.

НТС

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, развивавшаяся в названии организации — построение свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. НТС борется за устранение существующего режима. Сегодня НТС считает необходимым проведение в нашей стране следующих перемен:

- отказ от насаждения во всем мире „братских“ режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы; сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;

- обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;

- поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на ненужные нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономику принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;

- восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальных культур всех народов нашей страны; обеспечение свободы религии;

- создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

В СССР группы НТС действуют подпольно: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свои силы. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самопринимом. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу:

Postbus 902, N.L.—Rotterdam, Nederland (Голландия)

14. Ш. Р. Рашидов (1917—1983) — 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана с марта 1959 г. до своей смерти. Через 2 года после смерти подвергся обвинениям на XXI съезде Узбекистана. В мае 1986 г. ЦК КПСС и СМ СССР отменили свое постановление „Об увековечении памяти Ш. Р. Рашидова“.

Откуда берется грязь?

Александр ЮГОВ

Кто он, новый партийный вождь Москвы?

На партийных верхах фигура Ельцина (1931 г. р.) появилась как-то внезапно. Инженер-строитель, он сравнительно поздн, в 37 лет, перешел на партийную работу. Однако уже через 8 лет, в 1976 г., стал первым секретарем Свердловского обкома. Предыдущий „хозяин“ области, Рябов, пошел на повышение — секретарем ЦК КПСС (сейчас — посол во Франции). Свердловская область с ее гигантскими заводами тяжелой промышленности издавна считается ведущей не только Урала, но и всей РСФСР. Ее первые секретари часто шли в Москву на повышение (Кириленко, Рябов, Ельцин). Нынешний премьер Рыжков — тоже многолетний директор „Уралмаша“.

В 1985 г. по проторенной дорожке перешел в секретари ЦК и Ельцин. Помимо традиции, он, вероятно, еще и подходил Горбачеву по стилю: не замешан в коррупции, чрезвычайно работоспособен, не чурается встреч с „рядовыми трудящимися“. Рассказывают, что Ельцин даже рисковал, выступая по свердловскому телевидению, отвечать на трудные вопросы, например, „почему нет мяса в магазинах города?“.

Уже в декабре 1985 г. Ельцин становится первым секретарем наиболее крупной в стране московской парторганизации, сменив на этом посту Гришина. Перевыборы прошли туго, понадобилось энергичное вмешательство самого Горбачева. Сплоченные вокруг Гришина партаппаратчики не без основания боялись „новой метлы“.

На XXVII съезде КПСС Ельцин выступает уже в качестве первого секретаря Московского горкома и кандидата в члены Политбюро. Его речь была, без сомнения, наиболее острой. Ельцин ставит вопросы, на которые вред ли кто из присутствующих взялся бы отвечать:

„Почему из съезда в съезд мы поднимаем ряд одних и тех же проблем?.. Почему за столько лет нам не удается вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных

перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийным билетом?“

Действительно, почему?

Несмотря на свою „авангардную“ речь, Ельцин не стал полным членом Политбюро, в отличие от секретаря ЦК Зайкова, на съезде молчавшего. А ведь первый секретарь МГК, казалось бы, „по протоколу“ должен таковым быть. Может быть, именно речь на съезде тому причиной? Слишком „резко берет“ товарищ Ельцин?

Сразу же после Чернобыльской катастрофы Ельцин едет на съезд КПГ в Гамбург. Здесь он как бы проходит проверку на „новую гласность“. Ельцин был единственным, кто сообщил западной прессе уровень максимальной радиации — 200 рентген/час, первым назвал число эвакуированных из пораженной зоны — 49 тысяч человек.

Ельцин — безусловно, наиболее радикальный и последовательный сторонник горбачевской перестройки. Сегодня он, пожалуй, самый откровенный участник кремлевской команды, ее, так сказать, правый крайний.

Гласность по секрету

Публикуемая „самиздатская“ стенограмма (и поэтому, разумеется, неполная) выступления Ельцина перед пропагандистами Москвы — документ необычный. Откровенно называются многие факты и цифры, „порочащие советский государственный и общественный строй“. Если быть логичным, то надо или посадить Ельцина, или освободить из тюрьмы и лагерей всех тех, кого посадили по 70-й статье УК РСФСР. Но логикой советская власть никогда не страдала.

Нет логики и в нынешней „горбачевской гласности“. Если партийные вожди действительно не хотят, чтобы люди узнавали новости и факты из передач Би-Би-Си и других „голосов“, то можно ведь поступить просто: полностью опубликовать в газетах ельцинское выступление, вопросы и ответы транслировать по телевидению. Почему нужен допотопный метод оповещения жителей устными глашатаями, то бишь пропагандистами?

Это ведь и дорого, и неэффективно. Почему правду должны знать только москвичи и только в парторганизациях? А гражданам без „красной книжечки” знать ее не положено? Не доросли? Опять, значит, все та же открытая гласность с помощью закрытых писем...

Выступление Ельцина хорошо отражает нынешнюю противоречивость „горбачевской гласности”. Вождю упоминать о том или ином порочном явлении советской жизни можно, но глубоко анализировать причины этого явления уже нельзя. В газетах много „детективных историй” о всевозможных жульничествах и служебных злоупотреблениях, оканчивающихся судом. Но в них нет разностороннего, дискуссионного анализа: в чем предпосылки и причины столь широкой, буквально массовой коррупции? Только после признания Ельцина в газетах стали появляться, причем в очень скромной дозировке, статьи о растущей наркомании. В признаниях плохой работы милиции Ельцин остается в одиночестве: следовать ему на этом опасном пути средства массовой информации не имеют права. И так буквально по всем острым проблемам.

Настоящей гласности в стране по-прежнему нет. Гласность не должна быть привилегией вождя. Только в бесстрашном публичном обсуждении всех аспектов проблемы высказывается социальная истина и пути следования к ней. Здесь не должно быть никаких табу и запретных зон. Полные гарантии безопасности должен иметь любой гражданин, а не только партийный функционер высокого ранга.

Будь выступление и ответы Ельцина опубликованы, они неминуемо вызвали бы оживленнейшее обсуждение во всех слоях советского общества. В ответах Ельцина есть дыхание жизненной правды — в отличие от гладких, обкатанных, идеологически выверенных выступлений партфункционеров. Но при свободном обсуждении что осталось бы от утверждений, выводов и целепостановок Ельцина?

Живут ли москвичи хуже, чем на периферии?

Подобранной статистикой Ельцин хочет показать, что Москва перестала быть привилегированным городом страны Советов. Почему он это делает, понятно: тем тяжелее, значит, „навести порядок” в столице. Откро-

венные цифры, обычно не публикуемые, здесь работают на него. Уровень отсчета, с которым потом будут сравнивать „ельцинские достижения”, должен выглядеть как можно ниже.

Ельцин вряд ли сгущает краски, когда говорит, например, о жилищной проблеме в Москве. Вероятно, реальная ситуация еще мрачнее. Но с чем и как эта ситуация сравнивается? Откуда известен процент нуждающихся в жилье, где опубликованы цифры живущих в коммунальных квартирах или ветхих жилищах в других городах страны? Ельцин приоткрыл своим слушателям непопулярную статистику по Москве. Но для выводов нужно иметь сравнимые данные по всем городам страны. А таких данных нет.

Вопрос этот к тому же нужно рассматривать комплексно. Наверняка есть целевые новостройки, где удельные капиталовложения или ввод жилья на 1000 человек выше, чем в Москве. Но какова там общая инфраструктура обслуживания населения? Каково там снабжение продовольственными и потребительскими товарами? Наверняка есть города, лучше обеспеченные дошкольными учреждениями, чем Москва. Но каковы в них перспективы для подростков и юношества в научной, культурной, спортивной сферах? Разве можно даже сравнивать эти возможности? Наверняка в тихих провинциальных городах выше рождаемость или средняя продолжительность жизни. Но это почему-то не останавливает стремления людей (если у них есть хоть какая-то возможность) переехать в Москву.

А вот обратного стремления нет и в помине. Поэтому никаких шансов не имеют попытки Ельцина убедить пропагандистов (а через них — рядовых жителей) в том, что жить в Москве не лучше, чем в других городах. Можно не сомневаться, что москвичи по-прежнему будут цепляться за свои квартиры, а если уж им приходится решаться на междугородный обмен, то получать за них гораздо большие и лучшие квартиры в любом провинциальном городе. Можно не сомневаться, что москвичи по-прежнему будут в массе своей предпочитать оставаться в Москве на менее интересной и хуже оплачиваемой работе, но не терять при этом московскую прописку.

И в этом разница с другими странами. Житель Нью-Йорка или Парижа гораздо легче расстанется со своим городом, если ему га-

рантируют лучшие материальные и творческие условия работы в провинции. Именно этим будет определяться жизненный стандарт его семьи. Здесь провинция предлагает человеку практически тот же уровень потребления, что и столица, какой бы области это ни касалось.

Москва — столица сугубо иерархического государства. Привилегии в этом государстве строго распределены не только в зависимости от должности, но и географически. Они искусственно охраняются постановлениями и запретами. Они многообразны и постоянны и, конечно, никаким одним компонентом, будь то больший заработок или лучшее жилье, не компенсируются.

Забором огородить нельзя

Одна из важнейших географических привилегий в Советском Союзе — нормы продовольственного снабжения. Жителям нормальных стран, где рыночное предложение выравнивает как цены, так и продовольственный ассортимент, трудно даже себе представить, какое огромное место в жизни советского человека занимает проблема — к какому поясу, к какой категории снабжения относится его город. Перейти в высшую категорию снабжения — огромная удача. Чтобы добиться такой удачи, „хозяева“ города области не жалеют ни сил, ни средств. Дело тут ведь не только в престиже и в признательности благодарных сограждан. В городе „повышенного снабжения“ и руководить много легче.

Помимо „естественной“ иерархичности, категории обеспечения продовольствием и промтоварами имеют и целевое назначение. Разумеется, столицы республик снабжаются лучше, чем остальные города и поселки, областные центры — лучше, чем районные и т. д. Отцы-распределители, понятное дело, предпочитают ближних дальним. Но иногда и дальним что-то перепадает. Стратегически важны новостройки, места, где нужно как-то компенсировать суровый климат и особо тяжелые условия работы. По повышенной категории снабжаются, естественно, и центры иностранного туризма. Оттого, кстати, так медленно открываются для иностранцев новые города и районы страны, даже те, где нет абсолютно ничего „секретного“.

Москва — по всем параметрам город привилегированного снабжения; в принципе —

самого лучшего. Беда ее только в чересчур быстром росте и в центральном положении. Миллионы жителей Средней России сейчас подкармливаются „через Москву“. Ельцин считает, что исходить надо из того, что покупателей московского дефицита фактически на 3 млн. больше, чем жителей столицы. Учитывая, что каждый покупатель из провинции — по возможности, „оптовик“, в этих цифрах наверняка нет преувеличения.

Москвичи все больше негодуют по адресу „этой саранчи“ из провинции. Вот уже и к Ельцину обращаются с просьбой помочь. А что он может сделать? Забором, действительно, Москву не огородит.

Хотя вообще-то огородить пытаются. На железнодорожных вокзалах порой ловят и штрафуют „мешочников“*. На автоподступах к Москве дежурят патрули ГАИ. Если какой-либо водитель без законного путевого листа сворачивает с объездного кольца к московским торговым точкам, то он рискует серьезным административным взысканием. Особенно оштрафовываются на заставах, когда в Москве проходит какой-нибудь международный слет или спортивный праздник. Тогда на оборону Москвы бросают тысячи милиционеров и дружинников. Забор не забор, но такая „активная оборона“, в будни и праздники, тоже обходится стране в изрядную копейку.

Но перерезать артерии — можно

Конечно, „не пущать!“ — это не решение проблемы. Кардинальное решение Ельцин видит в том, чтобы увеличить фонды снабжения Москвы еще „на 2–3 млн. гостей столицы“. Очевидно, такое решение он сейчас и пробивает. И вполне возможно, что оно пройдет. Москва — это ведь витрина СССР в глазах иностранцев. Нехватки и очереди здесь крайне нежелательны.

Но что будет означать такое решение на практике? Запасов „дефицита“ в стране нет, иначе бы он не был „дефицитом“. За границей тоже больше покупать не станут. Скорее наоборот, так как из-за падения цен на нефть меньше стало свободной валюты. Следовательно, опять перераспределение. У других

* В период гражданской войны „мешочниками“ называли тех, кто ехал с мешком за продовольствием в деревню. Сегодня это те, кто едет с большой сумкой за продовольствием в Москву.

немножко отнять, Москве на 2—3 млн. добавить. И что же получится? Если сейчас трясется в поезде ночь, чтобы набрать в Москве пару корзин продовольствия, то тогда будет „рентабельным” трястись две ночи. „Разность потенциалов” возрастет еще больше, соответственно возрастет и тяга в Москву.

А что означает призыв „шире организовать продажу дефицитных товаров на предприятиях”? Эта прогрессивная форма соцраспределения все шире внедряется по всей стране. Скоро каждый уважающий себя завод будет иметь овощехранилище, расфасовочный цех, склад промтоварного дефицита и т. п. Весь мир идет к специализации, а Советский Союз — от нее, к средневековым формам автаркии. А потом те же Горбачев с Ельциным будут критиковать министерства за низкую производительность, большое количество лишних людей на предприятиях, за слабую механизацию ручного труда и встречные перевозки...

Понимают ли на партийных верхах, что УРС, это вынужденное дитя военного времени, в середине восьмидесятых годов выглядит жалким рахитиком? Понимают, конечно, не вчера родились. Но из двух зол они выбирают меньшее. Таким путем хоть как-то можно обеспечить наиболее нужных, тоже „дефицитных” работников. Только так можно успешно защищать свои географические привилегии. На хронически дефицитном безрыбье и УРС становится раком.

А когда министерский УРС начинает слишком вольничать, его хватают за руку. Ишь, чего надумал: апельсины и прочий дефицит отправлять в какой-то там Норильск или Новосибирск! Наши московские апельсины, кроновые!

Бедные сибирские или уральские ребятишки! Так хоть кому-то перепал столь экзотический фрукт, теперь и этого не будет: уралец Ельцин стал во главе Москвы. А он бдит, спит всего 4 часа в сутки и неположенную контрабанду не пропустит...

Подобные откровения особенно красиво прозвучали этим летом, когда шла напряженная „цитрусовая война” между США и странами Европейского Сообщества, которые отдавали предпочтение цитрусовым из стран Средиземноморья, „зажимая” более дешевые калифорнийские.

Болевая точка режима

Отстаивая всеми способами „географические привилегии” вверенной ему столицы, Ельцин в то же время продолжает атаки на привилегии должностные. Нужно сказать, что здесь он далеко оторвался от остальных партийных вождей. На последнем съезде КПСС Ельцин был, собственно, единственным, кто осмелился вообще коснуться этого щекотливого вопроса: „...там, где блага руководителей всех уровней не оправданны, их надо отменить”. Вот только какие оправданы, а какие нет? Кто это решает?

Ведь почему такой сыр-бор разгорелся вокруг статьи „Очищение” в „Правде”? Собственно, это даже не статья, а отрывки из читательских писем. Через руки редакторши газеты Т. Самолис „прошли тысячи читательских писем”, обсуждавших предсезонские документы. И ничего в этих отрывках не было такого, чего бы так или иначе не провозглашал демагогически Горбачев. Кроме — одного. Член КПСС с 1940 года из Казани Н. Николаев конкретно предлагает:

„Рассуждая о социальной справедливости, нельзя закрывать глаза на то, что партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные и даже комсомольские руководители подчас субъективно углубляют социальное неравенство, пользуясь всякого рода спецбюджетами, спецмагазинами, спецбольницами и т. п. Да, у нас социализм, и каждый должен получать по труду. Пусть будет так, без уравниловки: руководитель имеет более высокую зарплату в деньгах. Но в остальном привилегии быть не должно. Пусть начальник пойдет вместе со всеми в обыкновенный магазин и на общих основаниях постоят в очереди — может быть, тогда и всем надоевшие очереди скоро ликвидируют. Только вряд ли сами „пользователи особых благ” откажутся от своих привилегий, тут нужен закон и основательная чистка аппарата”.

Вот где собака зарыта! Здесь не расплывчатое „где не оправданно, надо отменить”, а сказано четко — что отменить и как. Вот почему на „Очищение” накинута партноменклатура, вот почему она устами Лигачева на XXVII съезде КПСС выразила „Правде” порицание.

Только, видимо, товарищ Николаев, не смотря на свой почти полувековой партийный стаж, еще не понял, что номенклатура и спецпривилегии — близнецы-братья. Операция разделения тут, как у сиамских близнецов, смертельна. Пародируя Н. Коржавина

(„Освободите женщину от мук...”), можно сказать: освободите номенклатуру от спецпривилегий — и номенклатуры не станет!

В самом деле, что значат деньги в стране тотального дефицита? У „асов” подпольного бизнеса много денег, а что они могут, если только не подкупать тех же номенклатуристов, распорядителей дефицитных благ? Очередь не исчезнут, если в них будут стоять и номенклатуристы. Очередь — закономерное следствие тотального дефицита, то есть производительной неэффективности Системы. А спецпривилегии — реактивная защита номенклатуры от этой неэффективности. Так сказать, надежный комбинезон, защищающий от всепроникающей радиации недопотребления. И спецпривилегии не при Брежневе родились. Привилегии партийной номенклатуры возникли еще при Ленине, потом они естественным образом совершенствовались, осовременивались и постепенно принимали строго иерархическую форму. Как образно выразился Ельцин, каждая ступень на полишишки выше.

Башня спецблаг, которую десятилетиями отстраивала номенклатура, надежно защищена. Ее не взять приступом снаружи и не взорвать изнутри. Может быть, ее можно разбирать по кирпичикам? Хотя немножко уменьшить ее высоту, чтобы она не колола так глаза окружающему люду?

Вот, закрыли, сообщает Ельцин, промтоварный магазин для работников МГК. Но это самое нечувствительное. Ну, а как же с продовольственными пайками? Со спецполиклиниками, спецсанаториями, спецпоездками за границу? Как с получением особой, другим не доступной информации? Ведь это тоже спецпривилегия, да еще какая!

Ельцин обещает, что это „для начала”. Весьма сомнительно, что процесс „разбора спецблаг по кирпичикам” будет продолжаться. Тогда номенклатуристы из МГК будут иметь полное право говорить о дискриминации. Почему всем остальным — да, а им — нет? Номенклатуристы — это ведь не безответные колхозники, с которыми можно манипулировать как угодно.

Преступные связи „завязанных”

Что делать с „положенными” спецблагами, наверху явно не знают. С одной стороны, очень уж они противоречат провозглашае-

мым „ленинским нормам”. С другой стороны, последовательный демонтаж спецблаг грозит размыть фундамент тоталитарной власти. Тем сильнее обрушивается верховный гнев на тех, кто хапает блага „неположенные”, кто берет не по чину и в чрезмерных объемах.

В порыве откровенности Ельцин говорит о московской номенклатуре, как говорил бы новоиспеченный сицилийский прокурор о местной мафии: „разорвать преступные связи, изолировать руководителей”. Главное достоинство нового „мэра” Москвы, оказывается, в том, что он ни с кем „не завязан”... Невольная аналогия с Политбюро: там тоже на первые роли сейчас вышли те, кто в Москве сравнительно недавно и еще недостаточно „завязаны”.

Но откуда берутся „завязанные”? Ведь и те, кто благополучно, в почете скончался (Брежнев, Черненко, Рашидов и пр.), и те, кто покончил с собой (Цвигун, Щелоков), и те, кого вышибли из Политбюро (Гришин, Романов, Тихонов), — они все тоже не в Москве родились и не в Москве, кроме Гришина, сделали карьеру. Где гарантии, что через сколько-то лет все не повторится сначала? И тогда в тех же выражениях будут говорить о нынешних „незавязанных”? Система таких гарантий не дает, это мы уже видели.

„Завязанность” высшей номенклатуры приняла гротескные формы, достойные Свифта. Как огласил тот же Борис Ельцин („Московская правда”, 20 июля 1986 г.), 70% слушателей Дипломатической академии в Москве происходят из семей высоких функционеров, 40% преподавателей этой академии связаны друг с другом родственными узами. Аналогичная ситуация в МИМО (Московский институт международных отношений). Советской дипломатии грозит естественное вырождение, разве что туда будет вливаться свежая кровь разжалованных партаппаратчиков...

Удивляться тут нечему. Возможность работать за рубежом, особенно в „загнивающих” странах, стала весьма важной привилегией номенклатуры. И „пользователи особых благ” делают все возможное, чтобы передать эту привилегию по наследству. „Завязанность” тут очень помогает: я организацию загранику моему сыну, зятю или племяннику, а ты — моему. Если бы подобные подчеты были сделаны также для иностранных корреспондентов, торговых представителей,

зарубежных работников КГБ и пр., то семьи высоких функционеров были бы представлены столь же достойно.

Откуда берется грязь в колодце?

По ответам Ельцина хорошо видно, как тесно переплетены злоупотребления партийной элиты со злоупотреблениями работников торговли. Это же хорошо видно и по сегодняшним советским газетам. Корень, естественно, здесь один — тотальный дефицит, хроническое недопотребление.

Вот простая женщина, продавец, раскрывает Ельцину глаза на систему поборов в торговле. Век, говорят, живи, век учись. Столько лет на руководящей работе человек, а не знал, бедный, что в торговой сети происходит. Ни разу не охватывало его недоумение: как же так, платят работникам торговли меньше, чем в других сферах производства. Работа же там обычно более нервная — как низовая, так и руководящая. А желающих — отбоя нет. С чего бы это?

Только „за последние месяцы в Москве арестовано 800 руководителей торговли”. Достойный показатель. А сколько уволено с работы, понижено в должности? Но что-то не слышно, чтобы были большие трудности с подбором новых кадров. Или коммунисты (руководители ведь должны быть членами партии) жертвенно, не щадя себя, идут на трудную, нервную, плохооплачиваемую работу? Отважно выступают на заминированное поле? „И тогда еле слышно сказал комиссар: коммунисты — вперед! Коммунисты — вперед!”. Поскольку в Москве, после того как исключили из партии 20 тысяч, коммунистов осталось еще 1,1 миллиона (каждый восьмой москвич — коммунист), непреодолимых трудностей в отборе партийных кандидатов, надо полагать, не будет.

Какие же еще, кроме арестов, методы борьбы со злоупотреблениями собирается практиковать Ельцин? Каждую неделю он ходит по магазинам. (Сколько надо недель, чтобы обойти, хотя бы по разу, все магазины Москвы?) Увы, его начали узнавать: надевают белые халаты, выкладывают на прилавки припрятанный дефицит... Заметная фигура у Бориса Николаевича! Может быть, ему надо переодеваться, как это делал в свое время в Багдаде Гарун аль Рашид?

Представить себе такую картину: мэр Парижа Ширак (пусть еще до того, как он стал

премьером) ходит по магазинам, проверяет — как обслуживают парижан? Пытается запугать владельцев и служащих магазинов, чтобы те обслуживали посетителей получше... В гипотетических сравнениях тоже познается истина.

Ну, допустим, магазинщики будут тут же „выбрасывать” дефицит в продажу. Что это изменит? Это же как капля масла на горячую сковородку. Потребительская масса и не почувствует, разве что дежурные спекулянты. Наоборот, будет больше времени уходить впустую: прибежал наслышанный покупатель в магазин, а там уже давно все кончилось. Так и будут бегать табунами.

Нет, бить надо не по телеге. Бесконечно „совершенствовать” распределение в условиях постоянной нехватки распределяемого — занятие бесполезное. Пока каждый потенциальный покупатель не сможет удовлетворить свои желания самым естественным образом — в обычном магазине, а не в „Березке” или спецраспределителе, пока ограничением желания не станет единственно цена изделия, до тех пор злоупотребления „хранителей дефицита” будут продолжаться. Затишье (по мере опасности) и расцветать вновь. Дна в этом грязном колодце нет: уже сама вода поступает грязной, она не фильтруется системой. Так что, как в сказке говорится: черпать вам — не перечепать...

Более того, с точки зрения общественных интересов, совершенствование распределения чисто административными приемами — занятие не только бесполезное, но и зачастую вредное. Оно требует дополнительных затрат, и затраты эти, как правило, обходятся обществу много дороже, чем гипотетическая польза.

Что значит: глава 9-миллионного города инспектирует магазины? Да еще со свитой. Во что обходится налогоплательщику такая инспекция? Что значит „вести наблюдение” за номенклатурищиками из МГК и Моссовета? Узнавать об этом простому советскому человеку, конечно, очень приятно. Но во что ему обходятся такие наблюдения? А потом еще беседы и оргвыводы? Или Ельцин всерьез думает, что можно эдак погугать месяц-другой, а затем все номенклатуришки станут кристально честными? Как бы не так!

Ведь это сказать просто — „перерезать артерии”. А что за этим стоит? Сколько высококвалифицированного труда надо затратить обществу, чтобы правильно проложить эти

самые „артерии”, следить, чтобы они хорошо функционировали? То есть делать то, что в условиях нормальной экономической системы закон спроса и предложения делает автоматически.

Кулак — не альтернатива

Откровенные ответы Ельцина дают один побочный результат: они откровенно показывают, что у кремлевской верхушки нет ясной программы действий. Ею не запланированы те структурные изменения, которые только и могут обеспечить радикальность перестройки, той самой, которую Горбачев в Хабаровске даже назвал „революцией”. Только методы принуждения, только угрозы применить силу — другого не видно. Но в современном сложном индустриальном обществе эффективность голого силового давления незначительна и краткосрочна.

Даже там, где диагноз публично вынесен, — не лечат. На съезде Ельцин говорит о том, что в ЦК КПСС идет сплошное дублирование Госплана и Совета министров и что структуру аппарата ЦК нужно изменить. Результат? Ликвидированы два второстепенных отдела — их сотрудники, конечно, влились в другие. Число секретарей МГК сократилось с 7 до 6. Но это фикция: до 1984 года, в течение почти 25 лет, их и было 6. Просто приостановили рост. Надолго ли? На министерском уровне бюрократическое разбухание продолжается, несмотря на все декларации.

Позор не в том, что надо заранее записываться на прием к комсомольским функционерам. Если есть кабинет начальника, то всегда будет и секретарша, регулирующая прием посетителей. Позор в том, что разбухла, как квашня, организация, которая вообще никому не нужна. Она ничего не создает и ничем практически не управляет, но обходится народу во многие миллиарды рублей.

Кому нужен Моссовет? Что он решает? Ведь чуть посложнее проблема, и сразу выясняется, „что в Москве есть и более высокие организации”. Для чего же этот камуфляж? Для чего бессмысленное дублирование по всей стране?

Если власть имущие не могут произвести простые, но необходимые операции по удалению излишнего управленческого жира, то что же они могут? Хозяева ли они в своей стране или те же винтики системы, только со спецпривилегиями?

Вот, например, инцидент 31 марта — „перезвон” таксистов у Моссовета, а затем у МГК. Горбачевская гласность почему-то отказала: об инциденте в газетах не было ни слова. И проблема, которая вызвала недовольство таксистов, тоже почему-то не обсуждается. А проблема ведь — идиотизм чистейшей воды. Что такое талоны на бензин? Параллельные деньги: их надо печатать, считать, распределять, плюс к тому еще менять каждый квартал. Надо следить, чтобы не было злоупотреблений. А как уследишь? Таксист, как любой государственный водитель, если не продает бензин частнику, то использует для своих личных нужд. Километраж он всегда нагонит.

Дело не в том, что „таксисты — народ особый”, это ерунда. Просто такси — одна из тех точек системы обслуживания, где очень ярко проявляется противоречие между конкретно индивидуальным характером труда и безлично государственной формой распределения его результатов. Никакой разъяснительной работой, никакими собраниями это противоречие не снимешь. Даже если секретари райкомов переплунут самого Ельцина и будут спать всего по 2 часа, посещая таксопарки каждую неделю, — это ничего не изменит. Злоупотребления здесь заложены в самой основе. И устранить их можно только, устранив само противоречие.

Здравый смысл подсказывает, что такси должны быть частными. Чего, собственно, боятся власть имущие? Будут слишком много зарабатывать таксисты? Повысится арендная плата, повысится налог. Захотят купить собственные такси? Очень хорошо, лучше будут ухаживать за ними. В масштабах всей страны будет большая экономия по времени ремонта и обслуживания.

Конечно, все не так просто. И такой шаг через какое-то время подкрепил бы желательность следующих. И ремонтники автомашин лучше работают частным образом, и продавцы запчастей, и строители гаражей, и арендаторы бензозаправочных станций производительнее, чем просто служащие... Но любая, самая длинная дорога начинается с первого шага. Если же власти никак не решаются сделать первые здравые шаги, то какова цена всем их разговорам о перестройке-революции? В чем перестройка-то, если не считать закручивания гаек?

Попытки решить перезревшие противоречия зрелого социализма силовым путем —

это на практике не что иное, как плодить над труженником число надсмотрщиков и погонял, всевозможных контролеров, ревизоров, пропагандистов, инструкторов, секретарей. Усиление административного нажима — не путь к победе эффективности.

Понимают ли это сегодняшние правители в Кремле? Не могут не понимать, это слишком элементарно. Но как только проблема упирается в практическое решение, власть имущие начинают метаться между требованиями здравого смысла и инерцией Системы.

Так, Ельцин признает, что нельзя административно ограничивать цены на рынке. Это уже было. И ни к чему не привело, кроме полной потери заинтересованности у крестьянина. В качестве противовеса он говорит о кооперативном магазине. Но может ли государственственный магазин „давить” на рынок? Он будет вынужден принять рыночные цены. Если же, под административным давлением, он установит значительно более низкие цены, то неизбежно расцветет букет злоупотреблений, сопровождающих искусственное, вне рыночное распределение.

„Давить” на рынок можно только значительным и неуклонным увеличением продукции и улучшением ее качества. А для этого у нынешнего огосударственного сельского хозяйства силенок не хватает. И хватать не будет, пока оно таким останется. Здесь и надо сосредоточить „перестроичные” усилия, а не кроить и перекраивать распределение или перерезать „артерии”...

Ельцин называет сегодняшнюю цену за килограмм мяса или колбасы — 8 рублей. Здесь два косвенных признания. Во-первых, сте-

пень инфляции реального социализма. Еще недавно мясо на рынке стоило 5-6 рублей, и люди возмущались дороговизной. Во-вторых, качество продуктов. Государственная колбаса, значит, мясом уже и не пахнет. Чем же она пахнет, если такие признания делает партийный вождь Москвы?

Кто же потенциальные потребители этой 8-рублевой колбасы? Конечно, не пенсионеры, не учащиеся, не матери-одиночки. И вообще, не рядовая трудовая семья, еле дотягивающая до получки. Потребители футуристической колбасы — это люди того типа, которые у Ельцина „на списке”. То ли забота об этих людях, то ли „пахнущая мясом” ловушка. Или „список” упоминается в расчете на рядового человека, которому 8-рублевая колбаса недоступна? Но, спросим, кто же виноват в том, что пахнущая мясом колбаса стала предметом роскоши, доступным лишь высокооплачиваемой элите и жуликам?

*

Выступление Ельцина и его ответы на вопросы символизируют то, от чего мы уже давно отвыкли: попытку партийных вождей вести с аудиторией откровенный, прямой диалог, лишенный демагогических заклиний и идеологических клише. Но такая попытка тут же выявляет их внутреннюю слабость, их туманную, полную противоречий, не ясную, наверное, им самим программу действий. Это — как балансирование на скользком льду с тяжелым грузом на вытянутых руках. Самое разумное, конечно, было бы отбросить идеологический груз в сторону. Но как это сделать, чтобы не упасть?

Поражение перебросчиков

Р. ВОРОБЬЕВ

„...Посмотрим же, что в конечном счете окажется легче: повернуть вспять реки или принятые решения партии...”. Этими словами заканчивается превосходная статья М. Назарова в № 4 „Посева” 1986 года. Статья написана вскоре после XXVII съезда КПСС и в ней достаточно полно отражено тогдашнее положение вещей, включая, впрочем, и сохраненную в окончательном тексте „Основных направлений” фразу: „углубить проработку проблем, связанных с региональным

перераспределением водных ресурсов”. Назаров недаром закончил статью осторожным „посмотрим”.

Откровенного отказа от „проекта века” на XXVII съезде не последовало. Да и на самом съезде первый секретарь Казахстана Д. Кунаев (член Политбюро) заявил, что для „освоения богатств Западного Казахстана” необходима реализация проекта „строительства канал Волга—Урал”, а первый секретарь Узбекистана И. Усманходжаев (поставлен-

ный на место скончавшегося в 1983 г. и по-смертно дискредитированного Рашидова), сетуя, что „уже исчерпаны возможности Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, сделал недвусмысленный выпад: „Эти проблемы длительное время бесплодно дискутируются в Академии наук СССР, а конкретного решения так и нет. Нам нужен, наконец, ответ: как быть?“

Запланированные на 12-ю пятилетку работы между тем продолжались. Не умолкли, разумеется, и протесты. На VIII съезде писателей известный противник проекта Юрий Бондарев заявил: „Расширяя границы гласности, не рано ли говорить о ее победном влиянии, если Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР после серьезнейшей критики в свой адрес накануне XXVII съезда партии продолжает неуклонно, но тайно копать русло, то есть идет осуществление злополучного проекта“, а его единомышленник вологоддец Василий Белов подтвердил: „Переброски продолжают свою деятельность. У нас уже строят подьезды, причалы, завезена техника“. На том же писательском съезде от лица противников переброски Валентин Распутин потребовал принять, наконец, решение: „Мы, группа русских писателей, к которым, надеемся, присоединятся писатели других республик, обращаемся к Политбюро, лично к Михаилу Сергеевичу Горбачеву с просьбой поручить еще раз разобраться в сложившейся ситуации с северными реками и Байкалом и принять решение в пользу нашего народа, а не заинтересованных ведомств“.

Утвержденные съездом КПСС „Основные направления“ напечатаны в „Правде“ от 9 марта. Выступления на писательском съезде мы цитируем здесь по „Литературной газете“ от 2 июля, а из „Правды“ от 16 августа мы узнаем, что: „Рассмотрев вопросы осуществления проектных и других работ, связанных с переброской части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесообразным прекратить указанные работы“. А следом в „Правде“ от 20 августа мы читаем, наконец, в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР „О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек“: „Госплану СССР, Госагропрому СССР и Министерству мелио-

рации и водного хозяйства СССР поручено исключить из планов на 1986—1990 задания по выполнению указанных работ“.

Поражение перебросчиков? Без сомнения, хоть, конечно, помещенное в том же „Постановлении“ поручение ВАСХНИЛу „продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов“, отвечающее указанию Политбюро о необходимости дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, можно рассматривать и как своего рода запасный путь, с которого, если понадобится, можно начать все с начала.

Отказ от проекта (быть может, не окончательный) продиктован, думается, двумя соображениями: 1) нежеланием вкладывать десятки миллиардов рублей в предприятие, которое начнет (если вообще начнет) окупаться только через десятилетия, и 2) желанием убрать яблоко раздора между сторонниками и противниками проекта, ибо этот раздор в условиях горбачевской гласности начал принимать опасные размеры.

Напомним, что замысел поворота северных и сибирских рек на юг сам по себе не нов. О нем поговаривали уже в тридцатые годы, он соблазнял своей гигантичностью, укладывался в хвастливое „нет таких крепостей“ и в сталинский план преобразования природы... Но в реализации этот фантастический замысел пошел только при Брежневе и уже при нем натолкнулся на сопротивление научной и творческой интеллигенции.

Это сопротивление с его экологической, экономической и культурно-исторической аргументацией выразилось во все нарастающем потоке публичных и непубличных выступлений и обращений к руководству партии и правительства (см., например, „Грани“ № 133), в письмах в редакции газет и — что не менее важно — в разговорах людей между собой, позволивших одному из вождей этого сопротивления, Валентину Распутину, заявить в интервью немецкому журналу „Шпигель“ еще в апреле 1985 года: „население сопротивляется этому постоянно. Слава Богу, что это так“.

С другой стороны, в результате „мелиоративного“ пленума ЦК 1984 г. на работы по переброске северных вод было выделено 50 миллиардов рублей, а только в одних проектных организациях Минводхоза разработкой проекта было занято 68 000 сотрудников. За этими деньгами и кадрами стоят

интересы (их принято называть „ведомственными“) весьма высокопоставленных лиц в партии и правительстве, преданных им ученых и хозяйственников (достаточно назвать, например, главного инженера проекта Герарди и президента АН СССР Александрова, не говоря уже о возглавителях Минводхоза и шестидесяти восьми тысячах занятых проектом его работников, по долгу службы ратующих за поворот рек).

Об открытой дискуссии, завязавшейся во круг поворота рек, мы неплохо осведомлены. Она вырвалась на страницы печати, и, уже после принятого решения о приостановке проекта, „Литературная газета“ № 36 (3 сентября 1986 г.) пишет, подытоживая десятилетний спор, что „обсуждение на страницах 'Л. Г.' завязалось 1 сентября 1976 года“, что „активная и последовательная писательская позиция, несомненно, сыграла свою роль. Отчетливее стало видно, что на 'проекте века' лежит ведомственный отпечаток“.

Мы следили за этим обсуждением. Мы помним, что „демократией“ в партийном осмыслении этого слова называются проявления активной несвободы, начиная со всевозможных выборов и собраний, включая всенародные обсуждения запускаемых сверх „починов“ и кончая добровольно-принудительной организацией участия широких народных масс в дополнительных нагрузках и восторгах. Мы помним ленинское и сталинское учение об опоре на массы, помним, как Хрущев советовался с народом, и не забыли, как при Брежневелас всенародная дискуссия по пересмотру солнечной сталинской Конституции, а при Горбачеве — по пересмотру Программы КПСС. Обсуждение „проекта века“ было начато именно в этом ключе. „Литературная газета“ сама напоминает, что на ее страницах выступил тогда не кто иной, как директор института водных проблем В. Кунин, определивший все „пять условий экономического и экологического характера, которыми нужно руководствоваться“ („ЛГ“ от 1 сентября 1976 г.), а за ним специалисты института „Гидропроект“ Д. Юринов и Г. Гангардт и представители региональных пожеланий, ученые из Сыктывкара В. Подоплелов и А. Братцев, люди из глубинки, отразившие вроде бы голос широких масс (см. „ЛГ“ от 17 ноября 1976 г.).

Обсуждение как обсуждение. Прошло, казалось бы, вполне нормально, кому следует, те и обсуждали, демократично, по-партийно-

му. И проект пошел в ход с вытекающими из этого хода плановыми заданиями, персональными назначениями, командировками и прочим. Законы Паркинсона действуют не только в загнывающей буржуазной бюрократии, но и в нашей советской. Думается, они универсальны, и число лиц, „ведомственно“ заинтересованных в повороте рек, — назовем их вслед за Беловым „перевосчиками“ — стало бурно расти, невзирая на возражения поначалу не такого уж большого числа ученых экономистов, географов, экологов. Что же касается плача искусствоведов и историков о гибели затопляемых памятников русской старины, то уж им-то большевистские сердца не разжалобить.

Так сложилась партия перевосчиков, но... „Время мы переживаем примечательное. Интересная его особенность: нарастает критическое отношение к деятельности отдельных ведомств, решающих подчас сложные народнохозяйственные проблемы на узковедомственной основе“, пишет через десять лет в той же „Литературной газете“ от 3 сентября 1986 г. доктор географических наук Борис Хорев. Верно. Нарастает. И нарастает прежде всего потому, что питается из стихийной любви человека к родной земле и к родной природе. Ею, и только ею, руководствовались те, кто первыми поднял свой голос против поворота рек. Зачинателям сопротивления этому повороту не светили ни ведомственные, ни личные интересы. Они не шагали в ногу с веком и его проектами. Наоборот, они пытались остановить безумное разрушение русской природы. Они противопоставили свои аргументы и самих себя решению партии, уже встроеному было в работу Госплана, Минводхоза и всего партийно-государственного аппарата. Они встали на путь протеста.

И что же? Мы не знаем даже, кто именно начал, кто больше десяти лет тому назад первым осмелился выразить сомнение в разумности „проекта века“, но сейчас мы можем назвать десятки, если не сотни имен ученых, писателей и художников плюс всех тех, кто позволил Распутину с такой решительностью заявить: „население сопротивляется этому постоянно“. Сейчас мы можем сказать, что эти люди стали выразителями не „честной и прямодушной советской общественности“, а подлинного общественного мнения.

И дело не в том, что при товарище Сталине их бы всех направили поворачивать реки с

кайлом и лопатой в руках, и даже не в том, что у товарища Горбачева в его сегодняшнем положении просто нет лишних пятидесяти миллиардов рублей, которые можно было бы бросить на стройку века.

Значение поворота рек в том, что он обернулся поворотом национально-государственного сознания. „Уроки проекта века“, как выразилась „Литературная газета“, невозможно переоценить. Эти „уроки“ разбудили чувство солидарности и заменили ожидавшиеся восторги здравомысленной критикой очередного партийного безумия. Разрушительность нелепого проекта оказалась совершенно очевидной, а задача остановить его — совершенно ясным патриотическим долгом. Россиянам не нужно учиться любить свою землю, но в борьбе с разрушительным для нее проектом они научились лучше понимать друг друга. Так называемые „русские дере-

венщики“ Белов, Залыгин, Распутин несомненные единомышленники и с академиками Яншиным, Колмогоровым, ПонTRYгиным, Рыбаковым, как и с 250-ю студентами Иркутского университета, подписавшими коллективное письмо против поворота рек, их связывает, как и с украинцем Мушкетиком, как и с киргизом Айтматовым, и с казахом Сулейменовым, то же единомыслие, та же солидарная ответственность за судьбу их общей страны.

И это — главное. Конечно, важно, что реки поворачивать не будем. Но еще важнее то, что в борьбе с поворотом рек общественное мнение страны нашло свое выражение и своих выразителей, что в этой борьбе выросло чувство служения общему делу и родилась солидарность в этом служении, сложился спасительный „заговор душ“. Верим, что он не исчезнет с поражением перебросчиков.

● ЭКОНОМИКА

О предпосылках коренных реформ

Публикуемый ниже материал получен нами из России в порядке обсуждения проекта „Основы обновления народного хозяйства“ („Посев“ № 3, 1982).

Проект „Основы обновления народного хозяйства“ намеренно не касался политических предпосылок для проведения намеченных реформ. Но по моему мнению необходимо учитывать, что только положительные сдвиги в политической области позволят провести подлинные реформы в народном хозяйстве. Советская власть узко связывает экономику с политикой, механизмы действия и развития экономики здесь прочно связаны с монополией компартии, вернее партийной бюрократии и ее аппарата, в экономической жизни страны. Экономическая монополия — характерный элемент тоталитарного государства. И никакая тоталитарная власть органически не способна и не намерена провести коренные реформы в сторону децентрализации и раскрепощения экономической жизни страны, реформы, которые означали бы ее конец. Поэтому смена власти — необходимая политическая предпосылка для любых коренных реформ, и новая власть должна в первую очередь ликвидировать существующую диктатуру партийного меньшинства и ее монополию.

При анализе возможных моделей административного хода реформ проще всего исходить из существования идеальной новой власти сильного центра, из просвещенной автократии, которая в конечном счете будет стремиться к созданию в стране подлинной демократии. Эта предпосылка, конечно, — политическая утопия, но дело в том, что на таком варианте хода событий можно строить гипотезы экономического развития после обвала советской власти.

Так же необходимо учитывать возможность, что смена власти принесет с собой крупный геополитический шок, который своими последствиями может повлиять на географию народного хозяйства страны. СССР — искусственно и не по принципу добровольности созданная многонациональная страна, и каждое ослабление коммунистического насилия приведет к неизбежному усилению центробежных тенденций. Здесь нет места, чтобы дальше развивать эти сугубо практические вопросы географии народного хозяйства, хотя в будущем они могут стать весьма актуальными и с ними придется счи-

таться.

Немаловажным фактором при обновлении народного хозяйства станет и устранение монополии компартии в области идеологии. Дело в том, что свободный обмен информацией имеет поразительно сильное влияние на повышение экономической эффективности и производительности труда. Так, например, вследствие Пражской весны в Чехословакии заметно повысились показатели деятельности народного хозяйства в период 1968—69 гг., что, между прочим, отмечали и официальные статистики в начале 70-х годов (естественно, с оговоркой в скобках, что такой рост произошел за счет возникновения диспропорций в народном хозяйстве — каких диспропорций, уже не сказано). Это наглядный пример того, что при определенном ослаблении нажима в идеологической сфере даже неповоротливое директивное хозяйство страны с коммунистическим режимом способно повысить темпы роста. В условиях же некоммунистической власти и открытого общества фактор свободно доступной информации будет иметь стимулирующее значение для проявления личной инициативы и творческих сил народа. Известно, что беспрепятственный поток информации выявляет возможности для конкретного действия, в отличие от инструкций, которые всегда лишь определяют границы деятельности. В этом существенная разница. Свободный поток информации в стране будет не только способствовать возникновению положительного климата в стране, но и реально повлияет на результаты экономической деятельности еще до проведения радикальных реформ народного хозяйства.

Проект обновления народного хозяйства обстоятельно излагает необходимость перехода к социально-рыночному хозяйству в России. На мой взгляд, восстановление рыночных отношений в масштабах всей страны — необходимая предпосылка для достижения главной цели: перевода хозяйственной жизни страны на путь саморегулирования и повышение жизненного уровня населения. Стратегия введения рыночных отношений предусматривает необходимый переходный период, когда будут отстраиваться механизмы рынка. Это бесспорно правильно. Но в своей программной части проект предлагает для переходного периода вариант параллельного существования директивного и рыночного хозяйств. На этом месте стоит проанализировать, что собой в реальности представ-

ляет директивная экономика СССР, и можно ли вообще в рассуждениях о возможности сосуществования двух параллельных хозяйственных систем применять понятие „директивный сектор“. Ведь тут немедленно возникает вопрос, какие именно методы директивного управления будут в таком случае использованы. Основной характерной чертой планово-директивной системы управления экономикой является неравномерное и несправедливое распределение доходов. К тому же полезность той или иной продукции устанавливается из центра спущенной вниз директивой, а не соотношением между отдельными субъектами спроса и предложения на рынке. Совершенно очевидно, что такое грубое нарушение естественных пропорций не может не вызывать противодействия внутри самой системы. Но вместе со сменой власти непременно произойдет и коренное изменение в распределении доходов, что фактически лишит советскую планово-директивную систему опоры. Уже сама переоценка приоритетов в экономике на рациональной основе приведет к установлению нового баланса между спросом и предложением. Это в конце концов вызовет весьма сильную конвергенцию в так называемом секторе директивной экономики на сторону механизмов рынка. Ликвидация административного аппарата партийной бюрократии лишит новую власть основы для управления директивными методами, то есть возможности актуализировать систему инструкций по желанию центра. По этой причине на деле будет происходить регуляция рынка экономическими инструментами, которые вырабатывались в течение веков. Вот почему я считаю, что разделение экономики на рыночный и директивный секторы в переходный период не очень подходит.

Скорее всего такой своеобразный гибрид существует сегодня в СССР, где рядом с директивно-плановым сектором объем „левой“ экономики составляет, например, по подсчетам некоторых западных экспертов, до 1/3 всей экономической активности страны и до 40% реального валового продукта (высчитанного в соответствии с западной методикой установления GNP). Это положение возникает на основе отношений, складывающихся вне системы государственных планов. Зная положение в стране, с этими цифрами можно вполне согласиться. Этими фактами я хотел бы проиллюстрировать то, что, с моей точки зрения, вариант параллельно суще-

ствующих секторов рыночной и директивной экономики в переходный период следует рассматривать лишь как централизацию и

децентрализацию решений в реально существующей системе рыночных отношений.

А. В.

«Двуединая формула» Горбачева

Александр ЮГОВ

Краснодарские страдания

Редко доводилось читать такие речи генсеков, как выступление Горбачева на встрече с партийным активом Краснодарского края 18 сентября 1986 г. Надо полагать, цитаты из этой речи еще долго будут всплывать в печати, причем не только в советской, но и в так называемой „антисоветской“. Смесь там необычайная. Привычная партийная демагогия и непривычная откровенность, желание продолжать критическую волну и понимание, чем грозит ее продолжение, административный напор вперемежку с хорошо проглядываемой нервной растерянностью. Горбачев понимает, что приближается время, когда надо начинать платить по счетам, выкладывая наличными достижения перестройки. А достижений нет, и на ближайших подходах не видно.

И тут начинаются всякие словесные салты-мортале. Горбачев даже прячется за спину драматурга Александра Гельмана, „полностью соглашаясь“ с его замечками, напечатанными в „Литературной газете“:

„...Не надо высокомерно спрашивать: а что, собственно, изменилось, где перемены? Я что-то не вижу больших перемен. Надо работать, трудиться надо для того, чтобы перестройка стала необратимой“.

Демагогия здесь, конечно, махровая. Окажется, не глубинные структурные изменения должны привести к необратимой перестройке, а просто каждый должен лучше и честнее работать на своем месте. Будет каждый лучше работать, — будет перестройка, ну, а не получилось — пишите, как советовал Райкин, жалобу сами на себя.

И к чему тут заклинания необратимости перестройки? Еще ничего, по сути, не началось, а уже болтаем о необратимости. Даже коммунистический Китай, который вот уже годы идет к своему китайскому коммунизму хитрым „нэпманским“ путем, даже он никак не может еще говорить о необратимости своей перестройки. А ведь там серьезные перемены — не разговоры, а факты.

Только когда робкие пробы и эксперименты перейдут в разряд государственных постановлений, когда они затем поднимутся на уровень законов, будут соответственно отражены в Уголовном и прочих кодексах, будут зафиксированы в Конституции страны, будут закреплены свободным и неподцензурным общественным мнением, — только тогда можно будет вздохнуть с облегчением: ну, слава Богу, кажется, перестроились! Но сколько уйдет на это (если уйдет!) лет?

Еще только-только начали трогать критическим плугом залежавшуюся брежневскую „целину“, еще только, как утверждает Горбачев, „расширили гласность, пошли на открытое обсуждение проблем“, а какова уже реакция?

„Иногда это даже беспокоит и наш актив, и ветеранов, и других. Некоторые пишут в Центральный Комитет письма (они у меня здесь есть): мы все за перестройку, ну уж очень много критики. Неужели у нас все так плохо?“

В переводе на особенно понятный советскому человеку язык анекдота, здесь звучит предупреждение: „Не подымай волну: по горло в дерьме сидим!“ „Актив“ предостерегает своего генсека, и тот находит привычный диалектический подход:

„Некоторые говорят, что критику надо продолжать, не снижать ее уровень, но показывать больше позитивного, того, что появляется в перестройке. Я бы вот эту двуединую формулу и поддержал“.

Но советские редакторы и вообще ответственные за информацию коммунистическую диалектику понимают с полуслова. Поскольку на тарелку „позитивных изменений в процессе перестройки“ бросать пока нечего, — нет таких гирь и когда еще будут? — то и на другую тарелку, критическую, надо бросать поменьше. Чтобы не поднимать волну. Просмотрим газеты за конец сентября — начало октября: понятливым редакторам дважды повторять не нужно.

Во взаимоотношениях со своим „активом“ генсек тоже как бы придерживается „двуединой формулы“. Он не может не прислушиваться к недовольству „активистов“ и их предостережениям. Хотя и знает цену правящему партийному активу:

„...многие из них умеют быстро приспосабливаться к меняющейся обстановке. Это народ способный, даже изворотливый. Главная забота у них — сохранить старые, отжившие порядки, сохранить свои привилегии...“.

Ни пощады, ни сочувствия

„Двуединая формула“ функционирует, увы, не только в речах. Здесь еще можно было бы сделать скидку на тактику. Надо, мол, кого-то успокоить, а там идти своим путем. Нет, „двуединая формула“ сегодня торжествует и в самых насущных практических проблемах, на самых решающих участках перестроенного фронта.

17 сентября „Литературная газета“ опубликовала короткую статью „Эксперимент против схемы“. Ее автор, доктор юридических наук, заслуженный юрист РСФСР О. Темушкин дает свои свидетельские показания:

„Недавно по делам службы мне пришлось побывать в некоторых районах страны... Видел опустевшие рынки — в разгар овоще-фруктового сезона, видел заградительные посты на дорогах, мешающие вывозу скоропортящихся продуктов на продажу туда, где эти продукты с нетерпением ждут“.

Это — результат санкционированной сверху „борьбы с нетрудовыми доходами“. О. Темушкин в довольно резких выражениях осуждает такую практику:

„Имеются многочисленные (подтвержденные!) сигналы о том, как на местах выручку от продажи на рынке и даже от сдачи колхозу, совхозу продукции, полученной на своем приусадебном участке, пытаются отнести к числу нетрудовых доходов. Эта возмутительная, абсолютно противозаконная практика дополняется другой, столь же возмутительной: создаются административные препюны, мешающие продукции попасть на рынок. Результат может быть и бывает только один: рост рыночных цен“.

Кто же адресат критики — местные перегибчики? Доктор юриспруденции делает вид, что это именно так. Он даже специально приводит цитату из доклада Горбачева XXVII съезду КПСС:

„Пресекая нетрудовые доходы, нельзя допустить, чтобы тень падала на тех, кто честным трудом получает дополнительные заработки“.

Но вот тот же Горбачев, и по случайному совпадению тоже 17 сентября, „встречается с народом“ в станице Краснодарского края. Наиболее интересные его реплики газеты как раз не публикуют. Но, как и каждое „хождение в народ“, оно обильно транслируется телевидением, и мониторная запись дает нам такой любопытный диалог. Одна женщина жалуется Горбачеву, что к ним в совхозе враждебное отношение. За то лишь, что они всей семьей напряженно трудятся на своем приусадебном участке: хотят построить новый дом. Что же отвечает генсек-реформатор? К чести его, он не стал влиять, призывать местное начальство к пониманию, просить разобраться... Он рубит с плеча суровую правду-матку:

„Тем, кто везет овощи и фрукты с приусадебных участков на дальние городские рынки и там дерет втридорога с рабочими, производящими металл и электричество для деревни, пощады не будет“. — И немного спустя, как бы подчеркивая неслучайность сказанного. — „Пусть не ждут сочувствия те, кто гонится за длинным рублем, кто курсирует между приусадебным участком и рынком“.

Что это — теория или уже практика? „Возмутительная практика, мешающая продукции попасть на рынок“?

Труд на приусадебном участке, — безусловно, честный труд, честнее не бывает. И дополнительный. Но, видимо, слишком уж он дополняет. Двуединая формула в действии: дополняйте, но не слишком. Обогащайтесь, но не очень. Повышайте эффективность своего хозяйствования, но не чересчур... Чем, собственно, не сталинская формула „Нам нужна не всякая производительность труда“, так наглядно проиллюстрированная журналистом, а ныне политзаключенным Львом Тимофеевым в его работе „Крестьянское искусство голодать“? И не так уж отличается сегодняшнее партийное кредо, высказанное Горбачевым, от лозунга более чем полувековой давности: „Никакой пощады кулаку!“. Разве что „кулак“ стал худосочнее.

Против здравого смысла

Могут сказать, что эти слова Горбачева ничего не значат. Один раз так говорит, другой

раз эдак. То призывает к инициативе и предпримчивости, то сам же их подсекает. То поет оды производительному интенсивному труду, то осаживает как раз наиболее производительных „интенсивщиков”. Кто слишком много говорит, тот всегда наговорит лишнего. Веса нет слова, веса только постановления и законы, устанавливающие единый правовой порядок. Только по ним можно судить об истинной политике руководителей страны. Только они создают из различных и порой противоречивых тенденций единое целевое направление.

Хорошо, пусть так. Будем исходить только из узаконенных постановлений и нормативных положений. Посмотрим, что получается, когда с сегодняшней законностью сталкивается реальная человеческая жизнь (а какая не сталкивается?). Из миллиона возможных примеров выберем один — письмо колхозника Федора Нечипоренко из Ростовской области. Оно напечатано в „Известиях”, 21 августа 1986 г., когда еще вовсю „подымали” критическую волну:

„Всю жизнь считал себя двушильным тружеником, а теперь на старости лет меня куркулем и паразитом объявили. Сосед написал на меня донос, что я извлекаю нетрудовые доходы из приусадебного участка. Конечно, если нас сравнить, то у него вся земля давно осотом да крапивой заросла — на рынок продавать не повезешь, а у меня каждый уголок на счету. Он бока чешет, а у меня каждый уголок на спине не разогнуть. И я, выходит, еще и паразит! А началось с того, что я решил на своей усадьбе прудок небольшой вырыть — карпов попробовать разводить. Два месяца — апрель и май — с сыном и невесткой глину вывозили. А 20 июня прибегают из сельсовета: давай, Федор Петрович, засыпай обратно. И еще сказали, чтоб немедленно тепличку порешил, потому как слишком большая — девять на четыре — и есть указание из района — ликвидировать источники нетрудовых доходов. Тепличка обычная, пленочная. Без нее не обойтись — не защитить ни помидоров, ни огурцов от весенних холодов да и к осени — от ледяной росы. Так нет, пусть все гибнет. Парник — можно. А теплица — нетрудовой доход? Я, конечно, сломаю. Пропади она пропалом вместе с участком. Уйду на пенсию — и трава не расти. Но душа болит. Говорим о культуре земледелия, об агротехнике и сами себя запрожаем в прошлый век. Я скажу только одно: те, кто придумал труд на земле подвести под нетрудовые доходы, пусть бы сами попробовали хоть пучок редиски без труда вырастить. Но главное — я в райисполком ездил, и никто мне не объяснил, какой такой закон запрещает пруд выкопать или теплицу большую по-

ставить. Пленку я покупал на свои кровные, строил сам, своими руками. Как видно, возвращаются времена, когда личных коров отобрали. Коров нет, так теперь за теплицы взялись...”

В этом письме — хороший кусок советской действительности. Доносы соседей. Социальная справедливость навыворот. Идеологические постановления сверху, бездумное, кампанейское выполнение на местах. Нет независимого общественного мнения — и нет барьеров против разрушительной глупости. Демонтаж остатков трудовой морали.

Не менее, чем письмо Ф. Нечипоренко, показательны юридический комментарий к нему. Письма читателей по проблемам личного хозяйства комментирует старший юрисконсульт совхоза, кандидат юридических наук В. Богорад. Между прочим, эта очень интересная форма подачи материала промелькнула в двух номерах „Известий” и исчезла. Чтобы не поднимать волну?..

„Это письмо (Ф. Нечипоренко. — А. Ю.) — только одно, увы, из многих подобных, которые просто ставят в тупик, ибо не находят ответа, удовлетворяющего одновременно юридическим нормам и здравому смыслу. Как юрист я обязан объяснить правовую позицию — в данном случае работников исполкома сельсовета. Так вот формально они правы, поскольку исходят из действующих нормативных положений”.

Иными словами: сегодняшняя коммунистическая законность неразумна. Она неразумна с точки зрения интересов общества и государства. Никакое здоровое общество, никакое нормальное государство не могут быть заинтересованы в том, чтобы труд их граждан превращался в труду, чтобы выветривалось и исчезало само желание трудиться. Разумная, здоровая юридическая практика не только должна была бы снять препоны перед производительными усилиями таких, как Нечипоренко, но, напротив, способствовать тому, чтобы заросшие осотом и крапивой участки лодырей-соседей переходили в руки настоящих тружеников.

Доктор-юрист О. Темушкин заканчивает свою заметку в „Литературной газете” таким призывом:

„Законность... нельзя противопоставлять разуму, здравому смыслу, цели, ради которой закон принят”.

Но в том-то и беда, что коммунистическая законность с самого начала была принципиально противопоставлена разуму и здравому смыслу — во имя утопической, несбыточной и посяму вредоносной цели. О разуме и здравом смысле заговорили совсем недавно. Именно заговорили: между ними и законодательной практикой по-прежнему глубокий ров. И ров этот не только не засыпается интенсивно, но местами („закон о нетрудовых доходах“) еще больше углубляется.

Молоко в „разумных пределах“

„На Кубани тимашевцы мне пожаловались, что в магазине нет масла. Спрашивают сельские жители! Говорю: поднимите руки, у кого есть коровы? Подняли 5—7 человек“.

Горбачев не говорит — почему. А ведь объяснение жителей станицы очень простое: нет кормов. Нечем кормить корову. Нет пастбищ для личного скота. Кто-то из местного начальства уверенно подтвердил: „Нет и не будет“. И это в присутствии Горбачева! А если бы даже он и не сказал этого вслух? И так ясно, что ни председатель колхоза, ни директор совхоза рядовому работнику своих (государственных!) пастбищ не отдадут. (Разве что за взятку.) Им это против шерсти. Им и сено самим нужно, и, главное, труд крестьянина нужен. Для выполнения плановых показателей, а не для того, чтобы крестьянин себе личных коров разводил. „Двуединье“ требования к колхозно-совхозным руководителям — и план давать, и помогать работникам в их личном приусадебном хозяйстве — хорошо звучат лишь в газетах, на практике же они не срабатывают.

А какие еще есть возможности кормить скот? Фуражного зерна в свободной продаже нет, а если оно появляется на рынке, то в 3—4 раза (!) дороже выпеченного хлеба. Как сказал бы Егор Петрович, герой одной из песен А. Галича: „Лишь при советской власти такое может быть!“ И по понятной: кормовое зерно мы покупаем за океаном. А за океаном-морем и корм для телушки — не полушка, и перевоз дорого стоит.

Кормить коров выпеченным хлебом? Так и делали. Но теперь, в рамках закона о нетрудовых доходах, за это сурово наказывают.

„Придумали кару за кормление хлебом скота. А чего этим добьемся? Одного — люди перестанут скот

держат. Надо судить не тех, кто хлеб скоту дает, а тех, кто не хочет обеспечить нас комбикормами. Помню, судили у нас в Рассказове одну бабу — 16 буханок хлеба у нее нашли. Штраф дали да еще и бычка конфисковали“ (письмо Василия Ш. из Тамбовской области, „Известия“, 20 августа 1986).

Кто же должен „обеспечить“ комбикормами? Чья это задача?

„Говорят, нужно отсекают разных жуликов от честных тружеников. Нужно. Только кому тогда близки будут наши заботы? Если „левый“ комбикорм не достанешь, попробуй заикнуться нашему директору совхоза — какой толк! Что интересно — ведь все равно воруют. Так нельзя ли законно продавать?“ (письмо Н. Ковальчука из Витебской области, „Известия“, 20 августа 1986).

Как же свободно продавать, когда комбикорм — вечный дефицит? Оно, конечно, хорошо бы продавать свободно и без ограничений, кто сколько пожелает. Вот ведь и Михаил Сергеевич при своем „хождении в народ“ провозгласил:

„Нужно поощрять содержание личных коров и вообще приусадебного хозяйства. Но в разумных пределах. С любителями наживы нам не по пути“ (мониторная запись советского телевидения, в газетах этой реплики не было).

А где же этот „разумный предел“, после которого уже начинается страсть к наживе? Согласно законодательству РСФСР, колхозники и другие граждане республики не вправе иметь более одной коровы с приплодом. При этом могут иметь еще одну свиноматку с приплодом или две свиньи на откорме. Правда, еще в 1977 году ЦК КПСС и Совет министров СССР обязали правительства союзных республик рассмотреть вопрос о целесообразности увеличения нормы скота в личной собственности граждан там, где есть возможность выделять им выпасы и сенокосы. В РСФСР за истекшие почти 10 лет такой возможности не нашли. Надо полагать, в Армении или там в Узбекистане тем более. Призывы „поощрять“, особенно в устах генсека, звучат, конечно, очень красиво. Закон, однако, строг и однозначен.

А как, интересно, обстоят дела с любителями наживаться на молочных коровах на Западе? В промышленной ФРГ, например, совсем не редкость крестьянские семьи (3—4 человека), которые имеют по 40—50 молочных коров. И кормов хватает, хотя

пастбищ тут, ясное дело, поменьше, чем в России. Как же они справляются? Все дело в отличной организации, в максимальной механизации всех стадий молокообразующего процесса. Стойловое содержание в специализированных коровниках. Только механизированное доение. Автоматические поилки. Специализированный сенопогрузчик-разбрасыватель. Механизированный смыв разжатого навоза. Четкая подвозка кормов и забор молока.

Такая организация в сочетании с непрерывным улучшением породы молочных коров и определяет огромную разницу в результатах. Средняя продуктивность коровы в ФРГ почти в 2,5 раза выше, чем в СССР (4690 кг в год против 2050). Еще выше средняя продуктивность коров в странах с аналогичной организацией производства, но с более сочными пастбищами (США, Швеция, Голландия, Дания, Норвегия, Англия). Годовое производство молока на душу населения в ФРГ на 90 кг больше, чем в Советском Союзе (пользуясь советской статистикой надоев; другой, увы, нет). А ведь молочных коров в СССР в 8 раз больше, чем в ФРГ; населения же всего в 3,5 раза больше. Сколько же кормов, сколько человеческого труда в нашей стране расходуется впустую?

Высокая и непрерывно растущая эффективность молочного производства на Западе — следствие также оттачивающейся специализации. Хозяин коров здесь не должен думать о том, где достать корма, как отремонтировать оборудование или куда сбыть молоко. На все это у него есть твердые договоры с другими хозяевами, другими фирмами. Даже косить траву для своих коров все чаще становится невыгодным. Отдельные фермеры выращивают высокопродуктивные сорта трав и снабжают сеном несколько молочных хозяйств.

Все эти фермеры, хозяева, фирмы стремятся к прибыли (по Марксу) или, иными словами, к наживе (по Горбачеву). Советским колхозникам, бескорыстно ползущим к сияющим вершинам коммунизма, с ними, естественно, не по пути. Только вот и промежуточные станции разные на этих разных путях. Если житель ФРГ, к примеру, для покупки одного литра молока должен работать 4 минуты, то советский труженик — 18 минут, для покупки 1 кг масла — соответственно 40 минут и 4 часа. И это при субсидиро-

ванных ценах на молоко и масло в Советском Союзе! Если бы цены соответствовали себестоимости, разница была бы намного больше. В ФРГ в магазинах сотни разнообразнейших молочных продуктов, а в СССР в некоторых областях молоко грудным младенцам выдается по рецептам врачей. В ФРГ ломаются государственные холодильники от запасов масла или молочного порошка, а советские власти высматривают, когда запасы в европейских холодильниках начнут меняться после 5-летнего хранения, чтобы скупить их по дешевке. Причем, гласность гласностью, а своему народу почему-то не сообщают об этих, казалось бы, весьма выгодных гешефтах. Уж не потому ли, что стыдно великой державе сшибать крохи с чужого богатого стола?

Одни строят, другие ломают

Неясно, что имеет в виду Горбачев, когда говорит, что не будет сочувствия или пощадить единоличным „любителям наживы“. В Сибирь их, что ли, опять начнут ссылать? Особого сочувствия они и теперь не видят. Или, говоря экономическими категориями, не видит достойных организационных условий для своего труда.

Вот характерная статья — Анатолий Козлович „Огурец свекле не поменя“, „Литературная газета“, 6 августа 1986 г. Корреспондент „ЛГ“ по Белорусской ССР описывает конфликт в одной из деревень Пинского района Брестской области. Конфликт типичный. Одни вкальвают в колхозе на невыгодной свекле, другие тоже вкальвают, но в своих теплицах, выращивая весьма выгодные огурцы и помидоры. Рассказывает бригадир С. С. Стрелец:

„И пошла по деревне короста. Не стало в колхозе народа. Я бригадир, мне надо полоть свеклу, а народа нет. Обойдешь пятнадцать хат, никого не упростишь выйти на свеклу. Не хотят. В теплице уйма работы. В теплицу как впрягся, так она не отпустит ни на минуту. По полю пошел сорняк. Что делать? Решили: ломать! Собралась команда, человек десять. Председатель колхоза, главные специалисты, бригадиры, представитель сельсовета. Каждую весну (!— А. Ю.) шли ломать теплицы, доводить до нормы. Норма — сотка, сто квадратных метров. Есть постановление. У кого больше сотки, — ломать, валить. С криком, со скандалом рушили теплицы. Людям, конечно, жалко своего труда. Один „тепличник“ даже кинулся на нас с ломом. Вы слышали

про тот случай (одного человека нет в живых, другой в тюрьме. — А. Ю.). После той трагедии побиваемся... Что тут делать? Правление решило: работать на колхозной свекле — держи теплицу, даже больше нормы. Не выйдешь на свеклу — сломаем”.

„И вечный бой, покой нам только снится!” Внуки Макара Нагульнова против внуков Якова Островнова. Одни строят, другие ломают. Высшая коммунистическая организация труда. С мировыми стандартами тут и сравнивать не приходится — нет нигде подбных „стандартов”...

Отработал, значит, полный день на колхозной свекле, — можешь и на своей теплице поработать. На себя. Хотя какое же это „на себя”? Это „двуедино” и на общество: помидоры и огурцы — хронический и дорогостоящий дефицит в стране. А как же организован общественно полезный труд „тепличников”? Мало того, что нужно буквально все необходимое доставать с огромными затратами времени и труда, покупая ворованное или воруя самому, так нужно еще каждое лето восстанавливать разрушенное „нагульновцами” весной.

Где она, эта кооперация?

Не видят „огородники” или „тепличники” никакого „сочувствия” при выращивании своей продукции, не видят его, тем более, при ее продаже на городских рынках. Тут одни только барьеры: нужно получить справку в сельсовете, что ты сам вырастил свои овощи, нужно договориться с начальством, что тебе или твоей жене дадут свободные дни для поездки в город на рынок. А сам процесс реализации готовой продукции! Вот картинка, достойная камеры кинооператора:

„Пока продашь огурцы, намучаешься и наплачешься. Сперва надо завезти в Минск. Триста километров. Нанимаем в трансгентстве машину. Один ничего не сделаешь. Собираемся 10 человек, выбираем старшего, бригадира. Он договаривается насчет машины. Три рубля за каждый мешок. Из этой суммы один рубль двадцать копеек идет в трансгентство, остальное — шоферу в карман. За один рейс он может положить себе в карман двести рублей. Наш бригадир едет ночью с огурцами. Мы, хозяйка, поездом. Приезжаем в Минск утром. На перегонки на базар, нас ведь целый поезд из Пинска едет. Поезд называется „сумасшедший”. Бегом на базар, на Комаровку. Еще не пускают, рано. У ворот толпа. Открыли. Все бросились в весовую. Работает одно окно, два закрыты. Давка. Дай в ла-

пу за весы — получишь быстрее, с заднего хода. Еще дай — станешь на лучшее место за прилавком. С радостью сдал бы свои огурцы здесь, на месте, если бы кто-нибудь принял”.

Технология реализации на грани фантастики. Это даже не прошлый век, тогда крестьяне на базарах столько времени впустую не тратили. А ведь это высококвалифицированные специалисты! А. Козлович с восхищением описывает, как полесские „тепличники” приспособились выращивать огурцы и помидоры в вертикальных „бабах”, прозрачных мешках высотой два метра.

Реализация готовой продукции в странах рыночной экономики давно превратилась в четко состыкованный технологический процесс. Те, кто выращивают, к примеру, огурцы или помидоры, ничем иным больше не занимаются. Это нерентабельно ни в каком плане — ни в личном, ни в общественном. Более того, сам процесс реализации дробится на отдельные специализированные операции. Один закупает продукты оптом, другой их сортирует и упаковывает, третий, если это нужно, как в случае тепличных огурцов или помидоров, покрывает их пленкой вакуумным способом, для длительного хранения, четвертый транспортирует, пятый рознично продает... И все, между прочим, имеют свою прибыль (наживу). И стоящий в конце ряда потребитель имеет — в виде высококачественных овощей и фруктов, круглый год лежащих на прилавках любого магазина.

Советские власти тоже хотели бы, чтобы „огородники” или „тепличники” сдавали свою продукцию на месте — государственной кооперации. „Да где она, эта кооперация?!” — в сердцах воскликнула одна станичница в ответ на „альтернативы” Горбачева. Генсек промолчал.

Тем же вопросом задается журналист А. Козлович. Почему „количество огурцов, выращенных „тепличниками” Пинского района, с каждым годом увеличивается, а заготовка тех же огурцов неуклонно снижается?” Он адресует этот вопрос директору местной заготконторы. Директор ссылается на то, что крестьянам сдавать огурцы госкооперации невыгодно.

„— А сколько вы можете заплатить им за килограмм огурцов, к примеру, в конце мая?

— Два рубля. И даже больше.

— За столько они отдают с охотой. Я спрашивал.

Директор мгновенно обиделся:

— Нет транспорта у нас!.. Нет тары... Нет хранилища... Нет продавцов... Нет грузчиков... Нет сбыта...

„Нет желания. Нет заинтересованности. Нет предпримчивости. Нет дела“, — мысленно продолжил я (А. Козлович. — А. Ю.). Если бы все это было в наличии, то разве направил бы директор машины заготовщики в Крым, где было закуплено 11 тонн огурцов, в дальней дороге превратившихся в гниль?..

Нет, и не будет, добавим мы от себя. Это не совмещается: твердая государственная зарплата — и заинтересованность, приказами сверху связанные руки — и предпримчивость, спущенное штатное расписание — и продавцы и грузчики, которым то ли будет работа, то ли нет, бумажные отчеты по показателям — и живое дело. Желанная „двуединая формула“ не срабатывает. Сфера взаимного обслуживания не заработает, пока все участники длинного и в то же время разветвленного производственного процесса не станут хозяевами. Хозяевами не в речах да на бумаге, а настоящими, полноправными, юридически признанными, с полной мерой прав и ответственности, выгоды и риска.

И чем скорее, тем лучше!

В том же номере „Литературной газеты“ опубликованы заметки Александра Никитина о вологодском аграрном эксперименте. Хотя вологодским аграрникам с 1 января 1986 г. разрешили самим планировать производство и поставку всех видов продукции (но не ниже уровня прошлой пятилетки), а то, что сверху, реализовывать для себя на рынке, — сдвиги за истекшие месяцы весьма невелики. Собственный корреспондент „ЛГ“ по Нечерноземью анализирует причины этого. Он говорит о неразрывной связи между самостоятельностью аграрников, пусть пока весьма ограниченной, и принципами труда в промышленности, строительстве, сфере обслуживания.

„Все осталось по-старому в экономике строительства: страсть к „жирным объектам“, к „освоению средств“, тяга размывать деньги по тысячам фундаментам, отвращение к мелким объектам, к реконструкции. Хозяин „имеет право“ экономно реконструироваться, но — не может.

Все осталось на месте в промышленности: валовая, затратная экономика. Трактора вместо тележек, выгодные запчасти вместо невыгодных, мания

поднимать цены, „высаживая“ деревья, вышибая дух из агропромовских миллиардов.

И самое главное осталось: всеобщее желание отбиться, отбояриться от покупателя, от заказчика, от клиента. Хозяин хочет и имеет право получить городских партнеров, но они-то не хотят”.

А. Никитин видит единственный кардинальный выход, который он и провозглашает в конце своей статьи:

„Всех надо на процент от продукции, от прибыли! Всех, а не только вологодских аграрников! И чем скорее, тем лучше!”

Но разве это не то же самое? Прибыль конкретного хозяина, конкретной частной фирмы минус подоходный налог, сегодня во всех странах, как правило, весьма высокий, и составляет в остатке процент от прибыли. Составляет вектор заинтересованности, которые все вместе, солидарно слагаясь, образуют материальную и моральную прибыль всей страны.

Сделать так, чтобы эти „вектора заинтересованности“ не уничтожались взаимно, как это продолжается по сей день в силу идеологического „классового“ подхода, а складывались, обогащая общество и государство, — основная задача остро необходимой стране перестройки. Только в этом случае она будет успешной. Только в этом случае она будет по-настоящему революционной.

ЛЕВИЦКИЙ Сергей

Очерки по истории русской философской и общественной мысли. В двух томах.

1983, т. 1, 2-е изд., больш. форм., 216 с. 22 нм
От Киевской Руси до XIX века: Киевская и Московская Русь. Первый церковно-идеологический конфликт. XVIII век. Ранние славянофилы. Западники-гумансты. Западники-отрицатели. Шестидесятники. Русское „просвещение“. Почвенники. Ф. М. Достоевский. Философия жизни и смерти у Л. Толстого. Идеология народничества. Владимир Соловьев.

1981, т. 2, больш. форм., 232 с. 22 нм
В книге следующие главы: Ближайшие последователи Вл. Соловьева. — Русские пантеисты. — Народничество и ранний марксизм. — Русский религиозно-философский Ренессанс и сборник „Вехи“. — Импульсы Ренессанса. — Классики Ренессанса. — Советский марксизм.

XXXVIII конференция «Посева» Нью-Йорк, 1986 год

Перспективы перемен в Советском Союзе

Ежегодная конференция журнала "Посев", посвященная теме "Перспективы перемен в Советском Союзе", состоялась 16 ноября 1986 года в Нью-Йорке в помещении гостиницы "Дорэт инн". Впервые такая конференция была проведена в Соединенных Штатах Америки.

Сегодня мы публикуем полученный из Нью-Йорка краткий обзор прошедшей конференции. Доклады, прочитанные проф. М. С. Восленским, д-ром Здиславом Рураржом, Н. М. Коржавиным и А. М. Юговым, будут помещены в ближайших номерах журнала.

Конференцию открыл председательствующий Б. С. Пушкирев, представитель редколлегии журнала "Посев" в Северной Америке.

Перед началом собрания присутствующие почтили память скончавшегося 14 ноября в США Леонида Денисовича Ржевского, писателя и литературоведа, редактора журнала "Грани" с 1952 по 1955 год.

В своем вступительном слове Борис Сергеевич Пушкирев очертил задачи русской эмиграции и ее прессы в связи с переменами, происходящими в стране.

Традиция ежегодных конференций "Посева" берет свое начало с 1948 года, когда в немецком городе Лимбург было проведено первое расширенное редакционное совещание. До 1985 года все конференции проводились в Европе (в 1960 году в Париже, в 1963 году в Брюсселе, в 1964 году в Мюнхене; все остальные годы ежегодные конференции проходили во Франкфурте-на-Майне). Докладчик отметил, что проведение в 1986 году конференции в США — эксперимент, обусловленный тем, что демографический центр эмиграции переместился за последние годы из Европы в США и Канаду. Журнал "Посев", обращенный к России и издающийся для России, в своей работе не может не опираться на эмиграцию: эмиграция дает материальную поддержку, дает подписчиков. Она также дает новых авторов и непосредственный читательский отклик.

Теперь, когда критика существующих порядков в изобилии публикуется на страницах советской печати, зарубежная печать должна сосредоточиться на том, какими должны быть подлинные реформы, чтобы реальными, конструктивными предложениями помочь стране выйти из тех тупиков, в которые ее завел существующий режим.

"Журнал "Посев" всегда был движим одним побуждением: как помочь России? И сейчас стоит вопрос: как эффективней всего помочь России в условиях вероятно нарастающих изменений? Как это сделать в нашем положении небольшой группы людей, одной ногой стоящих здесь, а другой — там? О чем надо писать, что надо делать, чтобы слова и дела ускорили процесс изменений и довели бы его до необходимого конца, то есть конца так называемого социалистического строя?"

Докладчик выдвинул пять тезисов, пока что отнюдь не очевидных для российских читателей, а именно:

1. Чтобы экономические реформы были действительными, необходимы договорные рыночные цены не только на товары и на труд, но и на средства производства.
2. Чтобы ускорить научно-техническое развитие, необходимы автономные источники общественной инициативы.
3. Чтобы бороться со злоупотреблениями власти, необходим механизм структурного разделения властей.
4. Чтобы достигнуть реальной разрядки в международных отношениях, необходимо отказаться от ленинской идеи всемирной победы системы социализма.
5. Чтобы восстановить нравственные и духовные ценности, необходимо обеспечить их автономию от партии и государства, и вернуть Церкви подобающую ей роль.

"Эти положения, — продолжил Пушкирев, — необходимо обосновать и детализировать по всему широкому фронту обсуждающихся ныне в стране реформ. Вокруг таких положительных решений сможет кристаллизоваться общественное мнение, конструктивная оппозиция, могущая дать стране новые перспективы и выход из тех тупиков, которые неизбежны при полумерах в рамках системы.

В нашей стране много инакомыслия и разномыслия, но мало пока политического согласия, противостоящего позиции партии. Я подчеркиваю здесь важность именно политических вопросов, потому что, в конечном итоге, обеспечить права человека и свободу духовных ценностей может только изменение политических институтов, а не добрая воля правителей...

Как сказал в свое время еще Платон, коренные, революционные изменения политических институтов возможны только тогда, когда налицо идейный раскол в правящем слое. Поэтому нам необходимо искать адресатов также и в правящем слое, в различных, непривычных для нас институтах и учреждениях, вплоть до Генерального штаба. А чтобы таким людям сказать что-то для них интересное, нужна, помимо прочего, высокая квалификация.

Квалификация, огромный труд, который необходимо проделать, связи и прицел на будущую Россию — все это требует, в частности, больших и независимых средств. Потребуется это и участия в нашей работе иностранных специалистов — не только из-за их квалификации, но и для того, чтобы показать конструктивным силам в нашей стране, что у свободной России на Западе есть все-таки друзья, готовые не оглядываться на нынешний режим, а смотреть вперед

Для этих целей, объяснил докладчик, и был создан Русский Исследовательский фонд по изучению альтернатив советской политики, который совместно с редакцией журнала и издательством "Посев" устраивает нынешнюю конференцию.

Представив докладчиков, Пушкарев прочел письмо главного редактора "Посева" Елизаветы Романовны Мирковой*, которая по семейным обстоятельствам не смогла прибыть на конференцию. В письме говорилось, в частности:

„От души желаю вам с успехом провести нашу конференцию и закончить ее в сознании, что все мы, пусть даже разны мысли и оценивая положение в России, объединились в общем желании быть содейателями ее будущего с теми силами в стране, которые в сегодняшней обстановке все четче начали выявлять стремление гражданского общества освободиться от монополии системы...

Нам нужны знания и понимание обстановки в стране. И не только в области политики, экономики, социальных проблем. Без понимания значения духовного начала, без участия в процессах возрождения религиозных ценностей и исторической памяти, без понимания стремления нашего гражданского общества к иным, в широком смысле земским нача-

лам самоуправления и соучастия в государственном управлении, наши заявки на будущее и на внутри-российское участие будут пустым звуком”.

Докладчики, каждый по-своему, развили затронутые в этих вводных словах темы.

*

Первым выступил Михаил Сергеевич Воленицкий, профессор Института всеобщей истории Академии наук СССР, покинувший страну в 1972 году, лишенный гражданства в 1977, известный на Западе как автор книги "Номенклатура" и как директор Института изучения советской действительности в Мюнхене.

"Перемены есть, было бы нелепо их игнорировать, но было бы столь же нелепо впадать от них в энтузиазм", — начал свое выступление Воленицкий. Чтобы проиллюстрировать первое положение, он просил аудиторию представить себе, что у власти до недавних дней стоял бы умерший недавно Молотов — вариант, который исторически был вполне возможен. Чтобы проиллюстрировать второе положение, докладчик напомнил, что нынешний цикл перемен — третий в истории СССР. Первым и значительно более радикальным был НЭП, вторым периодом был период Хрущевских реформ. Те и другие реформы были или вовсе повернуты вспять, или остановлены на целое двадцатилетие. Грозит такая же опасность и сейчас, в частности, со стороны идеологического секретаря Лигачева и других противников коренных изменений.

Отсюда вывод:

Изменения в рамках системы недостаточны и не могут быть достаточными для нормализации положения в стране. Что значит нормализация? Это не значит реставрация капитализма, — слово, которым пытаются запугать. Это значит, что Советский Союз должен превратиться в такую же страну, как и все остальные, в страну, где товары производятся для потребителя, а не для выполнения плана, где можно выезжать за границу и не просить при этом разрешения у комиссии по выездам, которая будет долго рассуждать: выпустить ли вас на три дня в Берлин? Одним словом, где вместо сумасшедшего дома будет нормальная жизнь.

Но констатируя это, мы должны твердо понимать: изменения системы не придут сами собой именно потому, что система готова лишь на перемены в рамках диктатуры номенклатуры и за эти рамки не выйдет. Изменения самой системы должны

* Редакция "Посева" была представлена на конференции А. М. Юговым.

быть подготовлены, причем не игнорируя происходящего в стране, а наоборот, учитывая и используя изменения в рамках системы для того, чтобы добиться изменений, выходящих за рамки системы, изменений, которые бы меняли саму систему в корне”.

Д-р Здзислав Рурарж — в прошлом посол Польской Народной Республики в Японии, попросивший политическое убежище на Западе, когда в Польше в декабре 1981 года было объявлено военное положение. Доктор Рурарж, тепло встреченный аудиторией, сказал в начале своего выступления, что как поляк он не может не коснуться польско-российских отношений:

”На протяжении десяти веков мы, поляки и русские, имели богатый опыт взаимных отношений, но не совсем он был удачным. Поляки лезли в Москву, русские лезли в Варшаву и наоборот (смех в зале), но в конце концов и поляки, и русские проиграли, а выиграл коммунизм (аплодисменты). Мой собственный опыт тоже был не обычным. Мой дед 16 лет был в царской армии, в царской гвардии, воевал на японском фронте, потом на фронтах Первой мировой войны в армии Брусилова. А мой отец был добровольцем в польской армии и воевал против русских, а потом против Красной армии. Казаки его ранили, но он говорит, что свою винтовку тоже активно применял. Я же в послевоенный период всегда пытался улучшить наши взаимные отношения — и в результате очутился здесь, на Западе”.

Вывод докладчика — полякам не вмешиваться в русские дела, и пусть русские оставят полякам возможность самим решать свои внутренние вопросы.

Затем д-р Рурарж остановился на структурных отношениях в так называемом социалистическом содружестве и на трудностях экономической интеграции. Чтобы увеличить экспорт из стран Восточной Европы, необходимо улучшить качество производимых там товаров. Но это невозможно, поскольку эти товары производятся на оборудовании, поставляемом Советским Союзом. Ввоз сырья и энергоносителей из СССР будет в дальнейшем все более ограниченным, в то время как ни капиталов, ни свободной рабочей силы в Восточной Европе нет из-за неэффективности социалистической экономики. Рурарж предвидит, что противоречия в отношениях между СССР и Восточной Европой будут углубляться, и есть опасность, что Со-

ветский Союз пойдет на искусственное создание напряженных отношений, чтобы укрепить свой военно-политический контроль.

Наум Моисеевич Коржавин, поэт и литератор, пользующийся всеобщим уважением деятель эпохи „оттепели” шестидесятых годов, говорит о том, что слова о восстановлении нравственных ценностей в устах нынешних советских руководителей звучат весьма парадоксально. Ведь большевики, придя к власти, начали с наступления на нравственные ценности, утверждая, что источник морали не Бог и не естественное чувство, а партия, и что нравственно все то, что способствует удержанию власти партией.

”Аморальность, которая заменила мораль, стала в конце концов работать против них самих... Никакое возвращение к нравственности без осознания того, чем была коллективизация, — невозможно. Сталин стремился к тому, чтобы все люди, потеряв нравственный облик, служили только ему”.

Для этой цели он и создал новый социальный слой — выдвиженцев.

Однако в шестидесятых годах наступил перелом. Перелом этот начался с литературы. Деревенщики, в частности, важны не тем, что описали деревню, а тем, что вернулись к нравственным, простым человеческим ценностям.

”Со смертью Черненко наступил конец сталинской эпохи. Выдвиженцы ушли. Люди, которые пришли, — не выдвиженцы. Они карьеристы, но карьеристы в западном смысле. Те не знали, как они оказались на своем посту. Их вытаскивали и сказали: будь большим начальником. А эти сами делали свою карьеру. Для них критика прошлого не такая страшная вещь, это не критика их лично. У них нет комплексов. Они ближе к реальности. Но они часть сталинского аппарата.

Нравственная проблема, возвращение к нравственной реальности, — очень важна... Литература свою роль выполнила. Литература вернула людям потребность мыслить. И апеллируя к каждому человеку лично, она очень много сделала для восстановления нравственности. Но литература не может всего. Главная наша болезнь сейчас — это болезнь воли”.

Последним выступил член редколлегий ”Посева” Александр Михайлович Югов. Его выступление было наиболее обстоятельным.

”Перемены не случайны, они вынуждены. Они запоздали, так как разрушительные тен-

денции в стране приняли угрожающие размеры, — мы имеем дело с кризисом системы», — говорит докладчик. Поэтому реформы не роскошь, а насущная необходимость. Люди видят отрицательные последствия ничегонеделания, видят, что без перестройки будет катастрофа. Однако очевиден контраст между тем, что говорится, и тем, что делается (или не делается). Разговоры о перестройке не подкреплены структурными изменениями.

Докладчик привел воображаемый диалог между пессимистами и оптимистами:

«Оптимист. Руководство связало свою судьбу с серьезными изменениями, они должны последовать!»

Пессимист. Не обязательно, ведь НЭП был серьезней, а все равно повернули вспять!

Оптимист. Да, но НЭП был сознательным временным приемом.

Пессимист. А теперь сам Горбачев говорит, что перемены возможны лишь в рамках системы.

Оптимист. Да, но рамки эти можно незаметно расширить...

Спор разрешат результаты. Пока их нет, и лозунги перестройки уже начинают вызывать насмешки».

Говорить о том, что режим уже начал переходить от тоталитарного к авторитарному только на том основании, что в советской печати много самокритики, еще весьма преждевременно. Только если будет введена трехсекторная экономика, с настоящей частной и настоящей кооперативной собственностью, станет возможным социально-экономический плюрализм. Плюрализм форм собственности со временем повлечет за собой и политический плюрализм. Докладчик считает, что обратный путь, путь немедленного перехода к политическому плюрализму без предварительной перестройки экономики не реален.

По окончании своих выступлений первые три докладчика ответили на письменные вопросы аудитории. К сожалению, для ответов на многочисленные вопросы по докладу А. М. Югова не хватило времени.

*

Деловая часть конференции закончилась в 18 часов, после чего у стола с закусками происходила дружеская встреча. В 19.30 началась концертная программа, в которой приняли участие Екатерина Кешалис-Гуро, Константин Москаленко, Олег Мостон и Ни-

на Савина; экспромтом выступила Жень Шевченко.

Конференция вызвала живой интерес среди местной русской общественности. На ней встретились представители всех трех волн эмиграции, редко общающиеся в одном зале. Приехавшие гости из Германии, из Канады, из разных городов Америки — Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Чикаго, Кливленда, Бостона, Вашингтона и многих мест в окрестностях Нью-Йорка.

Несмотря на то, что вход на конференцию был платным (цена билета — 18 долларов), в зале собралось более 250 человек. Кроме того, 50 человек, сожалея, что не могут прийти на конференцию, прислали пожертвования в размере до 500 долларов. Михаил Николаевич Зарудский призвал участников конференции сделать пожертвования в Фонд Свободной России для помощи семьям политзаключенных в Советском Союзе. Аудитория откликнулась на этот призыв: тарелочный сбор дал 1.411 американских и 30 канадских долларов. Кроме того, успешно шла торговля книгами у стола коммерческого представителя ПОСЕВ-США, которым руководит Г. С. Валк. Члены трех местных групп НТС в районе Нью-Йорка обеспечили организационную сторону конференции. Благодаря стараниям издательства "Посев", каждый из участников конференции получил бесплатный экземпляр ноябрьского номера "Посева" и 141-го номера журнала "Грани".

Общая атмосфера на конференции была приподнятой и дружелюбной. "Голос Америки" на русском языке дал развернутый репортаж о конференции "Посева" в Нью-Йорке.

Квартальный «ПОСЕВ»

Ежеквартальный журнал, выходящий большим тиражом и содержащий избранные, интуитивно отобранные из трех текущих номеров еженедельного «Посева». Фотографии на обложке. Вязкое минимальный формат (15х21 см). Увеличенное число страниц (в среднем 120). Тонкая бумага. Убедительный шрифт.

Квартальный «Посев» предназначен для переправки в Россию и для распространения среди граждан СССР, временно находившихся за рубежом. Имеющие возможность распространять журнал могут получить его бесплатно, обратившись по адресу издательства «Посев» к А. А. Кандиурову.

Журналу «Грани» — сорок лет

От редакции

Первый номер „Граней” вышел в июле 1946 года. В связи с сорокалетием журнала А. М. Югов (член редакционной коллегии журнала „Посев”) взял интервью у долголетьего редактора журнала „Грани” Е. Р. Романова (бывшего редактором совместно с С. С. Максимовым и Б. В. Серафимовым в 1946 году, а затем единоличным редактором с 1947 по 1952 и с 1955 по 1961). В этом интервью затронуты вопросы истории возникновения и творческого пути „Граней”, трудности и успехи журнала, возникшего в беспросветных, казалось бы, условиях послевоенной Германии, и нашедшего затем свою основную задачу в том, чтоб быть журналом литературы и общественной мысли, тесно связанным с жизнью в России. Полностью интервью опубликовано в № 141 журнала „Грани”, начавшего выходить под редакцией Екатерины Алексеевны Брейтбарт-Самсоновой.

Журналы „Грани” и „Посев” всегда объединяло основное и общее — быть неразрывно связанными с теми силами в России, которые неустанно, сменяясь в поколениях, пробивают путь к духовному, гражданскому и историческому возрождению нашей страны.

Мы поздравляем нашего юбиляра, сотоварища и уверены, что журнал „Грани”, занявший свое место в нашей своеобразной и духовно неистребимой российской культуре, продолжит свой путь в Россию, впитывая и отражая ее современные творческие и духовные поиски, а также собирая и передавая России творчество ее зарубежья.

Для ознакомления наших читателей с творческим развитием „Граней”, мы публикуем отрывки из интервью с Е. Р. Романовым, из его „программной статьи” в первом номере журнала, определившей в 1946 году духовный смысл названия журнала — „раскрыть и проявить светлые грани души”. Публикуем также некоторые материалы из журнала „Грани” № 1, 1946.

Редакция журнала „Посев”

Интервью с Е. Р. Романовым

— Евгений Романович, Вы стояли у истоков возникновения „Граней”. Расскажите, пожалуйста, в каких условиях возник журнал? Какие цели ставили организаторы 40 лет назад?

— Журнал появился в условиях совсем особого мира. Представьте себе разрушенную Германию первых послевоенных месяцев. Несколько сот тысяч беженцев из Советской России, уцелевших от войны, немецких лагерей и репатриции в СССР. Или, как их тогда называла советская пропаганда, — „перемещенные лица”. Сосредоточены они были, в основном, в беженских лагерях, лишь небольшая часть — на частных квартирах, в немецких семьях. Человеческая масса, отрезанная от всего мира, от какой-либо информации. Стремление узнать, что происходит в мире, — огромно. Во многих лагерях издают информационные листки, а в Менхегофе, наиболее крупном беженском лагере, появился еженедельник „Посев”. Странно, но факт: у людей, живущих под дамокловым мечом выдачи, заметное стремление к литературному самовыражению. В одном лагере издают ротаторный сборничек стихов,

в другом, в лагерном бюллетене, печатают какие-то рассказы и т. д. В Менхегофе, который тогда был как бы культурным центром для всех беженских лагерей в Германии, возникла идея создать литературно-художественный журнал.

Первые три номера были иного, большего, чем теперь, формата, с рисунками внутри. Тонкие, в 50—60 страниц. Это объяснялось и техническими трудностями: набор был ручной, а не линотийный. Так же, впрочем, как и лагерные номера „Посева”.

Точно я уже не помню, но идея, кажется, исходила от С. С. Максимова. Он был молодым (23—24 года), энергичным, считал себя писателем, — потом он в этом убедил и других. Очень талантливым был человек, к сожалению, рано ушел из жизни. Он с первого курса литфака за анекдот попал в лагерь. Сидеть ему предстояло долго, но его выпустили по просьбе Николая Вирты, обращенной к Сталину. Сергей был братом жены Вирты. Но лагерь оставил след — блатные манеры и алкоголизм. К началу войны он жил в Смоленске, попал под немцев, потом по-

ехал в Германию, после войны не захотел возвращаться.

Начинал он, как многие, со стихов, но вскоре перешел к прозе... Его „Денис Бушуев” в двух томах¹ (второй том назывался „Бунт Дениса Бушуева”) вышел в Чеховском издательстве. Там же вышла книга его лагерных рассказов „Голубое молчание”. Его книги были очень популярны в пятидесятых-шестидесятых годах. Умер он в США в 1967 году.

Б. В. Прянишников отвечал за политическо-публицистическую часть журнала. Я же вошел... ну, во-первых, потому, что это меня интересовало, я и название журнала придумал. А во-вторых, как бы официально: я заведовал культурно-просветительным отделом лагеря, по советскому образцу — „министерством культуры”... В первую редколлегию вошли еще и художники — Мишаткин² и Крутько, так как журнал иллюстрировался.

В лагере Менхегоф вышли три номера. Затем лагерь был подвергнут политическому давлению. Дружно старались и унровская³ и советская миссии. Советские репатриационные миссии как волки бродили вокруг лагеря Менхегоф, как чуяли, что там рождалось. Сначала запретили все издания на территории лагеря, в первую очередь, конечно, „Посев”. Затем вообще запретили издательскую деятельность без разрешения военных властей. А потом лагерь начали „чистить”, изгонять „антисоветские элементы”. И в начале 1947 года многих расселили по разным городишкам Германии.

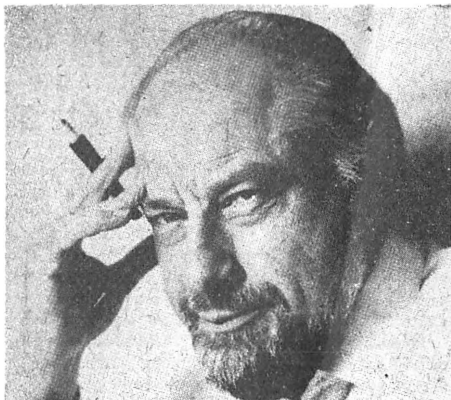
Постепенно удалось снова все наладить. Мы получили лицензию от американских военных властей на издание „Посева” и стали искать типографию. Преодолев ряд трудностей, нашли ее в Лимбурге, по рекомендации Хуго Штенцеля, христианского демократа, тогдашнего издателя-редактора газеты „Франкфуртер нойе прессе”.

В мае 1947 года мы возобновили выпуск „Посева”, а потом и „Граней”. В двух ма-

1 Первый том был полностью опубликован в двойном 6—7 номере „Граней”.

2 Обложка журнала — также работа Н. Мишаткина (Н. Нико) — осталась неизменной до сегодняшнего времени.

3 УНРРА — организация, опекавшая материально и юридически так наз. „перемещенных лиц”. Многие работники УНРРА по наивности были настроены просоветски. Но и агенты случались.

леньких комнатках при типографии было тогда все наше издательство и оба журнала.

К счастью, мы сделали правильный шаг и сразу же стали сотрудничать с хозяином типографии на коммерческой основе, хотя могли издавать журнал как бы в счет репараций, так как имели американскую лицензию. Хозяин типографии Вольфганг Шмидт, христианский демократ, стал нашим другом. Впоследствии, когда у нас, после денежной реформы, не было денег, он целый год печатал „Посев” в долг.

Надо пояснить тогдашнюю нашу ситуацию. До денежной реформы 1948 года валютой были сигареты и кофе. У „перемещенных лиц” в лагерях этой „валюты”, благодаря американскому снабжению, было в избытке. Покупатели наших изданий были богатыми. Но после реформы и выпуска новых денег кофе и сигареты перестали быть „валютой”, их можно было купить в любом магазине по нормальной цене. А денег-то у „перемещенных лиц”, живущих в лагерях, не было, поскольку они не работали. Так рухнула финансовая база всех русских (и других эмигрантских) изданий в Германии. К моменту денежной реформы НТС имел пять различных издательских точек в Германии. При создавшейся обстановке, приложив все усилия, можно было сохранить лишь одну — выбор тогдашнего руководства НТС пал на „Посев”.

Вернемся к „Граням”. С 4-го номера журнал „Грани” принял нынешний вид (немного большего формата), то есть традиционную форму русского „толстого” журнала. Он выходил нерегулярно, сначала из-за трудностей

с бумагой, с набором, потом из-за материальных трудностей. Затем стало легче, мы приобрели линотип, линотипысты были квалифицированные, имевшие большой опыт на советских предприятиях. Поэтому „Посев” (он тогда был еженедельником) набирали быстро, а остающееся время набирали „Грани”, затем стали выпускать и книги.

— Когда начался выход „редакционных интересов” за пределы Германии?

— Первые контакты с довоенными эмигрантскими литературными кругами начались уже после денежной реформы 1948 года в ФРГ. Тогда начались и поездки за пределы Германии, в Париж. Хотя получить визу было очень трудно. Я впервые побывал в Париже в 1950 или 1951 году. Встречался тогда с Мельгуновым, Сургучевым, Зайцевым, Туроверовым и др. Тогда мы по сути дела впервые познакомились с „Вестником РСХД”, „Новым журналом”, „Возрождением”. По части знания эмигрантской литературы, русских довоенных журналов мы ведь все были малограмотными. Да и откуда было знать?

У парижан контактов с заграницей, с Америкой было несравнимо больше. И культурный уровень авторов был намного выше. Меня там принимали как редактора „Посева”, редактора „Граней” — это уже было понятие. Нас признавали, хотя и с известной долей снисходительности.

— „Грани” — детище исключительно послевоенной волны эмиграции. Но как они развивались в дальнейшем, когда коммуникации, связи между разными группами в разных странах стали налаживаться?

— Тут наступил следующий этап, который я связываю с именами Л. Д. Ржевского и уже Н. Б. Тарасовой, ставшей при нем секретарем редакции. Была она тогда молодой, полной сил и энтузиазма. Они начали этот этап, привлекая все лучшее, что оставалось от довоенной эмиграции, а также перебежчиков, число которых было немалым. Ведь послевоенная эмиграция — „вторая волна”, как теперь говорят, — прозаиков дала очень мало. Такие вещи, как „Берлинский Кремль” Климова или „Завоеватели белых пятен” Розанова — это скорее воспоминания, мемуарная литература. Поэтов „вторая волна” дала больше.

Задача была привлечь лучшее из оставшихся писателей из первой эмиграции. С этой целью и Л. Д. и Н. Б. ездили в Париж, знакомились с теми, кто еще был в живых. Так на страницах „Граней” появились „под занавес” имена Бунина, Зайцева, Тэффи, Ремизова, Сургучева. И, конечно, поэтов „парижской школы” — Нарциссова, Терапиано, Рафальского. Тут стоит напомнить, что Ю. Терапиано проделал для „Граней” исключительную работу — составил сборник „Муза диаспоры” — избранные стихотворения зарубежных поэтов 1920—1960, включающий стихи 70-ти поэтов. Эта подборка была полностью опубликована в № 44 „Граней”, потом издана отдельным сборником и стала сейчас библиографической редкостью. Эти парижские контакты отразились и на публицистике.

Так что „Грани” сыграли определенную роль в деле слияния культур — очень высокой культуры дореволюционной — первой эмиграции — и гораздо менее высокой (что естественно, учитывая все обстоятельства) пореволюционной — второй эмиграции.

Постепенно, однако, этот источник русской культуры начал иссякать. Было очевидно, что нужно искать новые пути. Кроме того, в духе всей организации НТС, поиск все больше направлялся на Россию, в метрополию — поиск и писателя, и читателя. Здесь речь идет уже, примерно, о второй половине пятидесятих годов...

— Когда Вы опять стали главным редактором? 1955—61 гг.?

— Да. Тут мы занялись двумя вещами. Во-первых, поисками всего живого, что было тогда в советской литературе, в публицистике. Этим очень успешно и с большим чутьем занималась Наталья Борисовна. Это совпало как раз с „оттепелью”. Началась эпоха „Нового мира”, с которым мы в какой-то мере конкурировали.

— В чем заключалась эта конкуренция?

— Мы считали, что те рамки, которые Твардовский сумел отстоять (они достигли апогея с публикацией солженицынского „Ивана Денисовича”), те надежды, которые были связаны с этим, непрочны. И они не приведут к кардинальному изменению режима. Фактически, мы придавали литературе большее революционное значение, имея пе-

ред глазами „Клуб Петефи” в Венгрии 1956 года. Такое отношение к литературе, кстати, нашло отражение и на страницах „Феникса” в стихах молодых поэтов. Как это там? „Нет, не нам разряжать пистолеты / В середине зеленых колонн, / Мы для этого слишком поэты, / А противник наш слишком силен... / Нет, не нам поднимать пистолеты! / Но для самых ответственных дат / Создавала эпоха поэтов, / А они создавали солдат” (Н. Нор, „Грани” № 52).

Вообще вся атмосфера того времени была насыщена стремлением к радикальности, было убеждение в том, что Венгерская революция привела бы к короткой и быстрой победе народа, если бы не вмешались советские танки, и высоко оценивалась роль рабочих в этой революции.

Это то, что отразилось и на настроениях в Советском Союзе. Деятельность же Твардовского была направлена на расширение возможностей при сохранении существующего порядка. Дело даже не в самом Твардовском, заслуги которого перед русской литературой и обществом неоспоримы. Дело в том „новомирском духе”, в той иллюзии, которая распространялась — вот открывается путь к высвобождению. Отсюда и „уважайте собственную конституцию” родилось. Между тем, власть гебистскими сапогами начала топтать эти иллюзии, растоптав заодно и Твардовского. Да и не его одного. Это, повторю, не уменьшает его заслуг, но мы обязаны были идти дальше.

Тогда же как раз была эта моя статья, которую Соболев цитировал, выступая перед московскими писателями на съезде — „Подвиг молчания”. Она появилась в „Посеве” и была связана с литературными процессами. Это был призыв к советским литераторам по меньшей мере не лгать, печататься в обход цензуры. Тогда же в „Гранях” была публикация стихов Пастернака из „Доктора Живаго”. Одновременно мы начали издавать „Письма Гранией”, которые методом „Стрелы” (то есть по обычной почте) посылали по адресам советских писателей. Эти письма имели довольно большой отклик. В „Гранях” появилась даже рубрика „Отклики из Советского Союза”, частично это были отклики на эти письма — официальные отклики писателей и неофициальные отклики... Это был период тесной связи журнала с внутрисоветскими литературными и околосоветскими литературными процессами. Эта связь в последу-

ющие годы ни в коей мере не прекратилась, но приняла другие формы — личных контактов, личных связей. Известность журнала и издательства достигла к этим годам такого уровня, что это стало возможным. Уже в стране начала проявляться инициатива пересылки в журнал рукописей, статей, сборников и пр.

— В эти годы и возникло явление Тамиздата?

— Да, мы говорим сейчас уже о начале шестидесятых годов. Если не считать Пастернака, — „Доктор Живаго” и события вокруг романа были исключительным явлением, он сам передал рукопись итальянскому издательству Фельтринелли, — то фактически Тамиздат начался с Нарицы, Есенина-Вольпина и Тарсиса. Пастернак был бесспорной фигурой, о нем все знали. Существование же Нарицы и Тарсиса вообще отрицалось, „Грани” и „Посев” обвиняли в том, что мы выдумали этих людей. Но к середине шестидесятых годов уже всем стало ясно, что в Советском Союзе есть литераторы, которые готовы публиковаться за рубежом под своим именем.

Конечно, почва для этого была подготовлена в России, прежде всего молодежью. Но „Грани” открыли свои страницы для таких публикаций, как „Синтаксис”, созданный Александром Гинзбургом, „Феникс”, созданный Юрием Галансковым, затем „Сфинксы”, „Русское слово” и др. Напомню еще „Манифест СМОГ”. Новое поколение выходило на сцену. Со своими взглядами на жизнь. Идущее другим путем, чем Евтушенко и „оттепельное” течение. Галансков, Гинзбург, смогисты открывали путь в будущее, платили дорого, но не шли на „оттепельные” компромиссы.

Я считаю важнейшей заслугой „Граней”, что они уловили значение этого движения молодежи и, при оперативной помощи НТС, сделали все, чтобы эта молодежь, это движение через „Грани” себя выразило...

— Как воспринимался в тоще эмиграции, в кругах западной общественности ваш „поход в Россию”, связанный, естественно, с нелегальными формами?

— Сами действия, поскольку они были не очень известны, особенно не обсуждались. Но последствия их обсуждались и вызывали в известной части эмиграции и иностранного

мира обвинения в том, что мы, печатая произведения под именами авторов, вообще называя имена, подводим людей. Выдвинутый нами тезис: „Гласность — лучшая защита” — вызывал довольно сильные критические замечания в наш адрес.

— Какие известные произведения советских писателей впервые увидели свет в „Гранях”?

— Ну, например, первая публикация „Собачьего сердца” Булгакова была в „Гранях” (№ 69). Первая часть „Ивана Чонкина” Войновича, „Все течет” Гроссмана, третья и четвертая части „Семи дней творения” В. Максимова, „Четвертая проза” Мандельштама, „Фотограф Жора” Окуджавы, „Котлован” Платонова, „Крохотки” Солженицына, глава из „Ракового корпуса”, „Гадкие лебеди” Стругацких, рассказы Шаламова, „Реквием” Ахматовой, стихи из „Доктора Живаго” Пастернака, стихи Коржавина, Бродского, Горбаневской, Окуджавы, Галича, Ратушинской, „Тетрадь стихов из России” (№ 47), произведения Вл. Корнилова, Солоухина, Бородина, Владимова, Канделя⁴...

— В какой мере на „Гранях” отразился процесс выезда многих, или, скажем, даже почти всех советских писателей, активно печатавшихся за рубежом до своего выезда? Создало ли это кризисную ситуацию в журнале, учитывала его нацеленность на авторов внутри страны?

— В известной мере. Однако еще в 1980—1982 гг. в „Гранях” опубликованы такие произведения, как „Третья правда” и „Гологор” Л. Бородина, „Шестой солдат” и „Не обращай внимания, маэстро” Г. Владимова, „Ловушка” Л. Тимофеева, „Каменщик, каменщик...” Вл. Корнилова, „Колокол” и „Первое поручение” Вл. Солоухина, „Тоска по Армении” Ю. Карабчиевского, поэма „Семеро” Виктора Сосноры, стихи Ирины Ратушинской. Были материалы из России и в других отделах.

Но в 1983—85 гг. из номера в номер количество материалов из России уменьшалось. Это связано, однако, не только с выездами авторов — из перечисленных выше лишь один Г. Владимов попал в эмиграцию. И не

только с арестами. Проблема глубже. Но мы к ней еще вернемся.

Что касается авторов, ранее печатавшихся в „Гранях”, а после выезда (или даже до него) начавших публиковать свои произведения в других журналах, то это нормальный процесс в эмиграции, где существует сейчас много разных журналов, есть выбор. Материальная сторона дела тоже играет роль: до недавнего времени „Грани” платили гонорар в размере трех марок за страницу.

Следует еще отметить, что некоторые, особенно молодые писатели, ищут выхода в иностранную среду, даже пытаются приспособиться к ней в ущерб своим творческим возможностям. ...

— Поток материалов из страны в последние годы сильно обмелел. Это факт, существенный для всех журналов эмиграции. Однако для „Граней” с их нацеленностью на читателя внутрироссийского, это особенно болезненно. Как Вы видите в связи с этим будущее журнала?

— Если говорить о писателях, то кризис, действительно, налицо. Одни авторы уехали из страны. Другие сидят — в лагерях, тюрьмах. Третьи печатаются в рамках послаблений, не очень кривя душой при этом, особенно если они пишут на „допустимые” темы. Четвертые ждут — ждут изменений, которые могут повести к расширению рамок для творческой свободы. Положение действительно трудное, трудное не только для литературно-художественного журнала, но и для издательства, ориентирующегося на произведения писателей, живущих в России.

Очевидно, решение надо искать в большей гибкости. Не стоит, наверное, строго держаться за определение „литературно-художественный журнал”. Если нет „большой”, настоящей литературы, то печатать эрзацы, лишь бы они подходили по жанру, не стоит. Но есть достаточно материалов другого рода — мемуарные произведения, причем не только исторические, очерки, публицистика. Возможно, какое-то время будет крен в эту сторону. Нужно усилить отдел библиографии, стараться сделать его для читателя в России компасом среди того множества книг, которое появляется на русском языке в эмиграции. И обратить больше свой взгляд на публикующееся в России, как мы это делали во второй половине пятидесятых годов. Следить за творческим процессом в стране — это сегодня одна из наиболее важных задач журнала.

4 Добавим еще авторов публицистических статей из России, как, например, В. Осинов, А. Петров-Агатов, Ю. Галансков, И. Русланов (Б. Евдокимов), автор исторического эссе „Молодежь в русской истории”, и др. — Ред.

Венгерской революции — тридцать лет

Я. ТРУШНОВИЧ

Один из наиболее талантливых советских журналистов, В. Песков, объездил этим летом Венгрию и поместил о ней в „Комсомольской правде” ряд статей — восторженных и в достаточной мере откровенных. Цель его командировки и появившихся после нее статей ясна — показать, как вследствие экономических послаблений жизнь в Венгрии изменилась к лучшему, и посоветовать вождям Советского Союза, не опасаясь, стать на „венгерский путь”. Во всяком случае — в экономике.

Но откровенность в статьях не распространяется на главную причину того, почему диктаторы попускают венграм, не решаются их слишком зажимать. Только в одном месте (а может, были и в других, да вымарали?) у Пескова старый мастер-литейщик роняет об этом полфразы: „Вы ведь знаете, что у нас было в 56-м...”.

Песков-то знает. И венгры, с которыми он встречался, знают. И знают советские „верхи”. Но молчат. А почему, собственно говоря? Ведь за эти 30 лет выросло новое поколение „простых советских людей”, питающихся дезинформацией — многие из них и не ведают, что было тогда в Венгрии на самом деле. Это их незнание можно было бы использовать, тем более что новый генсек ратует за гласность — за такую, естественно, которая нужна ему и его команде.

Можно было бы написать, что жили-были плохой сталинист Ракоши и ужасный бериевец Фаркаш, которые расстреляли хорошего коммуниста Райка, посадили в тюрьму и вырвали ногти у доброго тов. Кадра, исключили из партии честного тов. Нада. Но народ, верный заветам незабвенного Бела Куна и Венгерской Советской Республики 1919 года, в обстановке революционного подъема... Одним словом, можно было бы попытаться впрямь Венгерскую революцию 1956 года в телегу советской пропаганды — как уже не раз делали с другими событиями. Сказать, что венгры подняли революцию во имя хорошего коммунизма и стремились примерно к тому, к чему стремится сегодня Горбачев.

Ведь не побоялся же он в своем хабаровском выступлении сказать, что сегодня у нас нужны революционные действия.

Но на это вожди не решаются. Предпочитают совсем не упоминать. А если и упоминать, то вот такими намеками — или повторяя старые выдумки о капиталистах и монополистах, прокравшихся в Венгрию из-за границы с ядом и шприцами. Вождям до сих пор страшно: не повторилось бы...

*

Смерть Сталина потрясла в первую очередь Советский Союз. Восстали заключенные в лагерях Воркуты, Норильска, Кенгира, Караганды. Прокатилась по России волна забастовок, всколыхнулись Армения, Грузия. В оккупированной части Германии 17 июня 1953 года вспыхнуло восстание, которое с правом можно назвать революционным.

Вторая волна событий прошла в 1956 году, когда стало ясно, что десталинизация — такой, как ее ожидали люди, — не будет, что ненавистная диктатура самораспускается, отнюдь, не собирается.

В середине июня 1956 года рабочие Познани послали в Варшаву делегацию с требованием отменить завышенные нормы выработки. В Варшаве не придумали ничего лучшего, как арестовать делегатов. И 28 июня в Познани на заводе им. Сталина началась забастовка. (Символическое совпадение: в 1953 году в Берлине события начались с демонстрации каменщиков на аллее им. Сталина.) Через несколько часов забастовка охватила весь город и переросла в восстание: рабочие освободили заключенных, а здание тюрьмы сожгли. Выбросили лозунги: за хлеб, за свободу, за демократию, за вывод советских войск из Польши, против коммунистической власти.

Рабочие вооружились — милиция зачастую добровольно передавала им оружие. Штурмовали городскую ратушу, здание партийного комитета, вывели из строя радиоглушители, во всем городе сорвали коммунистические лозунги. Кровь начала литься, когда вос-

ставшие подошли к зданию польской ГБ и перепуганные чекисты открыли по ним огонь. В город были брошены войска и около 200 танков польской армии, причем несколько из них сразу оказались в руках повстанцев.

Забастовки и стычки с властями были также в Гдыне, Гданьске, Щецине, Кракове, Лодзи, Катовице и других городах.

С немалым кровопролитием коммунистические власти смогли подавить восстание поляков, но отнюдь не усмирить их. В 1956 году рабочие на подавление освободительного движения ответили забастовками и поджогами государственных предприятий: газета „Жиче Варшавы” признала, что только за три месяца 1956 года было 4 900 поджогов. В конце концов в октябре месяце ПОРП была вынуждена убрать из правительства „сталинцев” и передать власть группе более умеренного Гомулки — несмотря на сопротивление руководства КПСС (так, Хрущев орал на Гомулку: „Я вообще не знаю, кто вы такой!” — на что тот отвечал: „Я Гомулка, которого вы посадили в тюрьму!”).

Примерно в то же самое время, когда проходило восстание в Польше, в Праге был раскрыт заговор бывших чехословацких офицеров, а на фабриках, в том числе и на фабриках „Батя”, одной из крупнейших фирм Чехословакии, прошли многолюдные митинги и демонстрации. По всей Чехословакии прокатилась волна арестов, что, вероятно, спасло власть от событий, похожих на познанские.

В то время и в Венгрии начало прорываться наружу накопившееся недовольство. Клуб им. Петефи организовал в Центральном доме Народной армии дискуссию, во время которой резко критиковалось правительство. Особенно ярко выступали два известных писателя, Тибор Дери и Тибор Мераи, говорившие, что власть заставляет молчать свободное слово и подавляет свободную мысль. Дери закончил свое выступление словами: „Пора покончить с полицейско-бюрократическим режимом! Я считаю, что Венгрии нужна новая революция!”.

Вначале с открытой критикой выступали старые члены компартии. Поэтому власти решили пойти по „польскому” пути: провести кое-какие внутрипартийные „реформы”, в надежде, что недовольство сойдет на нет. Был снят ненавистный Ракоши. Труп пове-

шенного Райка перенесли на почетное кладбище — в присутствии 200-тысячной толпы.

Однако успокоения не наступило и среди партийцев. 20 октября 3000 молодых венгров демонстративно и коллективно вышли из комсомола и создали Независимый союз молодежи, который сразу же сформулировал свои требования: назначить премьер-министром исключенного из партии Имре Надя; отдать под суд чекиста Фаркаша; пересмотреть все предыдущие политические процессы; отменить смертную казнь; освободить политических заключенных и добиться также освобождения венгров, находящихся в советских лагерях; назначить всеобщие выборы при участии нескольких партий; отменить цензуру; допустить свободный ввоз западной литературы; восстановить свободу заграничных поездок; восстановить самоуправление в университетах; отменить обязательное изучение марксизма; и, естественно, поднять жизненный уровень населения. 22 октября студенты организовали митинги, на которых провозгласили перечисленные выше требования.

23 октября клуб им. Петефи организовал в Будапеште и Дьере митинги солидарности с поляками, на которых было заявлено, что венгры требуют того же, что требует польский народ. В Будапеште на улицы вышло свыше 100 тысяч человек. Демонстранты забросили на памятник Сталина тросы, подрезали автогенами, и идол рухнул. Народ стал сбрасывать со зданий красные звезды. Эти, полные символики, действия и были, вероятно, моментом, когда народные волнения превратились в народную революцию. Первую кровь пролили и здесь местные чекисты, открывшие огонь по невооруженным еще восставшим, когда те стали проникать в здание радиостанции. Восставшие начали вооружаться, с помощью батальона венгерских солдат был захвачен склад оружия.

Восстания вспыхнули в Дьере, Татабанье, Дебрецене, Сегеде, по всей стране. Венгерские военнослужащие присоединялись к восставшим. Советские части, находившиеся в Венгрии уже несколько лет и поддерживавшие контакты с населением, если и участвовали в действиях против восставших, то крайне неохотно. Многие командиры советских частей объявили нейтралитет. Так, например, представители Революционного комитета в Дьере рассказали группе НТС, прибывшей туда с председателем Берлинского

комитета им. А. Трушновича О. Красовским (в Дьер они пригнали автобус с продовольствием и медикаментами), что командующий советской дивизии, расположенной там, заявил им, что у него испортились все средства связи. Поэтому он не имеет возможности принимать приказов от своего командования — и не намеревается что-либо предпринимать против восставших.

К ужасу венгерских и советских вождей, советские солдаты начали переходить на сторону венгров — вместе с оружием, а иногда и танками и боевыми машинами. Так, в Килян-казармах, которые впоследствии обгорелись до последнего патрона, погибло около сорока наших солдат, сражавшихся на стороне восставших. А после подавления революции нашу редакцию посещал ушедший на Запад венгр, командовавший отрядом. Он рассказал нам, что к его отряду перешло 30 советских военнослужащих. Понимая, что еще немного, и к революции присоединятся расположенные в Венгрии советские дивизии, советское руководство стало спешно отводить войска из Будапешта, а 28 октября новый премьер-министр Венгрии Надь заявил, что советские войска вообще будут выведены из страны. „Эта система была сметена народом“, — сказал тогда, выступая по радио, глава венгерской Церкви кардинал Миндценти.

К сожалению, ненадолго. Когда командующий восставшими венграми генерал-майор Пал Малетер отправился к советским представителям, чтобы договориться о технической стороне вывода советских частей, он погиб, попав в ловушку, устроенную ему советским послом, небезызвестным тов. Андроповым Ю. В. На крови Малетера и построенная была дальнейшая карьера будущего генсека КПСС.

Одновременно в Венгрию начали вводить новые советские части. Военнослужащие этих частей были тщательно дезинформированы — многие сперва даже не знали, в какой стране находятся. Некоторые, указывая на Дунай, спрашивали, не Суэцкий ли это канал — на политзанятиях им объяснили, что англичане, французы и израильтяне двинули свои войска к Суэцкому каналу.

Разгорелись жестокие, кровопролитные бои, и венгры, брошенные на произвол судьбы, снова оказались в плену у коммунистических диктаторов.

*

С тех пор прошло 30 лет, и многие могут сказать, что все это было и былым поросло. Нет, не поросло. Революцию 1956 года не забывают и не забудут — ни коммунистические вожди, ни венгры. И сегодня, хотя об этом вслух не говорится, она продолжает служить своему народу, хотя бы уже тем, что диктаторы вспоминают ее со страхом и не препятствуют венграм проводить у себя реформы — пусть небольшие и кучные, но все же приводящие в восторг посетителей из СССР.

История, конечно, ничему не „учит“. Но она дает материал для размышлений и позволяет делать некоторые заключения. Например, такое: то, что поляки живут сегодня лучше, а главное, свободнее, чем наш народ, что правители Венгрии не могут не идти на уступки и венграм живет сегодня несколько легче, чем советским гражданам, все это наряду, конечно, с многими другими причинами — и следствие событий 1956 года, следствие того, что поляки и венгры на деле показали, что против коммунизма и его уродливых и преступных проявлений они готовы стоять с оружием в руках.

И еще одно заключение: если бы восставшие меньше занимались безнадежными призывами о помощи к Западу, а с самого начала организованно устремили все свои усилия на братание с русскими, на то, чтобы побудить советских солдат и офицеров выступить на стороне революции, — многое в социалистических странах, включая нашу, было бы сегодня по-другому.

НТС пытался говорить об этом с нашими солдатами, однако, не по своей вине, потерял много драгоценного времени: Австрия не пропускала листовки, предназначенные для Венгрии. Такого даже ко многому привыкшие переводчики НТС не ожидали. Пришлось переправлять листовки нелегально и уже не в тех количествах, какие требовались. И когда, наконец, эти листовки стали распространять в Будапеште, там уже орудовали особые части, шла расправа.

Кардинал Миндценти, получив одну из этих листовок, сказал: „Да, это могло бы все повернуть!“ И добавил: „Венгерскую революцию делали венгерские рабочие, подработки — и русские солдаты, перешедшие на нашу сторону!“.

Корень русской культуры

(К 100-летию Г. П. Федотова)

Роман РЕДЛИХ

„Очень много у нас пишется о наших корнях, корнях русской культуры, но очень мало делается для того, чтобы по-настоящему рассказать широкому читателю об этих корнях, а наши корни — это не только древняя русская литература и русский фольклор, но и вся соседствующая нам культура. У России, как у большого дерева, большая корневая система и большая листовая крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев. Мы не знаем о себе самых простых вещей. И не думаем об этих простых вещах”.

Так пишет академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, 1906 года рождения, беспартийный, исследователь древнерусской письменности и признанный патриарх движения, которое кое-кто (может быть, забега вперёд) уже называет „русской партией”.

Безусловно, Лихачев прав. Мы сегодня многого о себе не знаем больше. За короткий период партнократического управления мы почти забыли свою тысячелетнюю историю, мы знаем о ней главным образом из партийных фальсификаций, и вопрос, который встал со дня ленинского переименования России сначала в РСФСР, а затем в СССР, стоит перед нами и сегодня: А что такое Россия, существует ли она еще? Или то, что было Россией и в самом деле превращено в царство реального социализма, в безликий конгломерат народов, не помнящих родства и не знающих собственного прошлого?

Тысячу лет тому назад в нашей истории произошло событие, которое советская историография стремится всячески преуменьшить, — крещение еще только зарождавшейся тогда Руси в христианскую православную веру. Между тем именно этой вере суждено было стать костяком ориентации и благочестия нашего народа, корнем его культуры. Ибо исповеданием веры, а не чем либо иным определяется лицо человека и лицо народа, к которому он принадлежит.

Новое поколение современной России свободно от многих предрассудков. Оно хочет и может по-своему и по-новому оценить положение нашей страны. И оно начи-

нает понимать, что получило тысячелетнее наследство, которое нужно привести в порядок. Помочь ему в этом — нужное и важное дело. Ему мы хотим посвятить ряд статей под рубрикой „Тысяча лет России”, излагая нередко позабытые или замурованные в спецхранах мысли и взгляды русских людей о судьбах своей страны и народа.

Г. П. Федотов о славянском Евангелии

Георгий Петрович Федотов (1886—1951) — одна из ярких фигур так называемой „первой русской эмиграции”, той мощной волны русских людей, которые покинули родину, протестуя против большевистской революции. Федотов — сын своего времени. В самом начале нашего века он, вместе с рядом других мыслителей его поколения — достаточно назвать здесь хотя бы Бердяева, Булгакова, Струве и Франка — проделал свой путь от марксизма к идеализму, от участия в социалистических подпольных кружках к христианскому обращению и — уже в эмиграции — к преподаванию в Парижской духовной академии.

Федотов почти тотчас же после захвата власти большевиками написал статью „Лицо России”. Вот отрывки из нее, в голодном Петрограде 1918 года выразившей мысли и чувства уже однажды побывавшего в эмиграции бывшего социал-демократа. С предельной честностью Федотов пишет:

„Мы не хотели поклониться России — царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России — самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее. И она не вынесла этой ненависти.

Теперь мы стоим над ней, полные мучительной боли. Умерла ли она? Все ли жива еще? Или может воскреснуть? Приблизилась смерть, и затененные ее крылом, мучительно близкими, навеки родными стали черты ее лица. Отвернувшись от царицы, мы возвращаемся к страдальце, к мученице, к распятой. Мы даем обет жить для ее воскресения, спать с ее образом все самые священные для нас идеалы.

Но прежде всего хочется отдать себе отчет в том, что мы нашли, что мы любим в России?"

Федотов принадлежит к описанным у Пастернака в „Докторе Живаго” идеалистическим мальчикам, которые стреляли на улицах в 1905 году — вместе с многими из наших отцов и дедов. В 1905 году ему было девятнадцать лет. За революционную борьбу с Россией, самодержавной угнетательницей, он был, по тогдашним понятиям, жестоко наказан: на целых три года выслан за границу (где, разумеется, продолжал образование). Наказание пошло Федотову на пользу. Пребывание в кайзеровской Германии открыло ему глаза на многое, и прежде всего на Россию. Об упорядоченной высококультурной буржуазной Европе он писал:

„На чужбине мы начинаем любить и раздражавшее прежде, казавшееся безвольным и бессмысленным начало народной стихии. Среди формальной строгости европейского быта не хватало нам привычной простоты и доброты, удивительной легкости и мягкости человеческих отношений, которая возможна только в России. Здесь чужие в минутной встрече могут почувствовать себя близкими, здесь нет чужих, здесь каждый друг другу „дядя”, „брат” или „отец”. Родовые начала славянского быта глубоко срослись с христианской культурой сердца в земле, которую „исходил Христос”, и в этой светлой человечности отношений, которую мы можем противопоставить рыцарской „куртуазности” Запада, наши величайшие люди сродны последнему мужику „темной” деревни.

Пусть ныне замутилась ненавистью наша человечность — мы знаем: страсть отблужует, и лицо народа просветлеет, отражая „нерукотворный лик”.

Еще недавно мы верили, что Россия страшно бедна культурно — какое-то дикое девственное поле. Нужно было, чтобы Толстой и Достоевский сделали учителями человечества, чтобы алчные до экзотических впечатлений пилигримы потянулись с Запада изучать русскую красоту, быт, древность, музыку и лишь тогда мы огляделись вокруг нас. И что же? Россия не нищая, а насыщенная тысячелетней культурой страна — предстала взорам. Если бы сейчас она погибла безвозвратно, она уже врезала свой след в историю мира — великая среди великих — не обещание, а зрелый плод. Попробуйте ее отмыслить — и насколько беднее станет без нее культурное человечество.

Культура творится в исторической жизни народа. Не может убогий провинциальный исторический процесс создать высокую культуру. Надо понять, что позади нас не история города Глухова, а трагическая история великой страны, ущербленная, изувеченная, но все же великая история”.

В Парижской духовной академии Федотов преподавал историю западной церкви и агиологию (изучение жизни святых). Он был талантливым историком, и его труды „Святой Филипп, митрополит московский”, „Святые древней Руси” и „Стихи духовные” занимают достойное место в русской исторической науке. В своей большой, нашедшей в свое время статью „Трагедия интеллигенции”, написанной в Париже в 1926 году, Федотов пытается определить, откуда пошло трагическое начало в истории России, в чем ее коренное отличие от мусульманского Востока и латинского Запада, в чем особенности ее именно русского лица?

И ответ он находит у самой колыбели нашей истории, в том событии, тысячелетие которого нам скоро уже предстоит отметить, в крещении Руси и в предварившем его переводе Евангелия на славянский язык.

Для Федотова, как, впрочем, и для любого другого историка, Киевская Русь была, конечно, лишь самым восточным из тогдашних европейских государств, но при том, благодаря близости к Византии, одним из наиболее развитых.

Между тем, однако, по словам именно Федотова „в грязном и бедном Париже XII века гремели битвы схоластиков, а в золотом Киеве, слиявшем мозаиками своих храмов, — ничего, кроме подвига пещерских инок, слагавших летописи и патерики”. „Правда, — тут же добавляет Федотов, — такой летописи не знал Запад, да может быть и таких патериков тоже”.

Федотов, — да, конечно, и не один Федотов, — объясняет это очень важное явление прежде всего наличием перевода Священного Писания на славянский язык.

„В этом наше коренное отличие, — пишет он, — в самом исходном пункте, от латинского Запада. На первый взгляд, как будто, славянский язык Церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции. Великолепный Киев XI—XII веков, восхитивший иноземцев своим блеском и нас изумляющий остатками былой красоты, — Киев создавался на византийской почве. Это, в конце концов, греческая окраина. Но за расцветом материальной и религиозной культуры нельзя проглядеть основного ущерба: научная, философская, литературная традиция Греции отсутствует. Переводы, наводнившие древнерусскую письменность, конечно, произвели отбор самонамужнейшего, практически ценного: про-

поведи, жития святых, аскетика. Но даже богословская мысль древней Церкви осталась почти чуждой Руси. Что же говорить о Греции языческой? На Западе, в самые темные века его, монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку Церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль. Стоило лишь овладеть этим чудесным ключом — латынью, — чтобы им отворить все двери. В брожении языческих и христианских элементов складывалась могучая средневековая культура — задолго до Возрождения.

И мы могли бы читать Гомера, философствовать с Платоном, вернуться с греческой христианской мыслью к самым истокам эллинского духа и получить как дар, — а прочее приложится, — научную традицию древности. Провидение судило иначе. Мы получили в дар одну Книгу, величайшую из книг, без труда и заслуги доступную всем. Но зато эта Книга должна была остаться единственной...

Когда думаешь о необозримых последствиях этого первого факта нашей истории, поражаешься, как много уясняет он в ней. Если правда, что русский народ глубже принял в себя и вернее сохранил образ Христа, чем всякий другой народ, то, конечно, этим он обязан прежде всего славянскому Евангелию. И если правда, что русский язык — гениальный язык, обладающий неисчерпаемыми художественными возможностями, то ведь это тоже и потому, что на нем и только на нем говорил и молился русский народ, не сбиваясь на чужую речь... Но этот великолепный язык до XVIII века не был орудием научной мысли".

В определенной мере Федотов, конечно, прав. Верно, что древняя Русь не знала средневековой схоластической философии, из которой родилась современная наука. Но разве культура сводится к науке и технике? Древняя Русь имела свою художественную письменность, без которой „Слово о полку Игореве" было бы просто невысказано. Она имела богатую житийную литературу и превосходное летописание. И это не говоря уже о народном творчестве, о былинах, повестях, апокрифах и духовных стихах. Своеобразие русского зодчества пробивается и сквозь византийские влияния, а русской иконописи, которую Евгений Трубецкой так точно назвал „умозрением в красках", суждено выразить поражающее своей законченностью и цельностью миропереживание, православный мистический реализм.

В русской истории, как и в истории других народов, было довольно крови и слез. Были княжеские усобицы. Были нашествия иноплемennых. Была и жестокость, и жадность, и дикость. Но в плане духовном, в

сфере идеалов и ценностей, в области религиозной веры, нравственных убеждений и политических концепций в ней царил изумительная гармония. Именно в опоре на величайшую из книг, на открытое, благодаря славянскому языку, каждому грамотному русскому Священное Писание в народе за тысячу лет истории накопился своего рода „духовный генофонд", переходящее из поколения в поколение отношение к добру и злу, к должному и недолжному...

От того, уцелело ли оно в нашем народе, зависит быть или не быть России.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

№ 141

Проза и поэзия

Владимир Кормер. Наследство (главы из романа)

Ольга Седакова. Стихи

Памяти Ольги Анстей.

С предисловием Вольфганга Казака

Современные очерки

Михаил Хейфец. Путешествие из Дубровлага в Ермак

Литературная критика

Владислав Краснов. Воскрешение Столыпина

Андрей Коржинский. Еще раз о романе М. Булгакова „Мастер и Маргарита"

История

Юрий Фельштинский. Брестский мир

„Граням" — 40 лет

От редакции

Интервью с основателем журнала

Е. Р. Романовым

Библиография

Юрий Кублановский. Жизнь и судьба Василия Гроссмана

Единство во множестве

Роман РЕДЛИХ

Пресвятая Троица

У швейцарского богослова Артура Риха в его книге о правовой государственности* есть превосходные страницы, посвященные догмату Святой Троицы. Страницы эти встроены в раздел о праведной власти Бога как Верховного Правителя мира. Для Риха солидарное единство во множестве — элемент божественной жизни... Но зачем пересказывать своими словами то, что можно просто перевести из книги Риха:

„... Если, таким образом, не следует говорить о монархической власти Бога, потому что Его естество — любовь, а следовательно, жизнь в любовном общении, то можно ли свидетельствовать о Нем в монистической системе понятий? Иначе говоря: не нужно ли искать защиты от монистического недопонимания божественного единства? Дело идет здесь о вопросе, лежащем в центре христианской веры и не могущем поэтому не быть поставленным. В богословии, во всяком случае, уже очень рано пробудилось чувство, что надо не только отмежеваться от поликратического раздробления единой Божией воли в язычестве, но и от монархического ее закрепления, как оно в образцово чистом виде проявилось в Исламе. В этом заложен, без сомнения, не единственный, но, к сожалению, еще мало исследованный мотив в формировании первохристианского учения о Троице, начальные корни которого достигают до Нового Завета. В простейшем выражении оно учит, что поклоняться следует единому Богу в трех лицах — Бога-Отца, Бога-Сына и Бога Духа Святого — и что эти три лица суть единое Существо: триничность в единстве и единство в триничности.

На фоне только что сказанного становится возможным подойти к пониманию этого древнего, для современного мышления парадоксального и удивительного догмата. В своей сути он не высказывает ничего другого, как то, что природа Божества есть жизнь диалогическая, короче говоря, любовь. Ибо любовь не бывает сама по себе; любовь существует только в отношениях. И если сущность Бога — любовь, то Он уже в Своем глубочайшем естестве, а не только в Своей обращенности к человеку, есть любовь, взаимоотношение, взаимодействие. В этом богословское содержание учения о Святой Троице.

В нем нет отречения от единобожия как такового, но есть отречение от его монистически-монархического истолкования”.

Но оставим богословие. Напомним только, вслед за прот. К. Фотиевым („Посев” № 6, 1986), что одна из главных российских святынь — Троице-Сергиевская лавра, и именно в ней для Троицкого собора была написана несравненная „Троица” Андрея Рублева и в ней хранятся слова основателя лавры, св. Сергия Радонежского: „Взирая на единство Святой Троицы, побеждать злую разобщенность мира сего”.

Пресвятая Троица пребывает в неразрывном единении, — нераздельно и неслиянно, — силою абсолютной божественной любви. Но и „в злой разобщенности мира сего” грешные люди объединяются между собой и образуют сообщества, единства во множестве, скрепленные солидарностью, даже там, где эта солидарность диктуется не любовью, а холодным своекорыстным расчетом.

„Я” и „Мы”

Многие глубокие и блестящие мысли, высказанные в русской эмиграции, остались незамеченными в России и в мире исключительно потому, что они были высказаны в изгнании. Будь Россия свободна, это, несомненно, было бы иначе. Одна из таких мыслей, скажем больше, одно из значительнейших философских открытий нашего века — написанный еще в 1925 году этюд изгнанного в 1922 году из России профессора Франка, озаглавленный „Я и Мы”. Анализ взаимоотношения понятий Я и Мы, сделанный в этом этюде, он повторил потом вкратце в своей книге „Духовные основы общества”, сыгравшей решающую роль в философском обосновании российского солидаризма, как его понимает Народно-Трудовой Союз и как он выражен в „Программе НТС”.

Франк не называл себя солидаристом, и книга его вышла до того, как НТС стал солидаристической организацией. Но именно франковский анализ исконной слитности

* Arthur Rich, Radikalität und Rechtsstaatlichkeit.

„я” и „мы” лег в основу российского солидаризма, как мы его понимаем, позволил подвести под него философский фундамент, которого не хватало и не хватает его европейским редакциям.

„Новая западноевропейская философия, начиная с Декарта, — пишет Франк, — усматривает в 'я', в неопределимом далее носителе личного индивидуального сознания, некое абсолютно первичное, ни с чем не сравнимое и все иное объемлющее начало. Этот носитель и центр личного сознания совпадает, с этой точки зрения, с тем, что называется „гносеологическим субъектом”, то есть с „познающим” и „сознающим”. Все остальное, что так или иначе противостоит, в качестве предмета или содержания познания, в качестве 'не я', этому 'я' и вместе с тем объемлемся им, так как существует только в нем или в отношении к нему, для него. По сравнению с этой абсолютной первичностью и с этим верховенством 'я', с этой идеальной точкой, в которой бытие есть само для себя, в которой оно впервые раскрывается, озаряется сознание, то собирательное целое, которое мы разумеем под 'мы', есть нечто совершенно производное и внешнее. Под 'мы' здесь может разумеаться, в согласии с обычным учением грамматики, для которой 'мы' есть множественное число от 'я', только лишь сумма многих 'я', которая, в отличие от самого 'я' есть уже не субъект, не что-то первичное или для себя самого сущее, а лишь содержание сознания каждого отдельного 'я'.

Это философское учение — иногда, как у Беркли, у Фихте первого периода, отчасти у Канта, кульминарующее в субъективном идеализме, в представлении, что все сущее и доступное нам есть лишь содержание нашего 'я' — это философское учение есть лишь выражение некоего первичного жизненного чувства нового европейского человека, его коренного и инстинктивного индивидуализма. Оно кажется ему чем-то совершенно самоочевидным, бесспорной и первичной философской аксиомой, исходной точкой всякого дальнейшего философствования”.

Когда он писал эти строки, Франк, без сомнения, искал выхода из тупика, обозначающего в диалектическом материализме как „основной вопрос философии”, противоставления сознания бытию, субъекта объекту, личности обществу. И Франк отказывается спрашивать, сознание ли определяет бытие или бытие определяет сознание. Дело в том, что сознание есть тоже вид бытия, и анализ взаимоотношения субъекта и объекта должен быть дополнен анализом взаимоотношения между субъектами, между 'я' и 'ты', между двумя и многими личностями. Франк пишет:

„В сущности загадка чужого сознания, как она ставится в гносеологии, есть загадка объекта, того, что грамматически выражается в понятии 'он'. Чужое сознание, о котором идет при этом речь, есть просто объект познания. Но в общении с ним чужое сознание или, как обыкновенно говорится в философии, 'другое я' есть для меня уже не просто объект, который я познаю и воспринимаю, но вместе с тем и субъект, который меня тоже воспринимает. В общении другое сознание есть для меня то, что грамматически выражается как 'ты', как второе лицо личного местоимения”.

Выраженная здесь мысль нова, неожиданна и в силу этого схватывается не сразу. Ведь оказывается, что мое 'я' имеет дело не только с окружающим его миром объектов, но и с миром других субъектов.

„Что же из этого следует? — спрашивает Франк. — Из этого следует, что то, что называется 'другим я' и что точнее есть для меня 'ты', дано мне не извне, а первичным образом присуще мне изнутри. Во всяком общении мы имеем не простое скрещение двух лучей, идущих в противоположных направлениях, навстречу друг другу; в самой мимолетной встрече двух пар глаз осуществляется циркуляция единой жизни, какое-то духовное кровообращение. Другими словами, не два независимых и самодовлеющих существа здесь встречаются и становятся друг для друга 'я' и 'ты'; их встреча есть, напротив, лишь пробуждение в них обоих некоего первичного единства...

'Я' никогда не существует и немислимо иначе, как в отношении к 'ты' — как немислимо левое без правого, верхнее без нижнего и так далее. Ибо 'я' есть отдельное, обособленное 'я' не в силу своего самодовления, своей утвержденности в самом себе, а именно в силу своего отделения, обособления от 'иного я', от 'ты' — в силу своего противостояния 'ты' и, следовательно, в своей связи с ним в самом этом противостоянии. Коррелятом, соотносительным противоположностью 'я' служит вовсе не безличное 'не я', мертвый и слепой объект. /.../

Социальная, общественная жизнь не есть, таким образом, какая-либо чисто внешняя, из утилитарных соображений объяснимая форма человеческой жизни... Не потому человек живет в обществе, что многие отдельные люди соединяются между собой, находя такой способ жизни более удобным для себя, а потому, что человек по самому своему складу немислим иначе, как в качестве члена общества — подобно тому, как лист может быть только листом целого дерева или как, по справедливому слову старого Аристотеля, рука или нога могут вообще быть только в составе целого тела, в качестве его органов.

Общество есть, таким образом, подлинная целостная реальность, а не производное объединение от-

дельных индивидов; более того, оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек. Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в сборном бытии, в единстве общества реально то, что мы называем человеком”.

‘Мы’ — это междучеловеческая форма единства во множестве. В ней, и только в ней заложено преодоление „злой разобщенности мира сего”. Понять это, значит перестать видеть в личности и обществе противостоящие друг другу начала. Взгляды Франка стоят в прямом противоречии с традиционно атомистическими социально-философскими воззрениями Руссо, Маркса, Дарвина, Спенсера и Фрейда. Зато они перекликаются со взглядами вышедшей из Дарвина и Фрейда современной психологии и социологии, готовыми пересмотреть философские основы их теорий. Не будем искать здесь параллели. Укажем только, что франковское уподобление индивидов отдельным листьям на общем дереве не только напоминает древнего Аристотеля, но и одного из крупнейших психологов современности Карла Густава Юнга, развившего теорию коллективного подсознания, из которого, как острова со дна моря, поднимаются отдельные личные сознания. Укажем еще, что и в Америке современный уже послевоенный психоанализ в лице Хорни,

Фромма и Салливена все больше отходит от первоначального фрейдовского представления о человеке, как существе, озабоченном исключительно самим собой, и углубляется в исследование социального фундамента душевной жизни.

В своей замечательной книге „Духовные основы общества” Франк идет, однако, не в сторону психологии. Его занимает не вопрос адаптации личности к тем или иным требованиям общества или адаптации общества к требованиям личности, а само основание человеческого бытия, общее для общества и личности. Он не отрицает, что отдельные люди — своего рода атомы общественного целого, но они органически встроены в это целое и не могут жить вне его. Оригинальное учение Франка, которое мы попытались изложить здесь вкратце, естественно, влечет за собой новое не индивидуалистическое, а солидаристическое отношение между личностью и коллективом, в который личность входит. И в этом плане Франк в 1925 году, когда писал свой этюд „Я и Мы”, был далеко впереди своего времени и проследил истоки солидарности неизмеримо глубже, нежели французские и немецкие солидаристы — Конт, Леруа и Буржуа или Пеш и Нель-Брейнинг.

● РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

«Посев» на книжной ярмарке

Издательство “Посев” вновь отметило юбилейную дату. В прошлом году нашему издательству исполнилось 40 лет со дня основания. В нынешнем устроители Франкфуртской книжной ярмарки поздравили коллектив “Посева” с 25-летием участия издательства в ярмарке (но впервые мы были представлены в 1959 году).

Международная книжная ярмарка — своеобразный парад “Ее Величества Книги”. И на этот раз во внушительных павильонах разместились тысячи стендов издательств всего мира. Следует отметить, что популярность Франкфуртской книжной ярмарки возрастает из года в год.

Главная тема 38-й международной книжной ярмарки была: “Индия — ее прошлое и перспективы на будущее”. Однако и “русская тема” находилась в центре всеобщего

внимания: Е. Янкелевич заявил на прессконференции, что в ближайшее время выйдут мемуары академика Сахарова. Андрей Дмитриевич работал над своими мемуарами несколько лет, довел изложение событий до 1983 года. Закончить эту работу ему было непросто: сотрудники КГБ, используя различные методы, вплоть до применения физической силы, не раз изымали записи А. Д. Сахарова. Но вот книга написана, она на Западе. Пройдет немного времени, и она выйдет на многих языках. Эта важная книга выйдет, конечно, и по-русски.

В этом году всех поразила убогость советского павильона: мало книг, и они неинтересны. В павильоне не было ни одного писателя. Советское руководство решило не посылать в этом году литераторов на международную книжную ярмарку! Стенд

напоминал пограничный пункт. Он был огорожен. Посетитель входил, под неусыпным надзором проходил сквозь длинный, узкий лабиринт и выходил через узкий проход... Это были признаки страха, но не перед террористами, а перед русскими книгами: приходившие люди заполняли полупустые полки советского павильона принесенными с собой любимыми книгами на русском языке, изданными за рубежом. В разговорах с посетителями, а также в интервью, советские чиновники, работники стенда, явно подражая своему генсеку, исправно улыбались, старались быть предупредительными и вежливыми. Они сообщали, что скоро в Советском Союзе появятся книги Набокова, Гумилева и Пастернака. Даже выйдет "Доктор Живаго". Стремясь продемонстрировать "новый курс" Горбачева, советские чиновники заверяли, что вот-вот в СССР напечатают полные собрания песен Высоцкого и стихов Цветаевой. "А Солженицына, — говорили они, — издавать не будем, он плохо пишет и никого не интересует".

На стенде издательства "Посев" было мало книг. Мы выпустили отдельной книгой стихи Ирины Ратушинской, за которые поэтесса была приговорена к длительному лагерному сроку (недавно она освобождена из заключения). Поэт Ростислав Евдокимов продолжает томиться в заключении за участие в движении СМОТ; сборник его стихов — также новинка нашего издательства. В новой книге А. П. Столыпина "На службе России. Очерки по истории НТС" идет речь о малоизвестной в России частице отечественной истории. На полках нашего стенда можно было увидеть также книгу Василия Аксенова "Поиски жанра" и детективный роман Фридриха Незнанского "Операция "Фауст" (уже четвертый роман этого автора).

Но задача нашего издательства — не только показ своей новой продукции на стенде выставки. Мы стремимся найти иностранных издателей для своих авторов. За два с лишним десятка лет работы в этой области "Посеву" удалось наладить деловые контакты со многими крупными издательствами.

Особые старания мы прилагаем, чтобы добиться издания на основных языках мира авторов, живущих в России. Издательству удавалось и удается получать из России рукописи, которые не печатаются в стране по цензурным соображениям. Рукописи эти

попадают сначала в Самиздат, а затем уже к нам. Мы их издаем, а потом защищаем зарубежные интересы автора, стараемся подыскать ему хорошего издателя на Западе. Этим создается авторам известность. Так, переведены на иностранные языки Бек, Бородин, Владимов, Горбаневская, Гроссман, Комаров, Корнилов, Максимов, Нарича, Тарсис, Тимофеев... В этом году нам удалось заключить договоры с крупными издательствами в Англии (Коллинз), в США (Харкорт Брейс Иованович), во Франции (Галлимар) и в других странах на книги Леонида Бородина, находящегося в советском лагере. Идут переговоры о постановке фильма по его книге "Год чуда и печали".

Большим успехом среди иностранных издательств (особенно в Японии) пользуется в последние годы проживающий на Западе и работающий в редколлегии журнала "Посев" Ф. Незнанский: его книги вышли большими тиражами во многих странах. Переведены и изданы в ряде стран книги и другого сотрудника журнала "Посев" — В. Рыбакова — "Тяжесть" и "Тавро". Многие читатели приходили на наш стенд, чтобы получить автографы у этих авторов.

На нашем стенде, кроме того, можно было ознакомиться с публикуемой нашим издательством периодикой: с журналами "Грани", "Посев", сборниками "Надежда. Христианское чтение", с календарем на 1987 год "Ордена и знаки отличия гражданской войны", а также с календарем православных икон на 1987 год.

Помимо издательства "Посев" на выставке присутствовали и другие свободные зарубежные издательства: "ИМКА-Пресс", "Оверсиз", "Страна и мир". "ИМКА-Пресс" представила новые книги, в том числе два узла из "Красного колеса" А. Солженицына, а также две книги, посвященные творчеству Гумилева. Много новых книг на русском языке выпустило и издательство "Оверсиз".

Интересные печатные издания были выставлены в польском и чешском зарубежных издательствах.

В заключение важно отметить, что международная книжная ярмарка — дело, необходимое для установления контактов между издательствами. В деле этом, гуманном по

своей сути, нуждается читатель. В том числе читатель в нашей стране. И дело это в нынешнем году нам удалось провести довольно успешно. Будем надеяться, что ту задачу, которую мы себе поставили, — быть одним

из представителей свободных русских писателей, — нам удастся осуществлять и в будущем.

Н. Б. Жданов

● НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Корчной рассказывает

— Как Ваше мнение, Виктор Львович, нужно ли заниматься политической борьбой для того, чтобы могло существовать свободное искусство, в том числе свободные шахматы? Шахматы ведь считают одновременно искусством и спортом...

— Думаю, что главная роль искусства — воспитание гуманизма. Когда человек воспитан гуманистом, он сам правильно найдет нужные ему политические взгляды. А в СССР все начинается с политизации. Шахматы там развивали сверху в течение многих десятков лет и добились больших успехов. И власть с помощью шахмат стремится распространить в мире свое Политическое и идеологическое влияние. И она в этом направлении многого добилась.

Пока я был советским гражданином, я этого не замечал; не замечал, насколько сильно левое влияние в шахматных кругах мира. И дело уже не в том, что разные шахматные турниры проводятся коммунистическими организациями. Даже когда турниры устраиваются не левыми и не коммунистами, то устроители, которые хотят приглашать советских шахматистов и впредь, из кожи вон лезут, чтобы на турнирах не поднимались какие бы то ни было вопросы, невыгодные Советскому Союзу. То есть во всем идут навстречу требованиям советских шахматных руководителей.

Например, меня бойкотировали 7 лет, я пропустил из-за этого большое количество турниров. Советские объявили, что если я буду играть, то грессмейстеры из СССР участвовать в турнирах не будут. Ну, я один, а их много, и мало нашлось организаторов, желающих постоять за меня. Я пропустил из-за этого бойкота 43 больших турнира. Один раз ко мне обратились голландцы: они хотели, чтобы я играл в турнире, где должны были участвовать также советские шахматисты. Голландцы дали мне на подпись бумагу, согласно которой я обязуюсь... молчать! Понимаете — молчать! Я, конечно, эту бумагу не подписал.

— Каковы причины объявления Вам бойкота? И что побудило советское шахматное руководство его снять?

— Советские шахматы — предприятие политическое, им руководит непосредственно Политбюро. Сам Брежнев был другом Карпова, Черненко тоже. Карпов в СССР не просто шахматист, он — лицо официальное, репрезентативное. И он непременно нужен был советским руководителям в качестве чемпионки. Советская шахматная федерация сделала все для того, чтобы отборочный матч на первенство мира между Каспаровым и мною не состоялся. Это было в 1983 году. Устроили, при сообщничестве президента ФИДЕ, так, что Каспаров не прибыл вовремя на матч в США и, следовательно, его проиграл.

У Каспарова есть в рядах Политбюро один болельщик — Алиев. И Каспаров каким-то чудом сумел после подстроенного ему поражения до него добраться. Алиев очень осерчал и велел, чтобы матч состоялся. Но как это сделать? Алиев сумел. Он дал федерации большие полномочия, он дал ей деньги, он дал все, чтобы матч все же состоялся. Они заплатили большую денежную неустойку, стали готовить матч на уровне посольств. Заодно было решено, как вынужденный вариант, — снять с меня бойкот. Его мог снять только такой человек, как Алиев, который при Андропове занимал второе место в Политбюро. И в конце 1983 года матч состоялся. Его выиграл Каспаров.

Им тем легче было прекратить этот бойкот, что в советской печати о турнирах, в которых я принимаю участие вместе с советскими шахматистами, вообще не сообщается, иногда только в специальной шахматной. Ее читают тысячи, а центральные газеты — десятки миллионов. Была, например, такая информация о турнире в Вене: я занял там первое место вместе с советским грессмейстером Белявским, а Карпов на этом турнире отстал от нас на пол-очка. Центральная прес-

са сообщила, что Белявский разделил первое место, а Карпов занял второе. Обо мне ни слова, словно я не существую. Но раз так, они могут вновь объявить мне бойкот в любую минуту.

— Коммунистическая власть политизировала в свою пользу искусство и спорт. Думаете ли вы, что оппозиции нужно вести политическую борьбу за свободные искусство и спорт?

— Мы не можем жить вне политики. В СССР люди подвергаются политизации уже в детском садике. Просто, ступив на оппозиционный путь, человек выбирает свои методы борьбы. Каждый, будучи специалистом своего дела, с помощью своей специальности вносит лепту в общее дело. Я, например, написал книгу о шахматах, автобиографическую. Многие люди на Западе, читая ее, отказывались верить. Написал вторую книгу. И так получилось, что я стал политической фигурой в шахматном мире. Моя борьба, можете мне поверить, трудна. Люди на Западе хотят верить лишь в то, что их устраивает.

— Было ли Ваше решение эмигрировать осознанным политическим решением?

— Для того, чтобы решиться на отъезд из тоталитарной страны, человек должен политически созреть, часто даже не отдавая себе в этом отчета. Когда остался на Западе, я сам не отдавал себе отчета, насколько политичен мой поступок. Возможно, что я бы так и не осознал политического значения моего бегства, если бы не попал в особую ситуацию. Я должен был, будучи беженцем, встречаться с советскими людьми за шахматной доской, и я не мог не ощущать ненависти к себе со стороны стоящей и сидящей передо мной группы. Затем был бойкот. Затем моя семья, которую 6 лет не выпускали из Советского Союза. Так что, если я раньше и не созрел политически, то мне дали достаточно поводов, чтобы созреть, — и довольно быстро. Я бы раньше не понял того, что могу понять теперь.

Не так давно я был в Израиле, а там многие смотрят советское телевидение и часто записывают передачи на видеомагнитофон. Там я увидел получасовой фильм о Каспарове. Должен сказать, что такого фильма я никогда в Советском Союзе не видел: в нем не было ни одного слова о политике. Это меня удивило. Неполитических документальных фильмов в Советском Союзе быть не может. И я пришел к выводу: хотя в фильме нет ни

одного слова о политике, он политичен от начала до конца. Фильм стремился подчеркнуть, что Карпов настоящий человек, настоящий чемпион, член настоящей партии, а Каспаров — лицо случайное, временное. Так я понял этот фильм. И — такова эта политика.

— Следовательно, ФИДЕ — марионетка в руках советского руководства?

— Да, совершенно верно. Кроме того, нужно учитывать, что политика ФИДЕ во многом зависит от позиции чемпиона мира.

Нынешний президент ФИДЕ Кампоманес просто-напросто большой друг Карпова, зовет его „Толя“, и его самого уже называют часто не Кампоманес, а „Карпоманес“. В Москве в феврале 1985 года состоялся матч Карпов—Каспаров, он был без лимита до 6 побед, и на определенном отрезке матча Карпов, который вообще слаб здоровьем (у него пониженное давление, постоянное — 80/50, а тут упало до 65/35), совершенно выбился из сил. Он больше играть не мог. Тогда вызвали Кампоманеса, который и остановил матч. Пошли как будто навстречу Каспарову, сказав, что, мол, матч вообще не считается (счет был 5:3 в пользу Карпова). Хотя по правилам матч должен был продолжаться, а поскольку Карпов физически не мог его продолжать, то победа была бы, конечно, присуждена Каспарову. Вот так советские руководители и ФИДЕ спасли Карпова. А во время моего матча с Карповым в Мера-но у Карпова была свита до 70 человек — психологи, параспсихологи, гипнотизеры, огромное количество аппаратуры. В общем, были брошены в бой все средства, чтобы я не победил.

— А при Горбачеве как?

— Он, на мой взгляд, худо-бедно, но старается что-то как-то сгладить, старается хоть в мелочах кое-что изменить к лучшему. Когда Каспаров в феврале этого 1986 года был в Испании, он в одном интервью прямо сказал: вы, мол, думаете случайно сменялись одновременно генсек... и чемпион мира по шахматам? Может быть, просто наступил „переходный период“. Но факт, что советское руководство стало меньше вмешиваться в шахматную жизнь.

— А как к Карпову относятся другие советские гроссмейстеры?

— На Карпова постоянно работают 5-6 советских гроссмейстеров. Если Карпов про-

игрывает матч, он их всех выгоняет, они больше не нужны ему. И берет других. Не так давно он взял молодых талантливых ребят, которые раньше — я это знаю — просто ненавидели Карпова. А теперь они с ним работают, помогают ему. Я спросил как-то кое у кого, как же это так получается? Мне ответили: попробуй не работать с Карповым — никогда не поедешь на Запад.

— Но как же все-таки Каспаров выиграл у Карпова?

— Раньше Карпову оказывалась всесторонняя поддержка на самом высоком уровне. Теперь она ему оказывается на уровне более низком. Поэтому Каспаров и мог выиграть. Можно прямо сказать: в этот матч Политбюро не вмешивалось.

Насколько Карпов любим советским руководством, настолько он вреден шахматам. Люди стараются быть вне политики, но они чувствуют, что этот человек — с погонями, что он не только гроссмейстер, но и влиятельный представитель коммунистической власти. Они это знают. Но что им делать? Они варятся в этой каше, все эти западные гроссмейстеры. Они не привыкли к тому, что политика орудует в шахматном мире. Они знают — когда Карпов играет в международном турнире с другими советскими шахматистами и попадает в трудное положение, то его советские противники ему нарочно проигрывают. Такие случаи были. В Голландии ему нарочно проиграл Смыслов, в одном советском чемпионате — Балашов. Имя Карпова уже давно — грязное. Так что, видите, западные гроссмейстеры не хотят политики, а политика идет к ним.

— Вам исполнилось 55 лет. В истории шахмат очень мало гроссмейстеров, сохранивших в таком возрасте столь высокий уровень игры...

— Есть два примера. Ласкер, который был чемпионом мира на протяжении многих лет, где-то с 1896 до 1914 года. Другой — это Смыслов, он успешно играл еще совсем недавно, будучи старше меня на 9 лет.

Чем это объяснить? Трудно сказать. Доктор Ласкер был по профессии философом, возможно, что его философский взгляд на мир помогал ему спокойней, лучше играть в шахматы. А я, возможно, получил, уехав на Запад, новый толчок, со мной произошла некая метаморфоза, изменились взгляды, привычки — и это несомненно отразилось на моей игре. Но, кроме того, я считаю себя чело-

веком, который развивался медленнее обычного. Даже развитие моих политических взглядов было очень замедленным. Я помню, как в день смерти Сталина я сказал одному весьма интеллигентному человеку: вот Сталин умер — и будет плохо. На что он мне ответил: „Не бойся! Будет только лучше“. А мне ведь тогда было уже 22 года, казалось, пора было что-то понимать. Тот же медленный процесс наблюдался и в шахматном плане. Я лишь в 29 лет впервые стал чемпионом СССР. И став чемпионом, уяснил для себя, что в моей игре много недостатков. И я стал дальше усердно работать.

— А когда Вы попали на Запад?

— У меня появились новые возможности. Но затем наступил кризис. Я проиграл в Мериано Карпову с большим счетом. И не столько разгромный счет, как физические и психологические ощущения меня полностью придавили. После того, что советские со мной сделали на матче, я заявил, что больше с Карповым никогда играть не буду. После мне один психолог сказал: „Вы заявили, что не будете больше играть с Карповым. Если это решение проникло к Вам глубоко в душу, то у Вас не может быть настоящего стимула обыграть Каспарова“. И так было на самом деле, поскольку я подсознательно понимал: если я выиграю у Каспарова, то должен буду затем вновь играть с Карповым... И я постепенно пошел вниз по шахматной лестнице. Уровень шахматиста сейчас ведь высчитывается математически, у каждого есть свой коэффициент Эло. Подсчеты делаются каждые полгода. И мой уровень за один год упал на 95 пунктов. Если я был по уровню вторым шахматистом в мире, то стал где-то десятым. Но затем многое изменилось. Каспаров стал чемпионом мира, и он, по-моему, как шахматист ведет себя нормально. Так что психологические причины „падать“ у меня исчезли. Поэтому за год, прошедший после того, как Каспаров стал чемпионом мира, я прибавил 20 пунктов и продолжаю идти вверх.

ОТ РЕДАКЦИИ. В настоящее время у В. Л. Корчного наиболее высокий индивидуальный коэффициент (коэффициент Эло) среди всех „зарубежных“, то есть несветских шахматистов. На втором месте — Б. В. Спаский.

Интервью взял В. Рыбаков

Вестник РХД №№ 145 и 146

(III—1985 г. и I—1986 г.)

В редакторском предисловии к „Вестнику” № 145 Н. А. Струве выделяет вечный и тем не менее злободневный вопрос о „западном” и „своем” в русской культуре. Отмечая, что как в России, так и за рубежом „полемиический задор” часто приводит публицистов почвеннического лагеря „к отрицанию всего доброго” у идейных противников, а то и в западной культуре вообще, и „к безрассудному превозношению своего”, он в назидание противопоставляет слова редактора дореволюционного издательства „Путь” Г. А. Рачинского (1859—1939), интересные письма которого опубликованы в номере:

„Пора /.../ вернуться к добрым, старым традициям сороковых и пятидесятых годов, когда лучшие люди в России знали литературу Запада и его философию так, как теперь и не снится никому, любили и понимали западную культуру, но оставались в корне русскими людьми и жили до могилы русскими интересами, работая для России и во имя России”.

В отделе „Богословие и философия” помещена статья московского автора Виктора Аксютин „Метафизика зла у Достоевского”. В ней автор отмечает, что писателя „интересует прежде всего то индивидуальное, в котором раскрывается универсальное содержание”. Душа человека — поле битвы добра и зла, и, изучая ее, писатель „пытается обдумать, понять и решить собственные метафизические проблемы”.

В. Аксютин анализирует роман „Преступление и наказание”, в котором „впервые созданы образы, превратившиеся в устойчивые индивидуальные символы для всего творчества Достоевского”. Основа трагедии Раскольникова лежит в том, что у него оборвались связи с „землей” или „почвой”, и „его внутренний облик формируется вне семейных, сословных, исконно отеческих традиций и преданий, которые могли бы взрастить здоровые начала его души”. Потеряв нить органической жизни, Раскольников попал в ту „зараженную духовную атмосферу”, в которой возникла „теория разумного эгоизма”. „Достоевский еще в начале формиро-

вания будущей господствующей идеологии понимает, что торжество так называемого экономического принципа приводит не к всеобщему благоденствию, а к взаимному истреблению”.

Безоговорочно отбрасывая любой компромисс с циничным определением „цель оправдывает средства”, Достоевский основывается на „Божьей правде, земном законе”, на том, что „человек сам по себе цель творения Божьего и не может быть средством к достижению каких-либо, даже самых высоких целей”. Отдавая себя служению идее или ценности, основанной на рациональном анализе, возникшей „вне здорового жизненного контекста” — источник „духовного прельщения” для человека. Выпавший из жизни, устроенной по замыслу Божию, человек становится духовным уродом и совершает поступки („преступления”), лишаящие его внутренней свободы.

Выздоровление человека от этого страшного духовного заболевания возможно, но только через возврат к „попраным истокам и основам жизни”. Раскольников символически целует землю, и его душа, „измученная расколом единства, ощутила веяние, грядущую возможность цельного, нового, полного бытия”.

Автор статьи считает, что в „индивидуальном облике” Раскольникова „воплощена мучительная духовная история России в целом”. Вернувшийся к настоящей жизни благодаря любви Сони (Софии — премудрости Божьей), Раскольников пошел трудным путем восстановления в себе человека. Подобно этому, лишь когда „великое духовное наследие русской культуры” вновь станет „содержанием нашей исторической памяти и элементом нашего самосознания”, Россия получит „залог духовного возрождения”.

В отделе „Литература и жизнь” помещено интервью А. И. Солженицына, взятое Н. А. Струве 30 сентября 1984 г. и посвященное публикации второго „узла”, „Красного Колеса” — „Октябрю Шестнадцатого”. Если в предыдущем „узле” („Август Четырнадцатого”) была показана та Россия, которая „плыла, текла и которая никогда не вернется”, то в „Октябре” — „она уже сильно тронута разложением”. Правда, это разложение тогда еще не коснулось всех сторон российской действительности, и это приводит к раскрытию парадоксальных явлений. Как от-

метил Н. А. Струве, в описании Солженицына царское правительство пятнадцатого года выглядит совсем не таким бездарным, каким его принято считать, и писатель справедливо его предпочитает очутившимся у власти неопытным и наивным министрам Временного правительства.

Солженицына не смущает недоумение некоторых критиков от его дерзновения ощущать себя одновременно полноценным художником и историком, как бы зачинателем нового литературного жанра. Писатель доказателен, когда заявляет: „события долгой гражданской войны, советского растоптания, эмигрантских бедствий привели к тому, что еще больше свидетельств не схвачено, еще больше не записано, и нужно открыть недостающие звенья, и, главное, открыть психологические обоснования. Это доступно только художнику“.

Восстанавливая утерянные пласты нашего прошлого, Солженицын, не считая себя „распорядителем“ событий и высказываний своих героев, стремится к полной „полифоничности“, к полному беспристрастному охвату последних мгновений российского доблешившего общества. Солженицын отказывается лишь от ярких, но неглубоких явлений, считая, что „история жидкнется на основных камнях“, и поэтому он избегает, например, распутинскую тему. По замыслу писателя, „Красное Колесо“ не развлекательное чтение, не „боевик“, оно рассчитано на читателя, который хочет серьезно понять события истории России, радикально изменившие судьбу нашей родины, но положившие также начало „поворота всего мирового положения“.

„Красное Колесо“ вышло необычным, уникальным, потому что время, охваченное им — уникально. Это время огромного количества „исторических элементов“, находящихся „в самостоятельном движении“, приведших к революции, „которая повернула весь Двадцатый век“.

Интересны материалы памяти известного историка литературы и литературного критика Г. П. Струве (1898—1985), опубликованные в этом номере „Вестника“, особенно письма, относящиеся к периоду его работы в русской парижской газете „Возрождение“, в 1925—1927 гг.

В середине двадцатых годов в европейском русском зарубежье выходило не менее восьми газет разных политических оттенков:

от социалистического — до монархического. В Париже это были „Последние новости“ и „Возрождение“; в Берлине — „Дни“ (затем выходили в Париже) и „Руль“; в Риге — „Сегодня“; в Варшаве — „За свободу“; в Белграде — „Новое время“; в Софии — „Русь“. „Последние новости“ были основаны в Париже в самом начале послереволюционного русского рассеяния, они были газетой П. Н. Миллюкова и отражали его левокадетские и антиврангелевские взгляды. Это была газета на высоком европейском уровне, но ее политическая платформа была чужда большинству русских эмигрантов во Франции, сочувствующих Белому движению, тем более, что многие из них были его участниками. Летом 1925 года богатым нефтепромышленником А. О. Гукасовым основывается газета „Возрождение“, созданная в противовес „Последним новостям“, как „орган национальной мысли“. Редактировать „Возрождение“ Гукасов пригласил П. Б. Струве — известного русского ученого и политического деятеля, участника „Вех“ и бывшего министра правительства ген. Врангеля. Успех новой газеты, созвучной настроениям широких масс русской эмиграции, был значительным и прочным (газета выходила до Второй мировой войны), но вскоре начались трения между Гукасовым и Струве, приведшие к уходу последнего в августе 1927 года. Письма Глеба Петровича Струве (старшего сына П. Б. Струве) к матери и братьям живо описывают обстановку в редакции „Возрождения“ и раскрывают некоторые стороны конфликта между издателем и редактором газеты.

Не все в номере 145 „Вестника“ столь же удачно, как вышеупомянутые материалы. Огорчает слишком поверхностная статья О. Т. „Об отношении христианского сознания к ветхозаветной традиции“. Не только похвал заслуживает и рецензия Э. Гараева (автора из России) на книгу А. Авторханова „Загадка смерти Сталина“. Конечно, отраден сам факт обсуждения этой книги в России, но нельзя не поскорбеть о том, что автор слишком склонен к суждениям априори и приводит в подтверждение своих высказываний, например, „полученный... из третьих рук“ рассказ о нраве Сталина и Покребышева.

„Вестник“ № 146, к сожалению, бледнее чрезвычайно содержательного № 145. В нем начинаются публикации, связанные с юби-

леем Н. С. Гумилева (1886—1921), как всегда захватывающе читаются богословские очерки прот. А. Шмемана и новый отрывок из „Красного Колеса“ А. Солженицына (гл. 144 из „Марта Семнадцатого“). Мы остановимся лишь на двух материалах журнала.

А. Шур, автор статьи „1984 — не просто утопия“, считает, что Джордж Орвелл, автор романа „1984“, написал книгу „о том, что делает человека — человеком“, о кусочке Вечности в его душе, зовущей к победе над бренностью и к бессмертию“. Это „человеческое в человеке“ — несовместимо с господством партии, поставившей себя в положение непогрешимого божества и определившей своей основной задачей — „растворить каждое 'я' в едином организме, на сохранение которого направлены все ее силы“.

Конец человеческой личности равнозначен концу человеческой истории. В романе Орвелла, по определению автора статьи, „Царство Смерти уже наступило“ и „безжизненные тени псевдолюдей слились в едином партийном организме. Время остановилось, и мир погрузился во мрак небытия“. В основе этого выпадения из человеческого бытия лежит, казалось бы, невиннейшая вещь — отказ „от веры в единую Истину“ и высшую мораль. Но перестав стремиться к Истине, человек теряет духовную опору своей жизни, теряет уверенность в себе и ощущает себя изолированным и беспомощным. И тогда „возникает потребность в объединении, идея коллектива, частично спасающего человека от ужаса одиночества“. Поиск „ключа к бессмертию вне веры“ приводит к установлению Партии общества „подавления и уничтожения личности во имя вечного здоровья единого организма“. В пределе перед человечеством стоит лишь выбор: „либо зыбкость релятивизма и растворение в мертвеном лике Старшего Брата, либо путь упорного продвижения к Истине, незыблемой и животворящей“.

Исключительный интерес представляют два письма В. А. Маклакова (1870—1959), выдающегося русского общественного и политического деятеля, одного из основателей кадетской партии, а с июля 1917 г. — посла Временного правительства во Франции, к кн. В. А. Оболенскому (1869—1951), который также был видным деятелем и членом ЦК кадетской партии. В эмиграции Маклаков переоценил многое в событиях начала

века в России и в своем поведении и взглядах в эпоху активной деятельности в кадетской партии. В отличие от него, Оболенский остался до конца жизни на своих (грубо говоря) левокадетских позициях. Письма Маклакова предположительно датированы 1949 годом.

Маклаков стремится убедить своего корреспондента в том, что толкать Россию к революционному пути было ошибкой, что Освободительное движение должно было стать не на позицию конфронтации с царской властью, а на поддержку тех ее начинаний, которые могли обеспечить развитие страны и общества. Он полагает, что „среди людей старого режима были не одни марионетки“ и что падение Российской империи — не доказательство ее нежизнеспособности, ибо ее „снесла война“, а неудачные войны сносили и режимы на вид значительно прочнее российского, например, в 1918 г. императорскую власть в Германии (или, прибавим мы, режим Наполеона III во Франции в 1870 году).

В заключение второго письма Маклаков пишет:

„Революцию принято сравнивать с хирургией, а эволюцию с терапией, но ведь и при хирургических операциях заботятся, чтобы больной выздоровел, а не умер. Революционер Ленин хотел, чтобы пациент — старая Россия — был уничтожен и уступил место другому лицу. И вот я спрашиваю, заботилась ли наша либеральная общественность, чтобы старая Россия вынесла операцию, а не погибла, как этого добивались в 1917 г. И второе: могла ли она, не погибнув, выдержать переход к конституционному строю? Я не сомневаюсь и сейчас, что могла. Мы даже об этом не заботились“.

В нашем кратком обзоре мы упомянули лишь далеко не все материалы, вошедшие в №№ 145 и 146 „Вестника РХД“. Однако это не означает, что в них нет и других статей, заслуживающих интереса.

Н. Р о с с

ЖЕРТВУЙТЕ в Фонд Свободной России
ненужные вам старые русские КНИГИ.

Мы их можем обратить в ДЕНЬГИ!

Адрес для переписки:

T. Slavinsky
Flurscheideweg, 15
D-6230 Frankfurt a. M. 80

Актуальность Бердяева

Николай Александрович Бердяев принадлежит к той плеяде замечательных российских религиозных мыслителей, формирование которой пришлось на конец XIX столетия и ознаменовалось весьма кардинальным для среднестеллигентского российского сознания разрывом с позитивизмом и атеизмом, а сама ткань творческой жизни была безжалостно распорота надвое — насильственной (по личному распоряжению Ленина) высылкой из России.

Бердяев — в соответствии с нашей литературной и философской традицией — не был „чистым“ философом: его творчество включает в себя и критический, и религиозно-эстетический, и публицистический элементы. Именно поэтому он, в хорошем смысле этого слова, широкодоступен и весьма актуален. (Актуальность его проявляется даже в горькой противоречивости восприятия его сочинений современным читателем.)

Во времена „оттепели“, например, Бердяев первым повернул сознание многих от либерально-социалистических иллюзий к идеализму. Но уже в 70-е годы оригинального мыслителя не пинал только ленивый: лелеявшие ортодоксию неопиты в лучшем случае вспоминали его с саркастической улыбкой, в худшем — считали чуть ли не „сатанистом“.

Но в любом случае наследие Бердяева (в отличие, скажем, от трудов Н. Лосского) и по сей день не стало лишь реликтом и историческим раритетом: современные российские юноши свое очищение от позитивистской шелухи по-прежнему чаще всего начинают с чтения именно Николая Бердяева.

И это далеко не случайно: философские тексты Бердяева дышат вдохновенной предприимчивостью, идеалистическим отрицанием детерминированности бытия материалистическими и биологическими „законами“ и уже в силу этого — даруют читателю обновление.

Да, в Бердяеве многое устарело, многое слабовато, а бывает, что и двусмысленно. Нельзя, например, не согласиться с мнением другого великого русского мыслителя

И. А. Ильина, считавшего, что бердяевское творчество „не прошло через бережно возвращенный духовный опыт и умственную аскезу“, что „мудро будет поступать тот, кто будет читать и слушать его с крайней осторожностью“. Все это так. И все-таки... Тот же Ильин в сравнении с Бердяевым и сужоват, и малоплодовит, а свои, действительно новаторски консервативные взгляды так и не развил в полноте. И хотя ныне книга Ильина „О сопротивлении злу силою“ (на которую в пароксизме вдруг вызывавшего рудиментарного „гуманизма“ обрушился по ее выходу в свет в 1925 г. Бердяев*) в своей значительности и актуальности кажется превосходящей любую из книг Бердяева, Бердяев, в целом, — и шире, и свежее, и вдохновеннее...

Поэтому и нельзя не приветствовать инициативу издательства ИМКА-Пресс — переиздать избранные произведения Николая Бердяева, хотя сама хаотичная произвольность общей композиции осуществляемого переиздания и кажется спорной: первым томом вышел итоговый труд Бердяева „Самопознание“ (1947), вторым — „Смысл творчества“ (1916).

Попутно отметим, что это еще и дань памяти издательства автору: Бердяев руководил русским издательством ИМКА-Пресс в Париже почти четверть века — с 1924 по 1948 год.

В издательском предисловии к „Самопознанию“ говорится: „Полное научное издание сочинений Бердяева не может быть пока осуществлено по многим причинам, в частности потому, что значительная часть архива философа была опрометчиво отослана в Россию и теперь недоступна. Цель настоящего собрания более скромная: опубликовать все сколько-нибудь значительные произведения Бердяева, особенно те, что давно распроданы, или же изданные до революции, никогда больше не переиздавались. /.../ Общая библиография его трудов (книг и статей) достигает 483 единиц“. (Сам факт отсылки „значительной части архива“ Бердяева в СССР кажется чем-то вопиющим и свидетельствует о дезориентированности российской эмиграции в послевоенное время.)

„Мне пришлось жить, — констатирует Н. Бердяев в „Самопознании“, — в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для

Н. Бердяев. „Самопознание“. Собрание сочинений. Том I. — Париж: YMCA-Press, 1984.

Н. Бердяев. „Смысл творчества“. Собрание сочинений. Том II. — Париж: YMCA-Press, 1985.

* В журнале „Путь“, № 4, 1926.

всего мира. /.../ Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. /.../ Для философа в моей жизни было даже слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза при старом режиме и два раза при новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим. Ко многому я имел отношение, но, в сущности, ничему не принадлежал до глубины, ничему не отдавался вполне, за исключением своего творчества /.../”.

Любопытно, что престарелый Бердяев в этом фрагменте как бы „педалирует” свое дореволюционное изгойство: в общем и целом в „серебряном веке” нашей культуры он чувствовал себя вполне комфортно. Кстати, его первая книга „Субъективизм и индивидуализм в общественной философии” вышла, когда он отбывал вологодскую ссылку.

„Во время моей ссылки, — вспоминает мыслитель, — Ленин еще не произвел подбора того объединенного твердокаменной идеологией и железной дисциплиной меньшинства, которое должно было подготовить диктатуру. Но человеческий материал этого подбора уже намечался. Так один из моих товарищей по ссылке, как я слышал, стал во время революции комиссаром на Севере, известным своей жестокостью и кровожадностью. А в то время он производил впечатление добродетельного фанатика”.

С 1904 года Н. Бердяев живет в Петербурге и находится в эпицентре российской духовной жизни, являясь несомненно одной из узловых и характернейших фигур дореволюционного религиозного ренессанса. Его статья в „Вехах” — „Философская истина и интеллигентская правда” — едва ли не магистральная для всего сборника. „Моя революционность, — признается в своей автобиографии философ, — была скорее этической, чем социальной”.

В эти же годы окончательно устанавливается и философский стиль Бердяева: он всю жизнь писал много, но менялся мало — второй том нового собрания его сочинений —

„Смысл творчества” — написан за полстолетия до „Самопознания”, но и манера и даже синтаксис практически те же (в таком своем постоянстве он сроден другу и философскому подвижнику своему — Льву Шестову). Его запрограммированная бессистемность и композиционная разбросанность как бы заложены в самой онтологии его философии: Бердяев философ свободы, свободы „во что бы то ни стало” — отсюда и его вражда к классицизму, скажем; Николай Бердяев — убежденный романтик. И романтизм свой он считает соприсущим вообще христианству, а с натяжкой — и православию.

По правде сказать, сам процесс философского созидания был для Бердяева чем-то вроде духовного наркотика. И он больно переживал „объективизацию” (т. е. непереносимое „остывание”) творческого продукта.

Но Бердяев не был бы русским автором, если б не полагал культуру неотторжимую от твердой метафизической истинности.

„На почве дифференцированной культуры, — пишет он в „Смысле творчества”, — Россия может быть лишь второстепенной, малокультурной и малоспособной к культуре страной. Всякий творческий порыв привыкла русская душа соподчинять чему-то жизненно-существенному — то религиозной, то моральной, то общественной правде. У русского художника трудно встретить культ чистой красоты, как у русского философа трудно встретить культ чистой истины” (т. е. истины, попросту говоря, оторванной от ...жажды справедливости. — Ю. К.).

Это точное замечание применимо и к самому Бердяеву. Философ хочет, настаивает, требует расценить творчество, — например, творчество Пушкина — как высшее не только художественное, но и... религиозное проявление. „Творчество гения, — утверждает Бердяев, — есть не „мирское”, а „духовное” делание. Для божественных целей мира гениальность Пушкина так же нужна и важна, как и святость Серафима Саровского”.

Отсюда и бердяевские претензии, скажем, к оптинским старцам: для Бердяева они слишком „чистые православные”, словно не сознающие всей апокалипсичности времени.

Характерно, что нигде на протяжении своей книги, столь насыщенной пафосом творчества, Бердяев, в сущности, не определяет, что именно он понимает под творчеством и каким образом должно просвещаться творчество в личности. Ведь нельзя же считать твердым определением, скажем, такое: „Творче-

ство есть то, что идет изнутри, из бездонной и неизъяснимой глубины, а не извне, не из мировой необходимости”.

Так что мы можем только догадываться, что же такое творчество по Бердяеву. Это — некое экзистенциально-религиозное преобразование человека, обусловленное энергичным самообнаружением онтологического корня в глубинах собственной личности. И тогда, поднимаясь над материалистическим и детерминированным пониманием бытия, человек сталкивается с Божественным и начинает... творить, творить по-новому во всех сферах деятельности: религиозной, культурной, технической и даже семейной. Вот тут и иску: как избежать „хлыстовщины”, „демонизма”, не запутаться в сетях „нарциссизма”? На это у Бердяева нет ответа. Он доверяет творчеству.

... Одна из крупных и прискорбных ошибок Николая Бердяева, так или иначе варьируемая им на протяжении всего послереволюционного творчества: непонимание мировой сатанинской сущности коммунизма, который он, как правило, не отделяет от эпитета „русский”. Какое представление вывез он из России, такое и сохранил, несмотря ни на что. Но добро было Максимилиану Волошину прозревать в каждом большевике Стеньку Разина, а в каждом чекисте — Гришку Отрепьева (см. его стихотворный цикл „Пути России”). Бердяев с его философской глубиной мог бы осознать большее. Думается, что марксистская закуска юности так и не позволила философу до конца смотреть правде в глаза и осознать феноменологию революционного катаклизма.

Отец Алексей Мечев, благословляя напоследок выдворяемого из России большевиками Бердяева, сказал: „Поезжайте, Ваше слово должна услышать Европа”. Увы, в этом смысле Бердяев не оправдал надежд духовника своего: слишком много „национального элемента” привносил философ в трактовку советской тоталитарной машины, по определению, и н т е р н а ц и о н а л ь н о й.

Не с этим ли связаны и иллюзии Бердяева по окончании Второй мировой войны? Ведь не мог же он не слышать, скажем, как принимали советские представители выдаваемых в Лиенце несчастных или про энкаведистский и смершевский кровавый разгул в Европе. В этом смысле — „патриотизм” его и неглубок, и напрасен.

Впрочем, в „Добавлении 47 года” (ж. „Самопознанию”) Бердяев и сам писал: „47 год был для меня годом мучения о России. Я пережил тяжелое разочарование. Свобода в России не возросла, скорее наоборот”.

Николай Бердяев чаял наступления новой „зоны”, эры Св. Духа (это сближает его с Дм. Мережковским). „Мы верим, — писал он в заключении „Смысла творчества”, — что в христианстве заключены неисчерпаемые творческие силы. И обнаружение этих сил спасет мир от упадка и увядания”.

Столь же страстное ожидание и самоотверженная работа ради очищения, освобождения и духовного обновления мира роднит с Бердяевым А. И. Солженицына*. „У человечества нет иного пути, как вверх”, — не перестает повторять писатель. Только мировой тупик (провидчески предвиденный Бердяевым еще до всемирных тоталитарных захватов) стал теперь перед нами совсем вплотную.

В чаянии и попытке раскрытия новых духовных путей — непреходящая и действенная актуальность философии Николая Бердяева. Возвращаясь в Россию, она и по сей день остается прекрасной школой свободы и торжества над животным материалистическим доктринерством.

Юрий Кублановский

* Несмотря на острую критику философа Солженицыным. См. „Вестник РХД”, № 132, с. 241.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ”

Главный редактор Е. Р. Миркович
Ответственный секретарь В. М. Рыбков

Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, М. В. Назаров, Ф. Е. Незнаменский, Р. Н. Радлих, Я. А. Трушников, А. М. Югов (Франкфурт-на-Майне); Г. Г. Бомаффе (Австралия); В. Г. Лямздорф (Испания); Б. С. Пушкарев (США); Н. Н. Рутыч, А. П. Столыпин (Франция); прот. Кирилл Фотин (ФРГ).

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M.—80
Телефон: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов „П о с е в а” в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран — приветствуется.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ“:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партократии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинщина — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма. *Мемуары*.

БОРОДИН Л. Повести *Год чуда и печали*, *Третья правда*, роман *Расставание*. Автор, отсидевший в лагере 6 лет (1967–73) за участие в подпольной организации ВХСОН), в 1982 г. приговорен к новому сроку — 10 лет заключения и 5 лет ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. Устами Буниных. Дневники, под ред. М. Гриня, в 3 томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История каральной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой. *Большая руда*. Зарубежное переиздание с послесловием автора. *Не обращайтесь внимания, мастер*. Сюжет — осада квартиры писателя органами КГБ — взят из жизни самого Владимира.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Постоянно переиздающийся и пополняемый сборник статей. Анализ боевых действий, причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протонерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обострение экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. Собрание сочинений: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Прощание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Кочегар для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2–3 раза в год.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. *Журналист для Брежнева*, *Ярмарка в Сокольниках*. Детективы, основанные на реальных фактах преступлений в номенклатурных верхах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Э. *Говорит Неизвестный*. Знаменитый скульптор говорит о себе, о своем творчестве, о сущности сов. режима.

НЕКРАСОВ В. *Сталинград* (повесть „В окопах Сталинграда“ и рассказы). Зарубежное переиздание с послесловием автора.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ «Промоксис», стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национально-го журнала «Вече».

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

ПАСТЕРНАК Б. *Доктор Живаго*.

ПУШКАРЕВ С. *Самоуправление и свобода в России*. О развитии форм народного самоуправления от древней Руси до их крушения в 1917 г. *Роль Православной Церкви в истории России*.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием «Пределы вандализма».

РЕДЛИХ Р. *Сталинщина как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества. *Солидарность и свобода*. Изложение идеологии НТС.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. *«Дело Солженицына»*, *Нобелевская премия*, *О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980-82 гг. с выводами, которые должны сделать для себя рабочее движение в России.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, В. Аксенова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Копелева, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, И. Ратушинской, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможи, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.